

ISSN 2949-1185

Российская Академия Наук

ТРУДЫ

Кольского научного центра РАН

1/2025(4)

СЕРИЯ: ЕСТЕСТВЕННЫЕ
И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

0+

Российская Академия Наук

ТРУДЫ

№ 1/2025(4)

Научно-информационный журнал
Основан в 2010 году
Выходит 4 раза в год

Кольского научного центра. Серия: Естественные и гуманитарные науки

Главный редактор
акад. РАН, д. г.-м. н. С. В. Кривовичев

Заместитель главного редактора
к. б. н. Е. А. Боровичев

Редакционный совет:
акад. РАН, д. г. н. Г. Г. Матишов,
чл.-корр. РАН д. б. н. В. К. Жиров,
чл.-корр. РАН д. т. н. А. И. Николаев,
чл.-корр. РАН, д. х. н. И. Г. Тананаев,
д. э. н. Ф. Д. Ларичкин,
д. ф.-м. н. Е. Д. Терещенко,
к. т. н. А. С. Карпов (отв. секретарь)

Редколлегия серии:
акад. РАН, д. г.-м. н. С. В. Кривовичев,
акад. РАН, д. б. н. Г. Г. Матишов,
чл.-корр. РАН, д. б. н. В. К. Жиров,
д. г.-м. н. В. В. Балаганский,
д. г.-м. н. Т. Б. Баянова,
д. и. н. С. Г. Веригин,
д. и. н. И. Ю. Винокурова,
д. ф.-м. н. В. Г. Воробьев,
д. г. н. В. А. Даувальтер,
д. и. н. В. В. Ефимова,
д. и. н. И. Л. Жеребцов,
д. ф.-м. н. В. Е. Иванов,
д. б. н. Л. А. Иванова,
д. ф.-м. н. Б. В. Козелов,
д. г.-м. н. Н. Е. Козлов,
д. б. н. Н. А. Константинова,
д. б. н. П. Р. Макаревич,
д. т. н. Д. В. Макаров,
д. и. н. Е. П. Мартынова,
д. т. н. В. А. Маслобоев,
д. ф.-м. н. И. В. Мингалев,
д. и. н. С. А. Никонов,
д. и. н. И. А. Разумова,
д. и. н. А. А. Селин,
д. и. н. Ю. П. Шабаетов,
д. б. н. Н. Ю. Шмакова,
к. ф.-м. н. Ю. В. Балабин,
к. ф.-м. н. В. Б. Белаховский,
к. б. н. Е. А. Боровичев,
к. б. н. Д. А. Давыдов,
к. б. н. Д. Б. Денисов,
к. б. н. И. В. Зенкова,
к. и. н. К. С. Казакова,
к. б. н. Н. Е. Королева,
к. ф.-м. н. О. В. Мингалев,
к. г. н. Д. В. Моисеев,
к. г.-м. н. С. В. Мудрук,
к. ф.-м. н. К. Г. Орлов,
к. и. н. Е. А. Пивнева,
к. ф.-м. н. Ю. В. Федоренко

Ответственные редакторы номера:
д. и. н. И. А. Разумова, к. и. н. К. С. Казакова

Учредитель — Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр «Кольский научный центр РАН»
(ФИЦ КНЦ РАН)

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-83506 от 24 июня 2022 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций.

Научное издание

Технический редактор В. Ю. Жиганов
Редактор Ю. Н. Еремеева
Подписано к печати 19.06.2025.
Дата выхода в свет 20.06.2025.
Формат бумаги 60×84 1/8.
Усл. печ. л. 13,72. Заказ № 41. Тираж 300 экз.
Свободная цена.

Адрес учредителя, издателя, редакции и типографии:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
«Кольский научный центр РАН» (ФИЦ КНЦ РАН)
184209, г. Апатиты, Мурманская область, ул. Ферсмана, 14
Тел.: 8 (81555) 7-53-50; 7-95-95, факс: 8 (81555) 7-64-25
Электронная почта: ksc@ksc.ru
Сайт: www.ksc.ru

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	Слово об ученом: памяти Евгении Яковлевны Пации.....	5
ЭТНОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ		
Шабалина О. В., Сулейманова О. А.	Музей как контекст одной судьбы: к юбилеям Е. Я. Пации и Музея-Архива ЦГП КНЦ РАН.....	15
Бусырева Е. В.	Воспоминания сотрудников КНЦ РАН о Великой Отечественной войне.....	30
Стрельников В. В.	Память о Великой Отечественной войне в мемориальных объектах Мурманской области.....	44
Бакула В. Б.	Изучение саамского фольклора в стенах Мурманского университета.....	52
Лисицинский А.	Антропологическая перспектива изучения российского образования.....	57
Давыдова А. С., Штырков С. А.	«Место поистине мистическое и загадочное»: методы работы с воображением туристов в рекламе поездок на Сейдозеро (Мурманская область).....	68
ИСТОРИЯ		
Кожевникова Ю. Н.	Священник Николай Шмаков (1829–1902) — историограф Понойского прихода Кольского благочиния.....	81
Хромцова Т. В.	«Мореплавание есть черноземное поле для России...»: Христиан Мартынович Вальдемар (1825–1891) и начало создания в 1867 году системы российского мореходного образования.....	89
Панов Д. А., Дмитренков В. Н.	Мореходные документы личного характера как источник по истории рыбной промышленности Мурманска в советский период (из фондового собрания Мурманского областного краеведческого музея).....	95
Заика Ю. В.	Полтора века глобального научного сотрудничества в рамках программы «Международный полярный год» (1882–2025): уроки и перспективы.....	100
Бисаева Е. А.	Мемориальный комплекс горного инженера-геолога В. И. Намоюшко из собрания МАУК «Ковдорский краеведческий музей»: изучение, сохранение, актуализация.....	108
Сушко Е. О.	«Пьесе “Бедность не порок” снять с анонса»: вопросы материально-духовного развития молодежи станции Имандра в протоколах заседаний первичной ячейки РКСМ (апрель – май 1920 года).....	121
АРХЕОЛОГИЯ		
Шахнович М. М.	Опыт экспериментального расщепления кварца в Карелии.....	133
Шевелёв В. В., Грязов А. М.	Культовые камни Кенозерья: опыт исследований 2023–2024 годов.....	139

1/2025(4)

Scientific journal
Published since 2010
Publication frequency — four times a year

Russian Academy of Sciences
TRANSACTIONS

Kola Science Centre. Series: Natural Sciences and Humanities

Editor-in-Chief

S. V. Krivovichev, Academician of RAS,
Dr. Sc. (Geology & Mineralogy)

Deputy Editor-in-Chief

E. A. Borovichev, PhD (Biology)

Editorial Council:

G. G. Matishov, Academician of RAS, Dr. Sc. (Geography),
V. K. Zhiron, Cor. Member of RAS, Dr. Sc. (Biology),
A. I. Nikolaev, Cor. Member of RAS, Dr. Sc. (Engineering),
I. G. Tananaev, Cor. Member of RAS, Dr. Sc. (Chemistry),
F. D. Larichkin, Dr. Sc. (Economics),
E. D. Tereshchenko, Dr. Sc. (Physics and Mathematics),
A. S. Karpov, PhD (Engineering) — Executive Secretary

Editorial Board:

S. V. Krivovichev, Academician of RAS,
Dr. Sc. (Geology & Mineralogy),
G. G. Matishov, Academician of RAS, Dr. Sc. (Biology),
V. K. Zhiron, Cor. Member of RAS, Dr. Sc. (Biology),
V. V. Balaganskiy, Dr. Sc. (Geology & Mineralogy),
T. B. Bayanova, Dr. Sc. (Geology & Mineralogy),
S. G. Verigin, Dr. Sc. (History),
I. Yu. Vinokurova, Dr. Sc. (History),
V. G. Vorobjov, Dr. Sc. (Physics & Mathematics),
V. A. Dauvalter, Dr. Sc. (Geography),
V. V. Efimova, Dr. Sc. (History),
I. L. Zhrebtsov, Dr. Sc. (History),
V. E. Ivanov, Dr. Sc. (Physics & Mathematics),
L. A. Ivanova, Dr. Sc. (Biology),
B. V. Kozlov, Dr. Sc. (Physics & Mathematics),
N. E. Kozlov, Dr. Sc. (Geology & Mineralogy),
N. A. Konstantinova, Dr. Sc. (Biology),
P. R. Makarevich, Dr. Sc. (Biology),
D. V. Makarov, Dr. Sc. (Engineering),
E. P. Martynova, Dr. Sc. (History),
V. A. Masloboev, Dr. Sc. (Engineering),
I. V. Mingalev, Dr. Sc. (Physics & Mathematics),
S. A. Nikonov, Dr. Sc. (History),
I. A. Razumova, Dr. Sc. (History),
A. A. Selin, Dr. Sc. (History),
Yu. P. Shabaev, Dr. Sc. (History),
N. Yu. Shmakova, Dr. Sc. (Biology),
Yu. V. Balabin, PhD (Physics & Mathematics),
V. B. Belakhovskiy, PhD (Physics & Mathematics),
E. A. Borovichev, PhD (Biology),
D. A. Davidov, PhD (Biology),
D. B. Denisov, PhD (Biology),
I. V. Zenkova, PhD (Biology),
K. S. Kazakova, PhD (History),
N. E. Koroleva, PhD (Biology),
O. V. Mingalev, PhD (Physics & Mathematics),
D. V. Moiseev, PhD (Geography),
S. V. Mudruk, PhD (Geology & Mineralogy),
K. G. Orlov, PhD (Physics & Mathematics),
E. A. Pivneva, PhD (History),
Yu. V. Fedorenko, PhD (Physics & Mathematics)

Executive Editors:

I. A. Razumova, Dr. Sc. (History), K. S. Kazakova, PhD (History)

Founder — Federal State Budget Institution of Science
Federal Research Centre "Kola Science Centre of the Russian
Academy of Sciences"

Mass Media Registration Certificate

ПИ No. ФС77-83506 issued by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology and Mass Media
on June, 24 2022

Scientific publication

Technical Editor V. Yu. Zhiganov
Editor Yu. N. Yermeyeva

14, Fersman str., Apatity, Murmansk region, 184209, Russia
Tel.: 8 (81555) 7-93-80. Fax: 8 (81555) 7-64-25
E-mail: ksc@ksc.ru
www.ksc.ru

CONTENTS

Editorial note	In memory of the scientist Evgenia Yakovlevna Patsia.....	5
ETHNOLOGY, ETHNOGRAPHY, ANTHROPOLOGY		
Shabalina O. V., Suleymanova O. A.	Museum as a context of one destiny: on the anniversaries of E. Ya. Patsia and the Museum-Archive of the Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences.....	15
Busyreva E. V.	Memories of the Employees of the KSC RAS about the Great Patriotic War.....	30
Strelnikov, V. V.	Memory of the Great Patriotic War in memorial objects of the Murmansk region...	44
Bakula V. B.	The study of Sami folklore within the walls of Murmansk University.....	52
Lisitsinskiy A. M.	Anthropological perspective of studying Russian education.....	57
Davydova A. S., Shtyrkov S. A.	"A Truly Mystical and Enigmatic Place": Methods of Engaging Tourists' Imagination in the Promotion of Trips to Seydozero Lake (Murmansk Region).....	68
HISTORY		
Kozhevnikova Yu. N.	Priest Nikolai Shmakov (1829–1902) — the historiographer of the Ponoï parish of the Kola deanary.....	81
Khromtsova T. V.	"Seafaring is a black earth field for Russia...": Christian Martynovich Waldemar (1825–1891) and the establishment of the Russian maritime education system in 1867.....	89
Panov D. A., Dmitrenok V. N.	Personal maritime documents as a source on the history of the Murmansk fishing industry in the Soviet period (from the stock collection of the Murmansk Regional Museum of Local Lore).....	95
Zaika Y. V.	A century and a half of global scientific cooperation under the International Polar Year program (1882–2025): lessons and perspectives.....	100
Bisaeva E. A.	Memorial complex of mining engineer-geologist V. I. Namoyushko from the collection of the Kovdorsky museum of local lore: study, preservation, updating...	108
Sushko E. O.	«Remove the play «Poverty Is No Vice» from the Announcement»: Comprehensive material and cultural development of youth at the Imandra station based on RCUY meeting protocols (April-May 1920).....	121
ARCHEOLOGY		
Shakhnovitch M. M.	Experimental quartz splitting experience of quartz in Karelia.....	133
Shevelev V. V., Gryazov A. M.	Cult Stones of Kenozero: Research Experience in 2023–2024.....	139

От редакции

Этот выпуск журнала посвящен двум юбилейным событиям: 80-летию со дня рождения Евгении Яковлевны Пации (1945–2022) и 50-летию со дня основания постоянной выставки «Музей-Архив истории изучения и освоения Европейского Севера» ЦГП КНЦ РАН, одним из организаторов и многолетним руководителем которого была Е. Я. Пация. Большая часть статей выпуска написана на основе докладов, прозвучавших в рамках Всероссийской научно-практической конференции «История и перспективы развития окраинных арктических территорий России», которая состоялась в Апатитах 30 и 31 января 2025 года и была приурочена к этим двум важным для истории культуры и науки региона датам.

Обложка программы конференции

Участники конференции

Номер журнала открывает редакционный очерк, посвященный памяти Евгении Яковлевны Пации, в котором представлены воспоминания о ней друзей и коллег.

Слово об ученом: памяти Евгении Яковлевны Пации

**Пация Евгения Яковлевна
(1945–2022)**

Евгения Яковлевна Пация стояла у истоков организации Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера и долгие годы была его куратором. Ее связь с музеем началась в 1973 году, когда по приглашению председателя Северного филиала Географического общества (СФ ГО) СССР к. г. н. Бориса Ивановича Кошечкина она стала редактором сборника «Природа и хозяйство Севера», а вскоре и ученым секретарем СФ ГО СССР. В соответствии с решением II-ой Отчетно-выборной конференции СФ ГО СССР и Постановлением Президиума ГО СССР от 20 ноября 1974 года в городе Апатиты Мурманской области появился Музей-Архив истории изучения и освоения Европейского Севера, действовавший на общественных началах, а с 25 июня 1980 года он стал филиалом Музея ГО СССР.

В 1985 году Музей-Архив был включен в состав сектора социальных проблем Отдела экономических исследований (ОЭИ) Кольского филиала АН СССР. Новой научно-исследовательской группе в составе отдела (а с 1986 года — Института экономических проблем КФАН СССР), научным сотрудником которой стала Евгения Яковлевна Пация, было поручено изучение проблем социально-экономического развития коренного населения Мурманской области.

В 1990-е годы Евгения Яковлевна активно участвовала в ряде международных проектов по изучению и сохранению арктического историко-культурного наследия. С 1997 года она возглавляла обновленный Музей-Архив, вошедший в структуру Международного центра науки, культуры и образования в Баренц/Евро-Арктическом регионе (МЦНКО) КНЦ РАН (с 2004 года — Центр гуманитарных проблем Баренц региона КНЦ РАН), и продолжала заниматься историей и этнографией народов Кольского Севера, историей науки в Арктике.

Евгения Яковлевна — автор знаменитых книг «Саамские сказки», «Невеста солнца», «Семилетний стрелок из лука», «Саамские сказки Кольской Лапландии» и кулинарно-этнографических зарисовок «Кольское застолье». При непосредственном ее участии были изданы первое в России учебное пособие «Саамское рукоделие» на саамском и русском языках, собрание работ экспедиционных художников XIX–XX веков, принадлежащих Музею-Архиву истории изучения

и освоения Европейского Севера, двуязычный сборник саамской паремиологии Е. И. Мечкиной «Фольклорные традиции в культуре саамской семьи».

Те, кому посчастливилось работать и общаться с Евгенией Пацией, помнят ее как неустанного собирателя и хранителя истории и фольклора, великолепного рассказчика, настоящего друга и человека, беззаветно любившего Кольский Север.

С разрешения коллег мы публикуем воспоминания о Евгении Яковлевне Пации, которые прозвучали на пленарном заседании Всероссийской научно-практической конференции «История и перспективы развития окраинных арктических территорий России», приуроченной к 80-летию со дня рождения Евгении Пации и 50-летию со дня основания Музея-Архива ЦГП КНЦ РАН, которая состоялась в Апатитах 30 и 31 января 2025 года.

Советник генерального директора КНЦ РАН
д. т. н. В. А. Маслобоев

Заместитель генерального директора КНЦ РАН,
и. о. директора ЦГП КНЦ РАН к. э. н. В. В. Дядик

Директор филиала Мурманского арктического
государственного университета в городе Апатиты
к. э. н. О. М. Островская

Главный научный сотрудник ЦГП КНЦ РАН
д. и. н. И. А. Разумова

**Наталья Николаевна Гуцол, к. и. н., зам. директора по научной работе
Международного центра по развитию науки, культуры и образования
в Баренц/Евро-Арктическом регионе КНЦ РАН в 1995–2001 году**

Слева направо: Е. Пация, Л. Авдеева и Н. Гуцол за обсуждением экспедиционных маршрутов. Ловозеро. 1990-е

О Жене

Уважаемые коллеги,

в первую очередь хочу выразить благодарность оргкомитету конференции за предоставленную возможность поделиться своими воспоминаниями о Евгении Яковлевне Пации. Это вернуло меня на 25 и даже 40 лет назад, в прекрасные 15 лет моей жизни и интереснейшей работы на Кольском полуострове. Все эти годы и несколько последующих лет были неразрывно связаны с Женей. Не буду оригинальна, сказав, что большое видится на расстоянии. А уж мое расстояние и в пространстве, и во времени немалое.

Женю я в последний раз видела в 2021 году, будучи в Апатитах. Тезисно поделились событиями из личной жизни и расстались. Как оказалось, навсегда. Все время, приезжая, я куда-то торопилась. Иногда она оказывалась в отпуске. Всегда было ощущение, что все еще будет, и мы сможем спокойно поговорить. Но не случилось...

Впервые мы познакомились с Женей в 1986 году. К этому моменту наш Музей был переведен из Географического общества в состав Института экономических проблем КНЦ РАН. А я после окончания аспирантуры Московского института этнологии и антропологии РАН была принята м. н. с. в группу Музея. И вот в феврале этого же года я пришла познакомиться с группой, состоявшей из трех замечательных сотрудниц — Е. Я. Пации, А. Г. Саморуковой и Н. А. Ильиной, с которыми мне предстояло проработать последующие 15 лет. Встретили меня хорошо, но в кармане у меня было на всякий случай письмо от Татьяны Васильевны Лукьянченко, которую я знала как исследователя саамов и была знакома по Институту этнологии. Письмо было адресовано Жене (они были знакомы). Это письмо, как впоследствии говорила сама Женья, было важным для нее. Оно в значительной степени повлияло на наши творческие и личные отношения с Женей, а с Татьяной Васильевной мы долгие годы потом продолжали плодотворно сотрудничать.

Так началась наша с Женей совместная работа, а группа теперь уже из четырех сотрудниц в неизменном составе просуществовала вплоть до переезда в новое здание. Нас иногда разбавляли то художниками, то картографами, но временно. Самым постоянным тандемом в этой группе были Женья и Тоня, обе начинавшие работать еще с Б. Кошечкиным и проработавшие вместе более сорока лет. Умные

и образованные, с хорошим вкусом, пониманием и видением того, как должен выглядеть и функционировать Музей. Очень разные: импульсивная, увлекающаяся и непоседливая Женья и скрупулезная, аккуратная и ответственная Тоня. Они прекрасно дополняли друг друга и долгие годы были хозяйками и лицом Музея.

Я музейной работой занималась не много, хотя моя дальнейшая научная и экспедиционная деятельность всегда предполагала пополнение архива и, по возможности, музейной экспозиции. Поэтому наиболее запоминающимся было мое первое лето в Апатитах, когда я осталась одна в Музее. Надо было вести экскурсии, принимать любопытных туристов и заезжих краеведов, гостей из государственного исторического музея, отвечая при этом за сохранность коллекции.

Женья тем летом собралась в экспедицию с другом Музея и известным любителем Кольского края Олегом Беляевым. Помню об этом благодаря двум моментам: сборам в экспедицию и возвращением из нее. Кто знает и помнит Женю, легко узнает в этом ее характер. Собираясь в поле, энтузиасты планировали, помимо прочего, провести раскопки (в каком месте и что хотели копать не помню). Они попросили меня проконсультировать их о том, как правильно вести раскопки. Я не археолог и практика археологическая у меня была в Кунсткамере в отделе археологии, а не в поле, но что я хорошо помнила из университетского курса археологии так это то, что вести раскопки без особого на то разрешения запрещено. Что я им и сказала, но на всякий случай снабдила их описаниями и графическими рисунками раскопов. Насколько помню, дело до раскопок не дошло. Вернулись из экспедиции ночью, весь инвентарь и находки разумно было решено завезти сразу в Музей. В Музее сработала сигнализация, и меня среди ночи привезли на милицейской машине проверять. В Музее были уставшие, но довольные исследователи, забывшие снять Музей с сигнализации. По-моему, одной из находок тогда было весло. Могу ошибаться.

Здесь же хочу отметить, что Женья каким-то чудесным образом умела поддерживать многолетние отношения с такими же увлеченными, как она, Севером людьми. Музей всегда был местом притяжения множества известных и малоизвестных ученых из нашей страны и из-за рубежа, художников, краеведов. Попадались и просто чудaki, движимые псевдонаучными идеями. Женья для всех находила нужные слова, а в Музее и архиве гости находили интересующие их материалы. Еще, вспоминая Музей, я вспоминаю почему-то чаще всего наше помещение по адресу ул. Гайдара, д. 2 — уютнейшее место, маленький оазис в городе, напоминавший мне чем-то старые кафедры и кабинеты истфака ЛГУ.

Я сознательно не хочу углубляться в исследовательскую работу, которая нас с Женей объединяла все эти годы и потом, когда я уехала, продолжая вести проекты на Кольском полуострове. О ее профессиональной деятельности будет еще сказано немало за два дня конференции. Для меня Женья важнее как личность, как человек, сыгравший в моей научной работе и карьере большую роль. За что я ей всегда была и буду благодарна.

Женья была неординарным, разносторонним и образованным человеком, что позволило ей свои профессиональные навыки журналиста использовать в ее работе по изучению и популяризации устного народного творчества саамов. В известной степени в такой форме сделать это удалось только ей.

Женья обладала редчайшим коммуникативным даром. Причем это относилось ко всем людям независимо от их национальной принадлежности и социального статуса, рода деятельности. Именно этот ее дар послужил успеху как ее литературной работы, так и всех наших совместных научных проектов. Женю знали почти все саамы или, по крайней мере, слышали о ней, читали составленные ею саамские сказки. И, как правило, дружественные отношения завязывались с саамами надолго и были взаимными. В конце 80-х и труднейшие 90-е годы Женья неустанно помогала чем могла саамским коллективам, создаваемым частным национальным предприятиям, отдельным саамским семьям. Не последнюю роль в этом играло и ее умение наладить отношения с областной, районной администрацией и саамской интеллигенцией. А наши научные предложения были услышаны и нашли свое место в законодательных инициативах и в повседневной жизни саамского общества.

Женья была очень активным человеком, влюбленным в Кольский край, подаривший эту любовь многим. Я — одна из них. И чем больше я его познавала, благодаря нашим совместным путешествиям, тем больше влюблялась в него, тем больше понимала Женю.

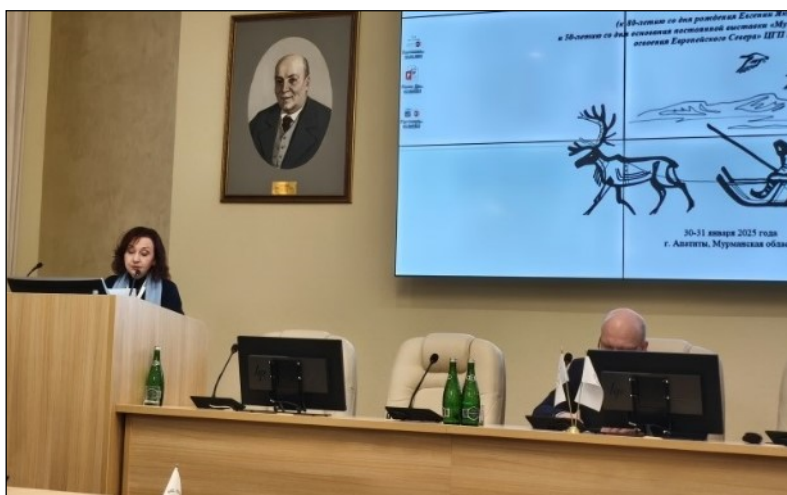
Было и еще одно неоценимое качество Жени — умение организовать жизнь в любых обстоятельствах: найти, достать, договориться, приготовить, доставить, в конце концов, собрать и поймать. Вспоминается первый российско-финский проект и экспедиция в Ловозеро и Краснощелье (1992 год). Денег мало, в магазинах ничего нет, с транспортом плохо, а кормить зарубежных коллег

чем-то надо. Но была Женя на своих зеленых «Жигулях» с кастрюлями готовой еды! Она вовремя нас ставит в очередь за свежим хлебом, также к назначенному времени выстраиваемся за молоком и сливками, а вместо отмененных рейсов самолета на Краснощелье нас ждет вертолет на поле. И мы летим. А если членам экспедиции нужно помыться, то неожиданно в Краснощелье находится очень гостеприимная семья коми, готовая нас накормить и предоставить свою баню.

Женю знали и любили не только саамы, но и наши зарубежные коллеги. Она неоднократно один на один с ними работала в экспедициях. И, несмотря на ее слабое знание английского языка, они понимали друг друга, для нее это не было преградой. Уверена, что они до сих пор тепло ее вспоминают.

Можно еще много вспоминать, так как немало вместе пройдено. В заключение скажу о личном. Женя для меня была одним из значимых людей как в моей творческой судьбе, так и в жизненной. Она была надежной опорой в работе, а ее опыт и знание людей меня многому научили. А еще Женя умела прощать, не держала зла, что было прекрасным основанием и условием для достижения взаимопонимания в самых сложных обстоятельствах. Я с благодарностью сегодня вспоминаю ее и сожалею, что ее уже с нами нет...

Лариса Александровна Рябова, к. э. н., зам. директора по научной работе
Института экономических проблем им. Г. П. Лузина КНЦ РАН

Заместитель директора по научной работе ИЭП КНЦ РАН к. э. н. Л. А. Рябова

Вспоминая Евгению Яковлевну Пацию

С Евгенией Яковлевной я познакомилась около сорока лет назад. Мы работали в одном подразделении — в секторе социальных проблем Отдела экономических исследований Кольского филиала АН СССР. Я пришла в сектор в 1982 году после окончания института, а Музей-Архив, где работала Евгения Яковлевна, был включен в состав Отдела и сектора в 1985 году.

Мое первое яркое воспоминание о Евгении Яковлевне — ее день рождения в 1985 году, когда она накрыла для нас праздничный стол. Мы тогда работали на территории Академгородка в 13-м домике, и стол был накрыт в одной из самых больших его комнат. Мне запомнилось, как Евгения Яковлевна в белой блузке, с ярко-рыжими волосами, веселая, шумная, доставала из сумок и ставила на стол еду, которую приготовила сама, — маринованную капусту со свеклой (я такую видела в первый раз — ярко-розовые листья в белых салатницах), свежайшие пироги с красной рыбой на сверкающих подносах и, что больше всего меня впечатлило, огромный пышный бисквитный рулет со взбитыми сливками, в которых лежала гора ярко-желтой морошки.

Меня поразили и стол, необычный для того времени, и прежде всего сама Евгения Яковлевна. Она рассказывала интереснейшие истории и в то же время была хозяйкой застолья, ничего и никого не упуская из виду. Казалось, ей все было легко — и сделать такое роскошное угощение, и поговорить с каждым гостем, и в ходе застольной беседы что-то придумать и запланировать по работе.

В 1986 году на базе нашего Отдела был создан Институт экономических проблем, и в нем Евгения Яковлевна проработала до 1996 года. В эти годы и потом, когда Музей-Архив перешел в структуру Международного центра по развитию науки, культуры и образования в Баренц/Евро-Арктическом регионе (затем — Центр гуманитарных проблем Баренц региона КНЦ РАН), мы встречались в основном в связи с работой в международных проектах. Также Евгения Яковлевна часто проводила экскурсии в Музей для гостей нашего Института, приезжавших на конференцию «Лузинские чтения», для наших зарубежных коллег. Иногда вместе с ней мы ездили на международные конференции в Финляндию и Норвегию. Например, вместе с Натальей Николаевной Гуцол, которая в то время была научным секретарем Международного центра по развитию науки, культуры и образования в Баренц/Евро-Арктическом регионе КНЦ РАН, и Евгенией Яковлевной мы ездили на конференции и рабочие встречи по проекту создания сети женщин-исследователей Баренцева региона Femina Borealis, которые чаще всего проходили в Финляндии.

Быть в поездках с ней было интересно и уютно. По работе, на конференциях она могла рассказать такое, о чем не знал никто, увлечь слушателей своим энтузиазмом и глубокими знаниями. А в дороге могла, как волшебница, сварить кашу из топора и накормить всех вокруг. И снова казалось, что ей все легко, что она идет вперед, не замечая трудностей пути.

Евгения Яковлевна, тетя Женя, как мы ее между собой называли, могла видеть то, что не замечали другие люди, и находить необычное в обычном. Всегда могла найти слова, предназначенные именно для ее собеседника, умела создать новое из хорошо знакомого и бережно хранить самое важное.

Евгения Яковлевна была организатором исторического клуба ветеранов КНЦ РАН. Клуб работал многие годы, объединяя тех, кто своим трудом развивал Кольский научный центр, сохраняя память об этих людях и их делах. Евгения Яковлевна неустанно тянула живую связующую ниточку из прошлого в настоящее и будущее, хранила историю нашего края и Кольского научного центра, создавала ее и сама стала значимой частью нашей истории.

Светлана Николаевна Виноградова, к. э. н., научный секретарь
Санкт-Петербургского филиала Государственного научного центра РФ
ФГБНУ «ВНИРО» («ГосНИОРХ» им. Л. С. Берга)

С. Н. Виноградова и Е. Я. Пация (первая и вторая слева) на открытии выставки саамского рисунка. 2010-е

Уважаемые коллеги! Друзья!

Искренне благодарю за приглашение принять участие в работе Всероссийской научно-практической конференции «История и перспективы развития окраинных арктических территорий России», посвященной памяти Евгении Яковлевны Пации и 50-летию со дня основания постоянной выставки «Музей-Архив истории изучения и освоения Европейского Севера».

А еще благодарю за возможность вспомнить прекрасное время, проведенное в стенах Кольского научного центра, вернуться в атмосферу тех лет, ощутить тепло родного города и близких людей.

Для меня, как и для многих, имя Евгении Яковлевны напрямую связано с Центром гуманитарных проблем Кольского научного центра РАН (первоначально Международный центр науки, культуры и образования Баренц/Евро-Арктического региона), где я проработала восемнадцать, возможно, самых плодотворных лет своей жизни (с 1996 по 2014 год).

Центр был создан в середине 1990-х годов — время перелома, крушения основ и поиска новых смыслов. Я думаю, сегодняшнему поколению ученых, особенно молодых, достаточно трудно представить, как это было, когда наука мало кому интересна, а ученые, по сути, предоставлены сами себе. А наши задачи в то время были на порядок сложнее — нам, сотрудникам только что образованного Центра, выпала честь не просто начинать все с нуля, но еще и доказывать товарищам по научному цеху, что мы тоже ученые, что занимаемся важными и достойными внимания вопросами. И поверьте, в реалиях Кольского научного центра того времени, имевшего богатейшую историю в области естественно-научных и технических изысканий, но не проводившего системных исследований в гуманитарной сфере, это было совсем непросто.

И только реальными делами, такими как осуществление проектов под эгидой ООН, получение грантов Совета министров северных стран, включение наших научных результатов в отчет важнейших достижений РАН, мы подтверждали в те годы свой статус и свое право на существование в качестве самостоятельного научного подразделения КНЦ РАН.

Но нам очень повезло. У нас были для таких результатов и предпосылки, и ресурсы. Главный из них — вошедший в состав вновь образованного подразделения Музей истории изучения и освоения Европейского Севера (бывший филиал Музея Географического общества СССР в городе Апатиты), к созданию и функционированию которого Евгения Яковлевна Пация имела самое непосредственное отношение. И нужно отметить, что и в дальнейшем Музейный сектор, бессменно возглавляемый Евгенией Яковлевной, всегда оставался ключевым звеном в структуре ЦГП КНЦ РАН.

Но, на мой взгляд, осмысление роли Центра гуманитарных проблем в развитии науки на Кольском Севере и вклада его отдельных сотрудников в эти процессы — это вопросы, достойные отдельного внимания. И сегодняшняя конференция тому подтверждение. Просматривая ее программу, охватывающую различные аспекты социокультурного, исторического, экономического развития Арктики, обращая внимание на состав и географию участников, я понимаю, что у нас в свое время все получилось — гуманитарные исследования в Кольском научном центре состоялись. Выросло уже целое поколение тех, кто самым достойным образом его представляет.

Конечно, это результат длительной работы многих ученых и руководства Кольского научного центра, которое в свое время рискнуло и сделало на этот проект ставку. Но были и те, кто стоял у истоков независимо ни от чего, кто оставался собой при любых внешних обстоятельствах. И, конечно, среди них и Евгения Яковлевна.

Яркая, темпераментная, эмоциональная, всегда готовая, если нужно, донести до руководства наши запросы, принять при необходимости удар на себя и прийти на помощь, если попросишь — вот именно такой я ее и помню. А еще просто живой, в том смысле, что фонтанирующей жизненной энергией, распространяющейся на всех вокруг.

И наш Центр представить без нее просто невозможно. Особенно тогда, в самом начале. Ведь это было не только научное учреждение, где многие, включая меня, сформировались как ученые. Для нас это был еще и наш второй дом. Здесь мы проводили большую часть своей жизни, отмечали как общественные, так и личные праздники, накрывали столы, принимали гостей. Здесь были свои традиции, свой внутренний уклад и, не побоюсь этого слова, свой особый стиль. Руководство Кольского научного центра, зная

это, поручало нам проведение мероприятий самого высокого уровня. Вот уж где невозможно было обойтись без Евгении Яковлевны. Не зря о ее гостеприимстве и кулинарном таланте ходят легенды.

И да, у меня в запасе имеется пара блюд грузинской кухни, которые я умею приготовить так, как учила «мама Женя». И поверьте — это всегда беспроигрышно. А если еще рассказать, что это по рецепту одной удивительной женщины кавказских кровей, родившейся на корабле в Тихом океане (во всяком случае именно так она рассказывала о своем появлении на свет) и внесшей неоспоримый вклад в дело сохранения культурного наследия коренных малочисленных народов Севера — ваши гости будут ошеломлены и обескуражены.

И сегодня, когда Евгения Яковлевна, как в старые добрые времена, вновь собрала всех вокруг себя, можно быть уверенным, что мероприятие будет неординарным, что оно запомнится, оставит след. А конференция, организованная как юбилейная, возможно, станет регулярной.

Елена Ивановна Макарова, к. и. н.,
зав. Научным архивом КНЦ РАН

Е. Я. Пация и Е. И. Макарова в Музее-Архиве

Всего 77 лет прожила Евгения Яковлевна Пация — заслуженный работник культуры РФ, почетный гражданин города Апатиты, профессиональный этнограф, но прежде всего человек широкой души, необычайно харизматичная и талантливая на жизнь женщина! Впервые я услышала о ней в 1984 году. Еще работая в вычислительном центре треста «Апатит», случайно заглянула в музей у колокола. Я очень трудно привыкала к Северу, приехала временно, на три года. Но когда я оказалась в этом музее у колокола, я очутилась в особом мире — уютном, наполненном красотой и теплом. Тогда и услышала имя автора и организатора этого пространства — Евгении Пации. <...> Неудивительно, что именно она впервые написала книгу о питании на Севере и традициях северян — «Кольское застолье». Во всем, в самых мелочах Евгения Яковлевна была всегда верна себе — быть лучшей и неповторимой. Занимаясь изучением этнографии саамов Кольского полуострова, Евгения Яковлевна увековечила кольскую литературу прекрасными плодами своих трудов. Каждое из ее творений и изданий, по сути, стало

классикой жанра. <...> Ее книги расходились, как горячие и вкусные пирожки! Я сама была охотницей за ее книгами и, слава Богу, собрала их. <...>

Говорят, нет незаменимых — это не так! Евгению Яковлевну заменить невозможно! Но в каждом, кто знал ее лично, осталась жить ее частичка. <...> Ну и, конечно, память о ней, о ее неизменном доброжелательном внимании!

Ольга Михайловна Островская, к. э. н.,
Директор филиала
Мурманского арктического государственного университета
в городе Апатиты

Здравствуйте, уважаемые коллеги!

Большое спасибо, что пригласили меня на эту конференцию и позволили поделиться моими воспоминаниями. Я сразу хочу сказать, что я в не столь большой мере знала ее как научного сотрудника и руководителя музея. <...> Для меня Евгения Яковлевна — это, наверное, больше друг семьи. Тот человек, с которым мне посчастливилось общаться в непринужденной домашней обстановке, <...> на даче.

Мы с ней много путешествовали, бывали в ресторанах. Посчастливилось мне с ней бывать и на шопинге. Если как-то попытаться все мои воспоминания о ней и ассоциации изложить довольно-таки емко и, может быть, буквально в двух словах, то мне в голову приходит два довольно-таки простых слова это: «красиво» и «вкусно». При этом эти два слова проявлялись в Евгении Яковлевне абсолютно в разных интерпретациях.

Первое — «красота». Конечно же «красота» — это в стиле изложения: в ее речах, в ее рассказах. Мы очень много с ней общались! Она много рассказывала о своей молодости, о своих путешествиях, о своих приключениях. И всегда это были рассказы, наполненные смыслом и такой энергией. Я думаю, именно из-за этого, в музей всегда выстраивалась очередь из экскурсантов, чтобы послушать Евгению Яковлевну. И в жизни она была такая же! И это определенный эмоциональный фон, именно смысловой фон, который, наверное, передать абсолютно невозможно.

Вторая, скажем так, интерпретация термина «красота» — это ее понимание и представление о гардеробе. И она при этом никогда не льстила, никогда не лукавила. Ну, что думает о твоём внешнем виде, то ты и получал в открытую.

Ну, и третья интерпретация этого «красиво и вкусно», мы уже об этом много говорили, это все, что связано с кулинарными способностями Евгении Яковлевны. <...> Как полезно и приятно было увязаться за ней в продуктовом магазине и подсматривать в ее корзинку. <...> Евгения Яковлевна на самом деле всегда готова была поделиться своими рецептами, дать какой-то совет. В магазинах она всегда выискивала какие-то нюансы: будь-то приправы или какая-то вкусняшка, соленья и варенья, на которые мы бы внимание и не обратили. <...> Евгения Яковлевна из этого готовила шедевры, которые нам всем нравились. Ну и, конечно же, подача! Там и кавказские корни дают о себе знать, поэтому это всегда было вкусно и красиво. <...>

Конечно, нам всем ее очень не хватает, но мы очень бережно сохраняем в себе все ее рассказы и все ее советы!

ЭТНОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 7.071.1:94(47)
doi:10.37614/2949-1185.2025.4.1.001

МУЗЕЙ КАК КОНТЕКСТ ОДНОЙ СУДЬБЫ: К ЮБИЛЕЯМ Е. Я. ПАЦИИ И МУЗЕЯ-АРХИВА ЦГП КНЦ РАН

Ольга Вячеславовна Шабалина¹, Олеся Анатольевна Сулейманова²

^{1, 2}Центр гуманитарных проблем Баренц региона Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук», Апатиты, Россия

¹o.shabalina@ksc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0711-1913>

²sul-olesya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5109-958X>

Аннотация

В статье на основе личных документов и материалов из семейного собрания Владимира Евгеньевича и Медеи Владимировны Ивановых, архивных документов из фондов Музея-Архива ЦГП КНЦ РАН представлена жизненная траектория исследователя Кольского Севера Евгении Яковлевны Пации, контекстом которой служит история создания Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН. Визуальное воплощение тема получила в форме выставки «Музей как контекст одной судьбы», открывшейся в рамках работы юбилейной конференции «История и перспективы развития окраинных арктических территорий России» 30 января 2025 года в городе Апатиты.

Ключевые слова:

Е. Я. Пация, Музей-Архив истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН, история науки, фольклор саами, сказки

Благодарности:

статья выполнена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра Российской академии наук № FMEZ-2024-0002.

Для цитирования:

Шабалина О. В., Сулейманова А. А. Музей как контекст одной судьбы: к юбилеям Е. Я. Пации и Музея-Архива ЦГП КНЦ РАН // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2025. Т. 4, № 1. С. 15–29. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.1.001.

ETHNOLOGY, ETHNOGRAPHY, ANTHROPOLOGY

Original article

MUSEUM AS A CONTEXT OF ONE DESTINY: ON THE ANNIVERSARIES OF E. YA. PATSIA AND THE MUSEUM-ARCHIVE OF THE BARENTS CENTRE OF THE HUMANITIES OF THE KOLA SCIENCE CENTRE OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Olga V. Shabalina¹, Olesya A. Suleymanova²

Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Apatity, Russia

¹o.shabalina@ksc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0711-1913>

²sul-olesya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5109-958X>

Abstract

The article, based on personal documents and materials from the family collection of Vladimir Evgenievich and Medea Vladimirovna Ivanov, archival documents from the funds of the Museum-Archive of the Barents Centre of the Humanities of the KSC RAS, presents the life trajectory of the researcher of the Kola North, Evgenia Yakovlevna Patsia, the context of which is the history of the creation of the Museum-Archive of the History of Studying and Exploration of the European North of the Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Center of the Russian Academy of Sciences. The theme received a visual embodiment in the form of the exhibition "Museum as the context of one destiny", which opened as part of the jubilee conference "History and Prospects for the Development of the Outlying Arctic Territories of Russia" on January 30, 2025 in the city of Apatity.

Keywords:

E. Ya. Patsia, Museum-Archive of the History of Studying and Exploration of the European North of the Barents Centre of the Humanities of the KSC RAS, history of science, Sami folklore, fairy tales

Acknowledgments:

the article was supported by the federal budget to carry out the state task of the Federal Research Centre "Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences" No. FMEZ-2024-0002.

For citation:

Shabalina O. V., Suleymanova O. A. Museum as a context of one destiny: on the anniversaries of E. Ya. Patsia and the Museum-Archive of the Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences // Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities. 2025. Vol. 4, No. 1. P. 15–29. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.1.001.

В последние два дня января 2025 года в городе Апатиты состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «История и перспективы развития окраинных арктических территорий России», посвященная памяти исследователя Кольского Севера Евгении Яковлевны Пации (1945–2022) и 50-летию со дня основания постоянной выставки «Музей-Архив истории изучения и освоения Европейского Севера» ЦГП КНЦ РАН. Е. Я. Пация¹ под руководством председателя Северного филиала Географического общества (СФ ГО) СССР к. г. н. Бориса Ивановича Кошечкина (1931–1995) стояла у истоков организации Музея-Архива и долгие годы была его куратором (рис. 1).

Рис. 1. Евгения Яковлевна Пация. 2022

Появился Музей-Архив в городе Апатиты Мурманской области в 1970-х годах, когда «музейный бум» уже охватил практически весь мир. Возникновение в конце 1960-х годов теории музейной коммуникации и ее последующее интенсивное развитие повлекли за собой значительные изменения в мировой культуре [1]. Появились новые трактовки музейной концепции, понимания ролей участников процесса музейной коммуникации, что привело к появлению новаторских стратегий организации музейных пространств и экспозиций [2: 36]. В 1960–1980-х годах повсеместно значительно возросло количество музеев, была расширена их типология, а также чрезвычайно выросла посещаемость музеев по всему миру.

СССР 1970–1980-е годов — это время определенного духовного климата, наполненного творческим подъемом. Город Апатиты, где развивались исследовательские институты первого по времени создания (1930) регионального центра академической науки в Советской России — Кольского филиала АН СССР, стал центром научной и культурной жизни региона. Среди ученых были свои поэты, писатели, художники, а также исследователи, заинтересованные в осмыслении уникального исторического опыта освоения Европейского Севера и Кольского полуострова. Однако сфера гуманитарного знания долгое время оставалась за рамками академической науки региона [3: 12].

На период 1970–1980-х годов приходится особо активная деятельность СФ ГО СССР. Костяк организации состоял из ученых трех филиалов: Кольского Филиала АН СССР, Карельского Филиала АН СССР, Коми Филиала АН СССР, а также специалистов Мурманского Филиала Института Арктики и Антарктики, Гидрографической службы Северного военно-морского флота и мн. др. Действительными членами ГО СССР становились все желающие, кому были не безразличны проблемы охраны природы, вопросы просвещения, история научных открытий и достижений на Севере.

Сотрудники Кольского Филиала АН СССР и действительные члены ГО СССР к. г. н. Б. И. Кошечкин и д. г. н. И. Л. Фрейдин участвовали в работе V Съезда Общества в 1970 году и были вдохновлены его решением восстановить Центральный географический музей. Тогда и возникла идея организации исторического

музея в городе Апатиты: был составлен план действий, определен круг персоналий-фондообразователей и в 1973 году начат сбор экспонатов. В соответствии с решением II-ой Отчетно-выборной конференции СФ ГО СССР и Постановлением Президиума ГО СССР от 20 ноября 1974 года в городе Апатиты был организован на общественных началах Музей-Архив истории изучения и освоения Европейского Севера².

Музей как феномен культуры, транслируя традиции, зафиксированные в культурном наследии определенной человеческой общности, призван стабилизировать общественные процессы, поддерживать сбалансированность ценностных систем как на межпоколенческом, этическом, так и в целом на социокультурном уровне. Музей соответствует той культуре, которую он репрезентует и, без сомнения, знакомит нас с системой ценностей своих создателей. Фонды и современная экспозиция Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН передают своеобразие культуры академических исследовательских практик, которые инициировались не только экономической повесткой каждой эпохи, но и неизбежно пришедшим на рубеже XX–XXI веков осознанием необходимости перехода от завоевания Севера к бережному обживанию этой хрупкой во многих смыслах территории. Данный тезис развивала Е. Я. Пация в своей журналистской и научной работах, воплощала на практике через образовательную и просветительскую деятельность в Музее-Архиве, который формировался, развивался, менялся вместе с ней.

В рамках работы юбилейной конференции была открыта выставка «Музей как контекст одной судьбы», основу концепции которой составляют два «запараллеленных» жизненных пути: музея и его создателя. Многогранная личность Евгении Яковлевны широко демонстрируется в экспозиционном пространстве посредством материалов и документов, художественных работ из семейного собрания Владимира Евгеньевича и Медеи Владимировны Ивановых, из фондов Музея-Архива ЦГП КНЦ РАН, из коллекции художника-иллюстратора Ирины Витальевны Ситдиковой. А история «детища» Е. Я. Пации представлена как контекст ее творческой и научной биографии. Важными историческими источниками для организации выставки стали редкие интервью с Е. Я. Пацией, которые она позволила записать авторам данной статьи в период с 2011 по 2020 годы.

Личные документы Евгении Яковлевны Пации, представленные на выставке, точно воссоздают вехи ее жизненного пути (рис. 2). Она родилась 8 января 1945 года во Владивостоке в семье Якова Владимировича и Ольги Федотовны Пация. Отец — родом из Цхакаевского района Грузинской ССР — окончил Севастопольское Военно-морское училище береговой обороны ВМФ им. ЛКСМУ, участвовал в обороне Севастополя (1941–1942) (рис. 3). Мама — выпускница радиотехнического отделения Владивостокского Морского техникума. Встретились они на службе в команде сухогруза «Жан Жорес». Его капитаном в это время была первая в мире женщина-капитан дальнего плавания Анна Ивановна Щетинина. Боевой командир старший лейтенант Яков Пация занимал пост помощника капитана по военной части.

Мама Евгении Яковлевны, кроме того, что имела специальные навыки техника-радииста, прекрасно владела английским языком. Поэтому капитан использовала ее и как переводчику, и доверяла ведение финансовых операций в банках иностранных портов. Буквально за несколько дней до родов первенца в декабре 1944 года Ольга Федотовна Пация была списана на берег во Владивостоке (рис. 4).

Через некоторое время молодая семья с дочкой Евгенией оказалась в Петропавловске-Камчатском, где жила то в бараке, то почти год на корабле (рис. 5). Далее капитана-лейтенанта Я. В. Пацию переводят в город Батуми на преподавательскую работу в Мореходное училище. Потом был город Поти, где Женечка пошла в первый класс. А второй закончила уже в Новороссийске. Евгения Яковлевна вспоминает, как была навсегда потрясена видом разрушенного войной города. И как не хотелось уходить из школы, в которой было множество кружков, организовывались выставки, театральные представления.

Где бы ни жила семья, дочка неизменно посещала музыкальную школу. Хотя, как утверждала сама Евгения Яковлевна, она не была одарена от природы ни слухом, ни чувством ритма, ее мама настаивала на музыкальных занятиях Жени. Дети Ольги Федотовны, в 1952 году в семье еще родился сын Владик, начинали читать еще будучи дошколятами, посещали драматические, оперные и балетные спектакли (рис. 6).

Отца еще несколько раз переводили по службе. Но семья уже не следовала за ним, а осела в городе Поти (рис. 7). Окончив семилетку, Евгения поступила в Батумское музыкальное училище. Уже первый год обучения однозначно дал ей возможность понять, что свою дальнейшую жизнь с музыкой она связывать не будет. Поэтому параллельно с учебой в училище Евгения окончила школу рабочей молодежи и поступила в 1964 году в Ленинградский государственный университет (ЛГУ) на факультет журналистики.

Почему была выбрана журналистика? Евгения всегда была в первых рядах воинствующих правдолюбов, переполненная юношеским максимализмом. Страстно хотела улучшить Мир. Поэтому на вопрос «Почему вы захотели стать журналистом?» в своем первом сочинении на факультете

она написала, что в нашем обществе много недостатков, с которыми нужно бороться, приводила свои умозаключения по поводу методов и средств в этой борьбе. «Пока я училась, — рассказывала Евгения Яковлевна, — разочарование в выбранной специальности меня не посещало: я легко писала, а в этой профессии, все-таки, главное уметь писать. Если умеешь, то состоишься, если не умеешь, то никто не сможет научить»³ (рис. 8).

Рис. 2. Личные документы и фотографии Е. Я. Пации в экспозиции выставки «Музей как контекст одной судьбы» в Музее-Архиве ЦГП КНЦ РАН. 2025

Рис. 3. Капитан 3-го ранга Яков Владимирович Пация. Владивосток. 1943. Фото из семейного архива Ивановых

Рис. 4. Ольга Федотовна Падецкая (в замужестве — Пация) — мама Е. Я. Пации. Владивосток. 3 марта 1943 года. Фото из семейного архива Ивановых

Рис. 5. Ольга Федотовна и Яков Владимирович Пация с пятимесячной дочкой Женечкой. Владивосток. Июнь, 1945. Фото из семейного архива Ивановых

Рис. 6. Женечка (9 л.) с братом Владиком (2 г., 2 мес.). Новороссийск. 14 марта 1954 года. Фото из семейного архива Ивановых

Самым полезным предметом в программе факультета оказалась «Стилистика русского языка». На первом курсе Евгения увлеклась работами академика А. Е. Ферсмана, потому что в качестве примера великолепного стиля популярных работ о науке, преподавателем приводились именно книги Александра Евгеньевича.

Первая статья вышла у студентки Е. Пации 21 марта 1967 года в широко известной в это время многотиражке «Ленинградский университет» и называлась «Разговор с артистом» (рис. 9, 10). Героем был выбран один из ведущих актеров Академического театра драмы им. А. С. Пушкина Игорь Олегович Горбачев. Он был интересен молодому журналисту Евгении Пации прежде всего тем, что в своей юности, как и она, искал себя, мечтал о противоположных призваниях: от медицины до дипломатии. Но окончил философский факультет Ленинградского университета, где и увлекся театром.

Рис. 7. Женечка в 6 классе. Потти. 1960. Фото из семейного архива Ивановых

Рис. 8. Евгения. 1965. Фото из семейного архива Ивановых

Рис. 9. Студентка Е. Пация. Ленинград. 1967. Фото из семейного архива Ивановых

Во второй половине 1960-х Евгения Яковлевна вышла замуж за молодого физика Владимира Евгеньевича Иванова, который успешно окончил ЛГУ и имел возможность выбрать место распределения на работу. Так как он вместе с молодой женой увлекался в то время творчеством американского художника

и писателя, романтика Севера Рокуэлла Кента, то выбрал Кольский полуостров с его полярными сияниями, озерами и горами. А Евгения, родив дочку в 1968 году и окончив университет, последовала за мужем в город Апатиты, Мурманской области (рис. 11–13).

Рис. 10. Первая статья Е. Я. Пации «Разговор с артистом» в студенческой многотиражке «Ленинградский университет». 21 марта 1967 года. Из семейного архива Ивановых

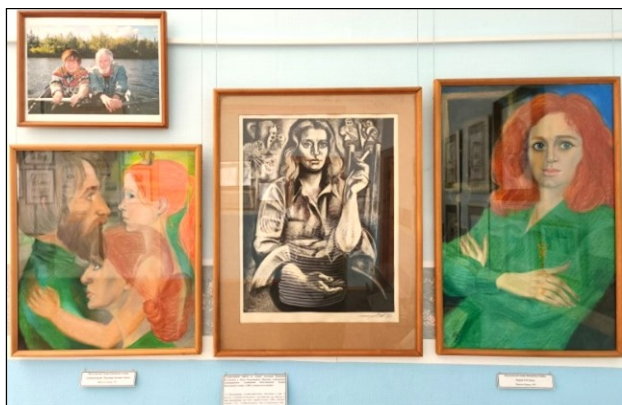

Рис. 11. Представленные на выставке художественные работы из личной коллекции семьи Ивановых, выполненные ленинградскими художниками Т. Д. Васильковской (Амая) (?–2007) и неизвестным автором

Рис. 12. Е. Я. Пация и В. Е. Иванов. 2010-е. Фото из семейного архива Ивановых

Вот как Евгения Яковлевна вспоминала о быте на новом месте жительства: «Когда мы сюда приехали, поселились в Доме молодых специалистов на Ферсмана, 2. Там у всех продолжался студенческий быт! <...> Переезжали как студенты, не брали ничего, только, так сказать, самое необходимое. <...> Тогда было сложно

что-либо купить, у нас был только пружинный матрас, и он стоял на кирпичах вместо ножек. Это было очень смешно! А первое, что мы купили — это был магнитофон. Мы очень любили музыку! <...> Книги мы с собой еще взяли, не только по специальности, но и любимую художественную литературу. <...> Очень долго не покупали ничего! Мы вообще были нехарактерными людьми, потому что как-то не очень это всё ценили. У нас все еще продолжался такой легкий стиль жизни»⁴.

Рис. 13. Дочь Е. Я. Пации — Медея Иванова на открытии выставки в Музее-Архиве ЦГП КНЦ РАН. 30 января 2025 года.

В штат газеты «Кировский рабочий» Е. Я. Пацию не взяли. Но, как «внештатника», ее публиковали охотно и в городских газетах, и в областной «Полярной правде». Но к началу 1970-х годов Евгения Яковлевна разочаровалась в советской региональной журналистике, в которой не было творческой свободы в выборе тем и героев. Пришлось вспомнить свою первую специальность и устроиться на работу в Кировскую музыкальную школу.

В нашем советском прошлом без работы по специальности диплом выпускника университета в короткие сроки утрачивал силу. Е. Я. Пация озаботилась поисками работы. В 1973 году председатель Северного филиала Географического общества СССР в городе Апатиты к. г. н. Борис Иванович Кошечкин принял ее на работу в должности редактора.

Довольно скоро Евгения Яковлевна стала ученым секретарем Северного филиала Географического общества, который был образован в Апатитах в 1968 году на базе Кольского Филиала Академии наук. Он объединил членов Мурманской, Архангельской областей и Карельской АССР. При непосредственном участии Северного филиала и впоследствии его ученого секретаря Е. Я. Пации в 1970–1980-е годы были с успехом проведены крупные региональные совещания по проблемам географии, истории, этнографии и языкознания народов Европейского Севера; придуманы и состоялись первые Ломоносовские чтения в городе Архангельске в 1969 году (рис. 14, 15).

Северным филиалом Географического общества издавался сборник «Природа и хозяйство Севера»: с 1969 по 1988 год вышло 16 номеров. Евгения Яковлевна была ответственным редактором 10 из этих выпусков (рис. 16). На страницах данного регионального издания обсуждались проблемы истории, этнографии, географии, экономики, охраны здоровья человека в условиях Крайнего Севера. В 1975 году при непосредственном участии Северного филиала был выпущен учебник «География Мурманской области», который впоследствии был переведен и издан в Швеции.

Деятельность Географического общества включала в себя не только издательское, но и лекционно-просветительское, исследовательское направления. Северный филиал общества принимал участие в финансировании и организации экологических исследований, изысканий Института археологии АН СССР на местах стоянок древнего человека на Кольском полуострове, работ

по изучению истории Трифоно-Печенгского мужского монастыря. Члены Общества организовывали свои историко-этнографические экспедиции, например, на остров Большой Аникиев. Координировала всю эту многоплановую деятельность и заключала договоры на ее финансирование со всеми предприятиями и учреждениями Северо-Запада ученый секретарь Евгения Яковлевна Пация.

Рис. 14. Посетители выставки у стендов и витрин, представляющих деятельность СФ ГО СССР и его уч. секретаря Е. Я. Пации. 30 января 2025 года.

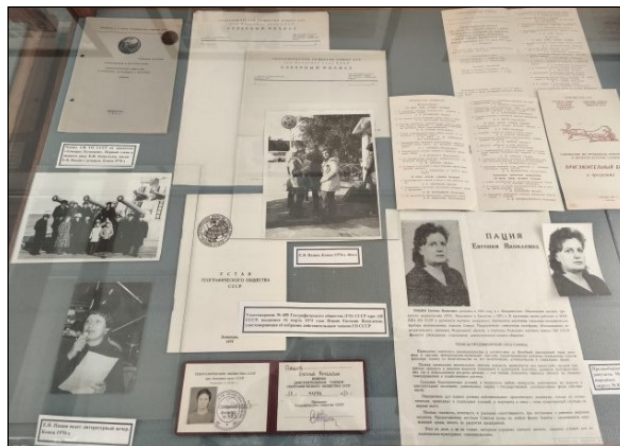

Рис. 15. Документы и фото из фондов Музея-Архива и семейного собрания Ивановых о деятельности СФ ГО СССР и его уч. секретаря Е. Я. Пации в 1970–1980-х. 2025

Рис. 16. Выпуски сборника «Природа и хозяйство Севера» 1981–1986 годов СФ ГО СССР, которые готовила Е. Я. Пация. 2025

В 1970 году два географа Борис Иванович Кошечкин и Иона Лазаревич Фрейдин задумали организовать музей, посвященный истории научных исследований на Европейском Севере. Б. И. Кошечкин был прекрасно знаком с историей и географией Кольского Севера, а что еще

ценнее — он был знаком со многими людьми, кто занимался изучением, освоением, «завоеванием Севера». Он ввел в этот круг и Евгению Яковлевну, где она со многими подружилась.

С 1973 года под руководством Б. И. Кошечкина силами Е. Я. Пации и других энтузиастов началась активная собирательская деятельность, направленная прежде всего на создание музейной экспозиции: «Изначально была только идея музея. Естественно, первое, с чего мы начали, — это коренной народ, под него что-то собиралось. Я должна сказать, что, формируя музей, мы подбирали то, что до нас собиратели не собрали. <...> Естественно, нужно было познакомиться с народом. Мы стали знакомиться с людьми, собирать предметы быта, то есть всё, что связано с этнографией. У меня были хорошие консультанты, например, Татьяна Васильевна Лукьянченко. Это было ещё до того, как у нас появился музей, только идея была, мы с ней уже были знакомы, и она курировала нашу работу. В это время она как раз защитила диссертацию, а потом вышла её монография “Материальная культура саамов Кольского полуострова...”. <...> Для того, чтобы создать такой музей, нужно было очень много знать. А очень много знал кандидат географических наук Борис Иванович Кошечкин. Собственно говоря, он был лидером, и руководителем»⁵.

Инициативное комплектование происходило в двух направлениях. В рамках первого велась обширная переписка с исследователями Севера и их семьями. Почти все адресаты — известные не только в России, но и в мире люди, члены семей именитых ученых и полярников не оставили без внимания просьбы о помощи в создании музея и передавали для экспонирования свои материалы и материалы своих родственников, предметы экспедиционного обихода, научный инструментарий, книги, художественные работы. Ездил в различные города за всеми этими музейными сокровищами чаще всех Евгений Яковлевна. Зачастую при личных встречах дарители были очарованы ученым секретарем Северного филиала, ее умением поддержать беседу на любую тему, искренней заботой о них уже не молодых и нередко стесненных в средствах, широким спектром ее исследовательских интересов и знаний. Доверие к новому проекту становилось больше, поэтому музею доставалось и то, с чем расставаться изначально эти люди не хотели (рис. 17, 18).

Рис. 17. Б. И. Кошечкин и даритель Музея-Архива СФ ГО СССР М. Н. Михайлов в зале первой музейной экспозиции. 1980-е. Фото. Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН

Рис. 18. Первые единицы хранения Музея-Архива, поступившие от М. Н. Михайлова. 2025

В то время Музей многое, из того, что предназначалось в дар, покупал, тем самым помогая семьям своих фондообразователей, имевших очень скромные пенсии. Евгения Яковлевна вспоминала: «Мы, на самом деле, никого не уговаривали! Мы просто ставили перед собой задачу и перед людьми, с которыми беседовали. <...> То, что можно было купить, все покупалось. У нас тогда была возможность все это приобрести. Местные краеведы передали нам что-то <...> наиболее ценное. По Комшилову мы не покупали ничего!»⁶ Супруга Комшилова, за полгода до своего ухода из жизни, передала мне большую коллекцию его иллюстраций к сказкам. Этот материал, можно сказать, прошел такую внутрисемейную экспертизу. Они уезжали из Мурманска в Санкт-Петербург, тогда еще Ленинград, и не могли забрать с собой всё это»⁷.

Вторым направлением сбора материала для наполнения экспозиции Музея стала собственная экспедиционная деятельность на Кольском полуострове. Среди первых экспонатов была коллекция

древних орудий, собранная в совместной экспедиции сотрудников Геологического института КФАН СССР, Ленинградского отделения Института археологии Академии наук СССР и членов ГО в 1972 году под руководством археолога Нины Николаевны Гуриной. В дальнейшем экспедиции в содружестве с профессиональными археологами проводились неоднократно (рис. 19).

Большими энтузиастами музейных экспедиций всегда были семейная чета Иванова – Пации, друг и соратник Евгений Яковлевны член Музейного совета СФ ГО СССР геолог Олег Андреевич Беляев и водитель Виктор Георгиевич Архипов. Они «тратили» в экспедициях дни своих отпусков и прошли множество трудных и интересных маршрутов по Кольскому полуострову. Нередко экспедиции были успешными, и, по возвращении из них, экспозиция музея пополнялась интересными экспонатами (рис. 20).

Евгения Яковлевна также с энтузиазмом занималась обустройством самого помещения музея: «Я очень интересно и увлеченно работала — я создавала музей! Для того чтобы купить светильники для музея, я садилась на ночной автобус в Санкт-Петербурге и выходила аж в Прибалтике. <...> Утром выходила, до вечера рыскала в поисках подходящих светильников и каких-то других вещей для музея. Потом снова садилась на ночной автобус, всю ночь ехала до Санкт-Петербурга, а потом возвращалась сюда. <...> Там, в Прибалтике, все-таки что-то можно было купить. Но, наверное, я была неправильная женщина, не догадывалась, что можно было что-то купить в свой собственный дом. В дом не тащила светильники»⁸.

Рис. 19. Часть экспозиции, представляющая экспедиционные фотографии 1980-х годов. 2025

Рис. 20. Е. Я. Пация (крайняя справа) среди участников экспедиции. 1980-е

Конечно, первая экспозиция Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера, расположенная на площади стандартной трехкомнатной квартиры обыкновенного жилого дома, в меру наивная, завораживала посетителей подлинными предметами, старинными картами, неформальными документами, редкими книгами (рис. 21). Камерность Музея-Архива позволяла каждому лично соприкоснуться с уникальной культурой и историей края, утолить «эстетический голод» жителей Заполярья. Побывав на экскурсии у Евгении Яковлевны Пации, посетители получали начальные навыки «исторического виденья» (рис. 22).

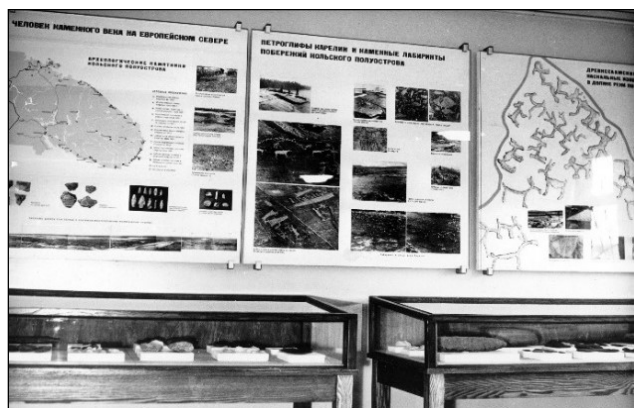

Рис. 21. Первая экспозиция Музея-Архива СФ ГО СССР в городе Апатиты. 1980-е

Рис. 22. Е. Я. Пация ведет экскурсию в первом экспозиционном пространстве Музея-Архива. 1980-е

В 1985 году СФ ГО СССР остался без финансирования. По ходатайству президента ГО СССР акад. А. Ф. Трешникова штат Музея-Архива был принят на ставки научных сотрудников в Отдел экономических исследований Кольского Филиала АН СССР, а фонды переданы КФАН СССР.

Новой научно-исследовательской группе, в которую вошла и Евгения Яковлевна Пация, было поручено изучение проблем социально-экономического развития коренного населения Мурманской области. В 1986–1996 годах она активно занималась сбором полевого материала: поездки в Ловозеро, Краснощелье, на Терский берег стали обыденностью. И снова Евгения Яковлевна смогла расположить к себе своих информантов, заслужить их доверие и уважение, так как умела слушать и слышать. С некоторыми сложились дружеские отношения. Многим она старалась помочь: «Когда мы ездили к саамам с официальным визитом, например, проводили опросы, мы у них спрашивали что-то про рацион питания, про быт и так далее. Они всегда говорили: “Мы — как все”. Таким образом, мы, конечно, не могли узнать ничего интересного. И только после того, как я стала с ними дружить. <...> Когда я перестала ездить к ним с официальными опросами и всем прочим, <...> просто завела себе определенный круг друзей и подруг среди саамов, вот тогда я стала действительно видеть. <...> Во-первых, я начала сама наблюдать, а, во-вторых, они стали как-то откровенно со мной разговаривать. На самом деле, саамы — это те люди, которые не очень-то любят держать душу нараспашку. Их пословицы и поговорки это подтверждают. Когда я смогла с ними подружиться, то произошел колоссальный переворот»⁹ (рис. 23). Участница конференции руководитель Кольского саамского радио Валентина Совкина на открытии выставки, будучи представителем саамского народа, подтвердила данный тезис из интервью с Е. Я. Пацией: «Как говорят, есть люди — мегазвезды, есть люди — искринки, которые освещают, а есть люди эпохи. Наверное, Евгения Яковлевна — она человек эпохи. <...> На самом деле нам нужны такие люди, потому что не всегда историки, этнографы, может быть, бывают, как говорится, не то, что корректны, а бывают как бы объективны. Бывает, что иногда личный какой-то мотив, он не раскрывает суть и душу народа. Вот у Евгении Яковлевны это получилось. Она открыла нашу душу!»¹⁰ (рис. 24).

Рис. 23. Е. Я. Пация (в центре) среди саамских женщин. 2000-е

Рис. 24. В. В. Совкина выступает на открытии выставки. 30 января 2025 года

Занимаясь научными исследованиями, Евгения Яковлевна использовала возможности межнаучных коммуникаций для озвучивания своей позиции и предложений по улучшению социально-экономического положения, сохранения языка и культуры саамов Кольского полуострова: она печаталась в научных изданиях, в СМИ, выступала с докладами на научных международных и отечественных конференциях, читала лекции. В 1990-е годы активно участвовала в ряде международных проектов по изучению и сохранению арктического историко-культурного наследия.

Но главным вкладом Евгении Яковлевны Пации в сохранение саамского языка и культуры стала ее серьезная и масштабная работа по изданию саамского фольклора, которая была высоко оценена специалистами и читателями. Она — составитель, автор литературной обработки и комментариев антологии «Саамские сказки», вышедшей в 1980 году. И хотя тираж у книги был 5 тысяч экземпляров, по нашим временам достаточно серьезный, заполучить «Саамские сказки» в свою библиотеку стало не реально уже сразу после ее публикации. Сейчас эта книга — библиографическая редкость. Впоследствии Евгения Яковлевна адаптировала несколько сказок для детской аудитории и опубликовала их в книгах «Невеста солнца» (1986) и «Семилетний стрелок из лука» (1990). Участник конференции, независимый исследователь Павел Смоляк, присутствовавший на открытии выставки так высказался о последней книге: «Где-то лет десять назад с моим

знакомым, он младше меня, мы вспоминали книгу “Семилетний стрелок из лука”. Книга по тем временам огромным тиражом вышла. <...> И когда вышли уже “Саамские сказки Кольской Лапландии”, попадались туристы <...>, в основном туристы, которым я рассказывал: “Книга есть такая новая”. — Они говорили так: “Я детство провел у вас в Мурманской области. Я помню, была маленькая книжечка”. — Я говорю: “Такая небольшая?” — Они: “Да!” — Я: ““Семилетний стрелок из лука?” — Они: “Да-да”. <...> Это многократная история! Люди, прожившие здесь. Вот сколько им? В районе 35–40 лет. Они уже здесь не живут, они с детства помнят эту маленькую книжку. <...> Евгения Яковлевна через это и через детей, через поколения и через продвижение культуры, в том числе наших коренных жителей, она вошла в жизнь многих тех, кто не живет уже здесь и живет в других регионах. И они помнят это и очень ценят! <...> Многие покупали вот эти книжечки – «Саамские сказки Кольской Лапландии», чтобы их дети на них воспитывались. Это очень важно!»¹¹ (рис. 26).

Также в 2003 году Евгения Яковлевна совместно с Культурным саамским фондом помогла подготовить и издать впервые в России учебное пособие «Саамское рукоделие» (изд-во КНЦ РАН) на саамском и русском языках. В 2010 году ее же усилиями впервые опубликован сборник саамской паремииологии на двух языках «Фольклорные традиции в культуре саамской семьи», составленный Е. И. Мечкиной.

Рис. 25. Фрагмент витрины с книгами «Саамское рукоделие» и «Фольклорные традиции в культуре саамской семьи» на выставке в Музее-Архиве. 2025

Рис. 26. Павел Смоляк выступает на открытии выставки. 30 января 2025 года

С 1997 года Евгения Яковлевна Пация возглавляла Музейный сектор МЦНКО (ЦГП) КНЦ РАН и продолжала заниматься историей и этнографией коренных народов Кольского Севера, историей

науки в Арктике. Под ее руководством и при непосредственном участии, наряду с постоянной экскурсионно-лекционной, выставочной деятельностью, Музей-Архив публиковал уникальные документальные материалы персональных фондов исследователей, изучавших Кольский полуостров.

В качестве грандиозных по масштабу и культурной значимости для Европейского Севера проектов, которые организовала и провела Е. Я. Пация, хочется отметить выставку детского рисунка в Дании в рамках программы российско-норвежского культурного сотрудничества «Сосед на Севере». А также в 2003 году, благодаря сотрудничеству Музея-Архива и Норвежской народной академии, в Апатитах была организована выставка рисунков детей мексиканских индейцев «Колорин-Колорадо» (рис. 27).

Рис. 27. Е. Я. Пация (с куклой в руках) проводит экскурсию для юных посетителей Музея-Архива. 2019. Фото из открытых источников

В 2010 году ей присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации».

В 2020 году вышла долгожданная многими книга Е. Я. Пации «Кольское застолье». Это издание — результат многолетних исследований, наблюдений и воспоминания автора, изучавшего этнические пищевые традиции жителей Кольского полуострова. Книга была иллюстрирована графикой Ирины Ситдиковой, выполненной с этнографической точностью. О своем опыте сотворчества с Евгенией Яковлевной Ирина Витальевна познакомила присутствующих на открытии выставки (рис. 28).

Рис. 28. И. В. Ситдикова выступает на открытии выставки. 30 января 2025 года

В ноябре 2022 года увидели свет «Саамские сказки Кольской Лапландии». Е. Я. Пация успела презентовать в Мурманске и городах области новый великолепно изданный сборник с уже

публиковавшимися ранее и с вновь литературно обработанными произведениями, проиллюстрированный также Ириной Ситдиковой (рис. 29, 30). Евгения Яковлевна была очень рада этому событию, полна дальнейших творческих планов.

Рис. 29. Витрина с книгами Е. Я. Пации и призом «Книга года. 2022» за сборник «Саамские сказки Кольской Лапландии». 2025

Рис. 30. Е. Я. Пация (сидит в центре) на презентации своей книги «Саамские сказки Кольской Лапландии» в Мурманской государственной областной универсальной научной библиотеке. Мурманск. 2022. Фото из открытых источников

Но 17 декабря 2022 года Е. Я. Пация погибла в автомобильной аварии.

Евгения Яковлевна Пация за свою профессиональную деятельность собрала уникальные коллекции предметов, документов и свидетельств об истории Кольского края. Однако она отмечала, что музейный сотрудник не должен заниматься личным собирательством и считала главной коллекцией своей жизни замечательных людей, с которыми ей посчастливилось работать, дружить и общаться. Ее коллеги и друзья во время работы конференции и на открытии юбилейной выставки неустанно высказывали благодарности Евгении Яковлевне Пации за ее труд, талант, за страсть к познанию и впечатлениям, за стремление к справедливости, за любовь к людям и бескрайнему Кольскому Северу, неустанное желание помогать, просвещать. Культурное наследие Е. Я. Пации велико и очень востребовано. Книги продолжают переиздаваться, Музей-Архив каждый день встречает новых посетителей, которых сотрудники обязательно знакомят с его историей, ставшей основным контекстом жизненной траектории его главного куратора.

Список сокращений

ЦГП КНЦ РАН — Центр гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра Российской академии наук

Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН — Постоянно действующая выставка «Музей-Архив истории изучения и освоения Европейского Севера» ЦГП КНЦ РАН

СФ ГО СССР — Северный филиал Географического общества СССР

ЛГУ — Ленинградский государственный университет

Примечания

¹ Евгения Яковлевна Пация в 1973 году начала свою работу в СФ ГО СССР старшим редактором, а с 1975 по 1985 год была ученым секретарем СФ ГО СССР.

² Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. Переписка. 1974. Исх. № 94.

³ Цитата из интервью с Е. Я. Пацией.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Речь идет о Якове Алексеевиче Комшилове — архивисте, краеведе, этнографе и художнике, который занимался изучением истории и этнографии Кольского края.

⁷ Цитата из интервью с Е. Я. Пацией.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Из выступления В. В. Совкиной на открытии выставки 30 января 2025 года.

¹¹ Из выступления П. Смоляка на открытии выставки 30 января 2025 года.

Список источников

1. Cameron D. A. Viewpoint: The Museum as a Communications System and Implications for Museum Education // *Curator*. 1968. Vol. 11/1. Pp. 33–40.
2. Чугунова А. В. Музейная архитектура в контексте современной культуры // Вопросы музееведения. 2010. № 1. С. 34–43.
3. Шабалина О. В. Страницы истории этнографических исследований Кольского полуострова: Из фондов Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра Российской академии наук. Апатиты: Кольский научный центр Российской академии наук, 2022. 158 с. ISBN 978-5-91137-477-8. DOI 10.37614/978.5.91137.477.8.

References

1. Cameron D. A. Viewpoint: The Museum as a Communications System and Implications for Museum Education. *Curator*. 1968, vol. 11(1), pp. 33–40.
2. Chugunova A. V. Muzejnaya arhitektura v kontekste sovremennoj kul'tury. [Museum architecture in the context of contemporary culture]. *Voprosy muzevedeniya*. [Questions of museology]. 2010, no. 1. pp. 34–43. (In Russ.).
3. Shabalina O. V. *Stranicy istorii etnograficheskikh issledovanij Kol'skogo poluostrova: Iz fondov Muzeja-Arkhiva istorii izucheniya i osvoeniya Evropejskogo Severa Centra gumanitarnyh problem Barents regiona Kol'skogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk*. [Pages of the history of ethnographic research on the Kola Peninsula: From the collections of the Museum-Archive of the History of Studying and Exploration of the European North of the Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Center of the Russian Academy of Sciences] Apatity, 2022, 158 p. ISBN 978-5-91137-477-8. DOI 10.37614/978.5.91137.477.8. (In Russ.).

Информация об авторах

О. В. Шабалина — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник;

О. А. Сулейманова — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

Information about authors

O. V. Shabalina — PhD (History), Leading Research Fellow;

O. A. Suleymanova — PhD (History), Senior Research.

Статья поступила в редакцию 20.03.2025; одобрена после рецензирования 30.03.2025; принята к публикации 20.04.2025.
The article was submitted 20.03.2025; approved after reviewing 30.03.2025; accepted for publication 20.04.2025.

Научная статья
УДК 94(470)"1941/1945" : 001.32 (470.21)
doi:10.37614/2949-1185.2025.4.1.002

ВОСПОМИНАНИЯ СОТРУДНИКОВ КНЦ РАН О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Елена Владиславовна Бусырева

Центр гуманитарных проблем Баренц региона Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук», Апатиты, Россия, e.busireva@ksc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2054-2910>

Аннотация

В основу статьи легли полевые материалы — это воспоминания сотрудников Кольского научного центра о Великой Отечественной войне, а также материалы из семейных архивов информантов. Первые представленные воспоминания — это мемуары участника боевых действий на Волховском фронте. Второй рассказ записан со слов ветерана запасного стрелкового полка. Третий рассказ — воспоминания о ленинградской блокаде. Следующие материалы — об офицере Панфиловской дивизии. Третий рассказ — о ветеране боевых действий за оборону Заполярья. Исследование показало, что материалы, хранящиеся в семейных архивах, собирались представителями нескольких поколений. В рассмотренных семьях академического сообщества КНЦ существует практика сохранения и трансляции семейной истории о героических и важных для страны событиях и временах. Данная коммеморативная деятельность свидетельствует о высоком культурном уровне академических семей.

Ключевые слова:

Великая Отечественная война, академическое сообщество, Кольский научный центр, семейная память, коммеморативные практики

Благодарности:

статья выполнена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра Российской академии наук № FMEZ-2024-0002.

Для цитирования:

Бусырева Е. В. Воспоминания сотрудников КНЦ РАН о Великой Отечественной войне // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2025. Т. 4, № 1. С. 30–43. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.1.002.

Original article

MEMORIES OF THE EMPLOYEES OF THE KSC RAS ABOUT THE GREAT PATRIOTIC WAR

Elena V. Busyрева

Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Apatity, Russia, ebusyreva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2054-2910>

Abstract

The article is based on field materials — memoirs of the Kola Science Center staff about the Great Patriotic War, as well as materials from the informants' family archives. The first memoirs presented are those of a participant in military operations on the Volkhov Front. The second story is based on the words of a veteran of a reserve rifle regiment. Memories of the Leningrad blockade are presented through the eyes of a child. Her story emphasizes the horrors of hunger and the high morality of older relatives. The following materials are dedicated to an officer of the Panfilov Division. And the last story is about a veteran of military operations for the defense of the Arctic. The study showed that the materials stored in family archives were collected by representatives of several generations. All families of the academic community of the KSC have a practice of preserving and transmitting family history, especially about heroic and important events and times for the country. Such commemorative activities once again prove the high cultural level of academic families.

Keywords:

Great Patriotic War, academic community, Kola Scientific Center, family memory, commemorative practices

Acknowledgments:

the article was supported by the federal budget to carry out the state task of the Federal Research Center «Kola Science Center of the Russian Academy of Sciences». No FMEZ-2024-0002.

For citation:

Busyрева E. V. Memories of the Employees of the KSC RAS about the Great Patriotic War // Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities. 2025. Vol. 4, No. 1. P. 30–43. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.1.002.

Как известно в 2025 году отмечается 80-летие окончания Великой Отечественной войны. И хотя этой теме посвящено огромное количество публикаций, многие сведения остаются до сих пор неизвестными. Все меньше остается ныне живущих участников войны. Актуальность обращения к воспоминаниям вызвана необходимостью сохранить «живые свидетельства» событий и обстоятельств военных лет. Это важный

исторический источник, позволяющий восстановить события прошлого с точки зрения людей как носителей разного опыта [1: 104].

Целью исследования, которое проводилось в городе Апатиты, было записать и рассмотреть воспоминания о войне членов семей ученых КНЦ РАН. В первую очередь нас интересовало, насколько важным для потомков являются сохранение и передача памяти о прошлом семьи.

Научные сотрудники академических учреждений страны имели разный опыт переживания событий 1941–1945 годов. У кого-то он был фронтовым, у других — опыт работы в тылу, жизни в эвакуации. В институтах РАН собирают воспоминания ветеранов. Некоторые из них были опубликованы, например, заслуживает внимания книга воспоминаний о войне сотрудников Зоологического института РАН в Санкт-Петербурге «...Войны трагическая запись...»¹. Кризисная повседневность ученых в военные годы описана в статье С. Ф. Фоминых и А. О. Степнова [2]. Подборки воспоминаний публикуются также на интернет-сайтах, особенно активно — к юбилейным датам Дня Победы, например, воспоминания ветеранов ВОВ и тружеников тыла Института ядерных исследований РАН².

Научная деятельность на Кольском Севере не прекращалась в военный период. Работе Полярной опытной станции Всесоюзного института растениеводства в те годы посвящена статья С. А. Дюжилова [3]. В ней рассматривается перестройка работы научного учреждения на военный лад. О сотрудниках КФАН — ветеранах войны есть информация в биографических публикациях. Так, сведения о И. В. Белькове как участнике войны есть в книге И. Д. Батиевой «Игорь Владимирович Бельков. Хроника жизни», в статье Е. И. Макаровой «Игорь Владимирович Бельков в истории геологии Кольского Севера: к 100-летию со дня рождения»³.

Ряд сотрудников КНЦ публиковали книги своих воспоминаний о военных годах. Р. А. Кравченко-Бережной прославился именно как «историческая личность» благодаря своему дневнику и воспоминаниям, в которых описал события Второй мировой войны, включавшие жизнь на оккупированной территории и последующий фронтовой опыт [1, 4]. Его юношеский дневник оказался в числе документов Нюрнбергского процесса⁴. Опубликованы воспоминания Т. А. Козупеевой о блокадной юности [5, 6]. В воспоминаниях Е. Б. Халезовой есть рассказы о том, как они с мамой И. Д. Борнеман-Старынкевич выживали в военные годы, сколько трудностей и горя им пришлось пережить [7: 142–203]. Такие воспоминания сохраняются в семейной памяти, передаваясь в поколениях и становясь частью устной культуры семьи⁵, мы убедились в этом на примере семей сотрудников КНЦ РАН.

В основу статьи легли воспоминания сотрудников, работавших в разные годы в КНЦ РАН. Воспоминания свидетелей событий и кризисной повседневности периода Великой Отечественной войны хранятся в семейных архивах, а также воспроизводятся потомками ветеранов. Ряд устных рассказов были записаны автором в процессе сбора материала. Как правило, стремление поделиться памятными событиями своей жизни, а также переживаниями и ощущениями возникает у людей зрелого возраста. Эти воспоминания ранее не публиковались. Первые представленные мемуары были напечатаны на печатной машинке самим автором, участником боевых действий, в конце апреля 1982 года, в таком виде и сохранились в СА. Информант Любовь Сергеевна⁶ полагает: «Возможно, что Георгий Данилович (дед. — Прим. авт.) написал текст, приурочив к ежегодной всесоюзной Вахте Памяти». В СА сохранилась вырезка из газеты «Кировский рабочий» за май 1982 года, в которой говорится, что в школе № 2 «прошел урок мужества, посвященный Празднику Победы. Почетным гостем на уроке был заведующий лабораторией КФАН Г. Д. П. Он рассказал о подвиге советского народа в годы Великой Отечественной войны, о себе и своих боевых товарищах». Вторые воспоминания были записаны на диктофон и в дальнейшем транскрибированы дочерью ветерана в 2020 году, текст хранится в электронном виде в специальной папке. Третьи воспоминания получены в результате интервьюирования представительницы последней оставшейся категории свидетелей событий ВОВ. Это «дети войны», и это поколение постепенно уходит, поэтому сохранение таких воспоминаний представляется весьма актуальным. Материалы о двух последних участниках войны получены из СА, а также из интернет-сайтов «Память народа» и «Бессмертный полк».

Повествования отличаются не только по содержанию, но и по эмоциональному воспроизведению. Так, мемуары деда Любви Сергеевны носят информационный характер, события освещаются в хронологической последовательности. Изложение имеет несколько официальный характер. Воспоминания отца информанта Варвары Ивановны передают живую речь, поэтому более

эмоциональны. Рассказ информанта Екатерины Николаевны обладает свойствами эмфатической речи. Различия в стиле и эмоциональности повествования можно предположительно связать с гендерной принадлежностью авторов воспоминаний.

Дед Любови Сергеевны (1921–1998, кандидат физико-математических наук) «в начале Отечественной войны добровольно вступил в Красную Армию»⁷. С сентября по октябрь 1941 года был курсантом. С октября 1941 года по февраль 1942 года воевал на Волховском фронте⁸. В своих воспоминаниях о боях за Волхов он пишет: *«В первых числах января 1942 г. передовые отряды 2-й ударной армии, уничтожая заслоны и арьергарды отступающей от Малой Вишеры «голубой» дивизии испанских фашистов, подошли к укреплениям противника на восточном берегу реки Волхов. Утром следующего дня эти укрепления были взяты штурмом. Части армии вышли к реке и начали напряженно готовиться к форсированию её. По всей линии фронта велись активные боевые действия: каждую ночь разведчики уходили в поиск за “языком”; стрелковые подразделения то на одном, то на другом участке проводили разведку боем, выявляя слабые места обороны и систему огня противника; артиллерийская разведка засекала пулеметные точки и позиции артиллерии врага; саперы по ночам делали проходы в минных полях на льду реки, готовили к подрыву крутые берега для прохода боевой техники.*

В те дни рота минометов, одним из огневых взводов я тогда командовал, приказом командира бригады была нацелена для огневой поддержки стрелковых подразделений, ведущих разведку боем. В таком бою необходимо непрерывно маневрировать, вести огонь то с одной позиции, то с другой, то с третьей..., создавать для противника видимость мощной артиллерийской поддержки атакующим, вынуждать его вводить в бой не только дежурную, но и основную артиллерию.

Утром 20 января рота получила новую боевую задачу — поддерживать бой стрелкового батальона за усадьбу совхоза «Красный Ударник», расположенную на занятом врагом берегу реки, прикрыть открытый правый фланг батальона от возможной контратаки противника. Весь день бойцы оборудовали основную и запасные позиции, а командир роты и старший по батарее готовили исходные данные для ведения огня, согласовывали со штабом батальона очередность задач по этапам боя, другими словами вели работу, которая называется организацией взаимодействия. Ближе к вечеру рота провела пристрелку рубежей сопровождения и зон заградительного огня.

Догадываясь о готовящемся наступлении, противник нервничал, беспорядочно вел беспокоящий огонь из пулеметов, минометов и изредка из орудий. Поздно вечером на своем наблюдательном пункте шальной пулей был ранен командир роты. Мне, как старшему по батарее, пришлось принять командование ротой.

На рассвете 21 января после краткой артподготовки пехота пошла в атаку, бегом по льду преодолела реку, ворвалась на занятый врагом берег, по всему фронту бригады смяла первую оборонительную линию противника и начала быстро продвигаться вглубь его обороны. Поддерживаемый стрелковый батальон в быстротечном бою овладел усадьбой совхоза и, не задерживаясь в ней, начал продвигаться к шоссе и железной дороге, проходящим в 6–8 км параллельно берегу реки. Батальон ближайшую задачу выполнил. Рота получила приказ переправиться через реку и следовать за наступающей пехотой. Не успел еще отдать соответствующие распоряжения, как вдруг увидел, что из-за строений усадьбы совхоза в тыл нашим пехотинцам движется группа немцев численностью около сотни. Отдав приказ на установку заградительного огня, я командовал: «батареи, пять беглых». Залп был сделан вовремя. Медленно летящие мины и набегающий отряд противника встретились на пристрелянном рубеже. Было хорошо видно, как мины одна за другой рвались среди немецких солдат. Контратака врага была сорвана». Запись сделана 28 апреля 1982 года капитаном в отставке, бывшим командиром минометного взвода. С февраля 1942 года находился в госпитале после тяжелого ранения (контузия). С июля 1942 года — в отпуске после болезни в Ташкенте. Затем служил в Среднеазиатском военном округе, на Закавказском фронте. Награжден орденом «Красной Звезды» (рис. 1), орденом «Отечественной войны I степени» (рис. 2). Со слов информанта: «Дедушка, кроме того, что занимался наукой, он еще и по партийной линии продвигался. Вот есть учетная карточка члена КПСС. Вступил в мае тысяча девятьсот сорок пятого года».

Эти сведения подтверждаются биографической справкой. В 1945 году Парткомиссией 89 отдельной стрелковой бригады Закавказского фронта вступил в члены КПСС. Демобилизован в мае 1946 года⁹. Воспоминания деда и его автобиография являются ценными эго-документами. Текст напечатан на пишущей машинке. Все материалы хранятся в семейном архиве. Как и во многих других семьях, он формировался под влиянием культурно-психологической потребности сохранить память о предках для потомков [8: 164]. В собирании архива принимали участие все члены семьи. Начинали дедушка и бабушка, родители

продолжили, дочери создали генеалогическое древо и скопировали все имеющиеся документы и фотографии в электронном виде. Стремление к сохранению и передаче семейной истории свидетельствует о развитой семейной коммеморации.

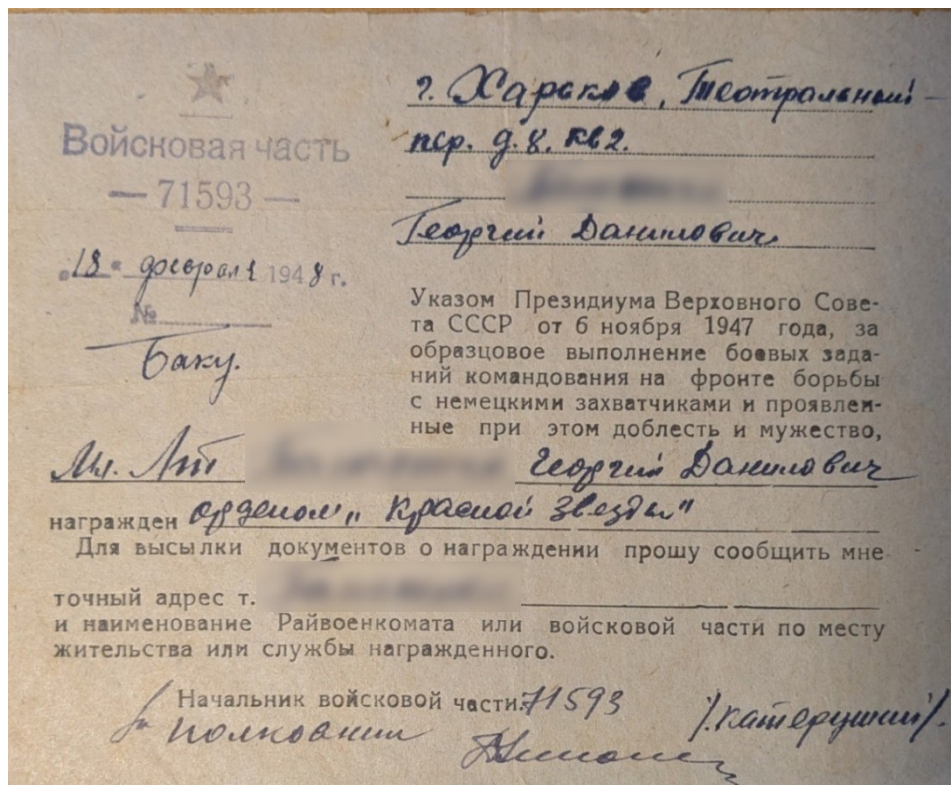

Рис. 1. Сведения о награждении деда. Из СА информанта Л. С.

Рис. 2. Награды деда. Из СА информанта Л. С.

Отец другого информанта (1926–2020, доктор технических наук) также ветеран Великой Отечественной войны (рис. 3).

Но он не принимал участия в боевых действиях, так как в период военной подготовки заболел плевритом и получил инвалидность (рис. 3). Отец информанта вспоминал: «В армию меня забрали в сорок третьем после девятого класса (рис. 4–5). Во время войны было голодно. А в армии наоборот: кормили

хорошо, а вот одежда не подходила. Когда меня в армию забрали, у меня рост был сто сорок четыре сантиметра. Ворот шинели застегивался, чуть ли не на животе. Вот и заболел. Помню, когда проходили военную подготовку в Архангельской области, у нас был маршбросок. У меня сил не было, и я упал. Хорошо, что меня старишина подобрал, пожилой такой, а то бы замерз. В госпитале меня солдаты постарше подкармливали, часть своих порций отдавали. Так я за месяц на одиннадцать сантиметров вырос. Сначала на меня внимания особо не обращали. А потом приехала комиссия с проверкой. Причем, главный врач — немец. Так вот он точный диагноз поставил и дал всем «разнос». Так я заработал инвалидность, но документ уничтожил, так как мне было неловко, что я такой молодой и вдруг — инвалид. Потом, когда я из армии в сорок четвертом вернулся, я за десятый класс сдавал экзамены экстерном» [9: 129]. Отец информанта — рядовой 33 запасного стрелкового полка.

Рис. 3. Удостоверение ветерана ВОВ. Из СА информанта В. И.

Рис. 4. Отец информанта перед тем, как его забрали в армию. 19.04.1943 год. Из СА информанта В. И.

Рис. 5. Отец информанта после того, как его забрали в армию. 1943 год. Из СА информанта В. И.

Заслуживают внимания и воспоминания о трагедиях, произошедших с близкими родственниками в годы войны: «Дядя Толя во время войны с женой и с дочкой поехали в Ташкент. Немцы уже близко были. Тихвин семь раз из рук в руки переходил. Ни один город такого не вытерпел. И на железнодорожной станции Арысь, совсем недалеко от Ташкента, заразились брюшным тифом и умерли, кроме дочки Зои. Зое было лет

десять или двенадцать. И вот она вернулась в Вологду. А куда ей одной? Как она смогла такая маленькая! Видимо, ей помогли. Тогда много людей от брюшного тифа погибло. Вот и у дяди Вани дети Артур и Эльвира умерли от брюшного тифа, когда в Ташкент ехали. Нельзя пить сырую воду. А где в дороге её прокипятить?»

После окончания войны отец информанта, как и другие участники ВОВ, был награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (рис. 6).

Рис. 6. Удостоверение и медаль отца информанта. Из СА информанта В. И.

Документы и фотографии, принадлежащие этой семье, первоначально хранились в папках и в фотоальбомах. Затем дочь ветерана составила отдельно генеалогические древа по отцовской и материнской линиям. Материалы СА хранятся и в электронном, и в бумажном виде.

Другие воспоминания о военных годах были записаны автором со слов кандидата технических наук Екатерины Николаевны, 1932 года рождения. Информант относится к детям блокадного Ленинграда. Ее воспоминания о блокадном детстве представляют документальный источник о повседневной жизни и стратегии выживания [10: 97]: «Когда мы уезжали в эвакуацию, взяли только то, что смогли унести в руках. Всё, что горело — стол, стул — всё сожгли. В буржуйке. А потом мама заболела, всё ценное, что можно было продать, продали. Остались ложечки, бабушкин подарок. Мамин отец, несмотря на то, что он был военный, очень любил рисовать. У него были картины. Однажды с передвижниками выставлялся. Хорошо очень рисовал, самоучка. Но он всю жизнь мечтал поступить в академию художеств. И две картины есть о двоюродного брата, которые мама спасла. Все их вещи мама спасла. Что мне нравится, точнее, что у меня вызывает уважение, как мои родители в тяжелое время жили и действовали. Своё мама всё продала, чтобы как-то поддержать семью, выжить. Но, ни одной вещи брата своего..., которого срочно отправили в командировку в начале войны. Он как раз перед войной окончил институт по холодильным установкам. И Келдышу как раз был нужен такой специалист. Они работали над ракетами и охладительные установки на ракетах были нужны. И дядю командировали в один день. “Чемодан на два месяца. Можете взять семью”. Он взял жену, сына маленького и взяли по чемоданчику с летней одеждой. И всё. А мы жили в коммунальной квартире. Но в коммунальной квартире жили все родственники. Это папа так устроил. Он всех уговаривал вместе поселиться. И всё было нормально, никакой ругани. Кухня нормальная (рис. 7).

У нас была самая большая семья, поэтому мы жили в самой большой комнате. Но, когда наступила блокада, мы переехали из большой комнаты в маленькую. А зимой морозы были страшные, сорок градусов. Это был такой кошмар!» Слова информанта подтверждает Т. А. Козупеева, участник обороны Ленинграда 1941–1945 годов, которая с 1962 года по 1986 год была директором Полярно-альпийского ботанического сада [11: 108].

Рис. 7. Дом барона Полтрока, Лахта. В этом доме жила большая семья информанта. Из СА информанта Е. Н.

Блокада Ленинграда началась, когда Т. А. Козупеевой исполнилось девятнадцать лет [6: 163]. По ее воспоминаниям самым тяжелым испытанием была первая блокадная зима [6: 167]: *«У нас была квартира из двух комнат, к ноябрю мы переселились в одну, чтобы подольше сохранить дрова»* [5: 35]. *«Конец января был самым страшным: не было электричества — жгли коптилку; было холодно — не было дров. И какие страшные были морозы — более тридцати градусов. В городе не было продуктов, карточки не отоваривались»* [5: 46]. Екатерина Николаевна продолжила свои воспоминания: *«Мы жгли свою мебель. Но, ни одной табуретки хозяев комнаты, в которую перебрались, мы не тронули. Это комната брата мамы. А с другой стороны была комната брата папы. Брата папы тоже забрали. Он окончил институт, железнодорожный строитель был. Дорогу жизни строил. У нас была очень хорошая семья, добрая. Дядя семнадцатого апреля, это тоже подвиг был, их должны были передислоцировать. Они должны были срочно строить железную дорогу Казань — Самара, потому что туда эвакуировались военные заводы в Самару, а через Казань в Москву шла готовая военная продукция. А посередине городок Буинск. Дядю вместе еще с одним товарищем начальство послало в апреле сорок второго года в Ленинград. А апрель был очень теплый, уже все таяло. А накануне была Финская война. Тоже страшные морозы. Полно солдат отморозились. Отрезали ноги, руки. Тоже самое повторилось и в первый год войны. А в апреле солнце нагрело, и по Ладоге машины уже не ходили, потому что под слоем воды не видно, где воронки. Ведь всё время бомбили и поэтому дорогу сдвигали. Запрещали писать письма со словом «дистрофик». С дистрофией в больницы не клали, потому что и в больницах кормить было нечем. И дяде дали предписание собрать все семьи ведущих сотрудников, которых забрали в начале войны на строительство железной дороги. Потому что сообщения не было, живы, не живы. Никто ничего не знал. План был такой: собрать всех в Буинске, а потом — на Дальний Восток, потому что уже японцы зашевелились. Там строить эти ветки. А если семьи оставить, то все будут нервничать. И какие это работники будут. И вот они пошли по этому льду в воде, семнадцать километров! Они в надежде, что живы, нагрузились, это брат отца рассказывал, младший, на три года, у него был за плечами мешок с мукой, чемодан с пряниками, рюкзак с хлебом и небольшой мешок соли. И это всё, не остановиться, не поставить! По колено в ледяной воде с палящим солнцем! семнадцать километров! (Очень эмоционально рассказывает. — Прим. авт.) Он*

тысяча девятьсот шестого года рождения, а это был сорок второй год, значит, дяде тогда было тридцать шесть лет. И вот картинка. Тетушка пошла выливать помойное ведро. И вдруг, а мы на втором этаже жили двухэтажного дома, и вдруг она по лестнице вверх бежит, какое там, бежит! Смешило. Не успела спуститься и назад. А мы были на кухне. Плита топилась, а я из больницы только выписалась. И хлеб был как замазка, и я свой кусочек мякиша мочила немножко в воде, делала такое тесто и клала на плиту. И как бы корочкой покрывались, Такие кругляшки две-три штучки. И вот это у меня был такой радостный стол. Я так любила этот хлебушек. И вот мы на кухне, каждый своим делом занимается. И вот тут запыхавшаяся тётка: “Там, там...”. И ничего больше сказать не может. Это жена папиного брата, железнодорожника, который шел. У папы один брат был. Мы выскочили вниз на крыльцо и обалдели. Я как сейчас помню: стоит слон в человеческом обличье. Весь красный, здоровый, как великан, как слон. Так мне показалось. Мы привыкли, что обтянутые скелеты, и лицо обтянуто. Ну, они высокого роста были. И папа был высокий, метр девяносто. И дядя тоже такого роста. У них мама рано умерла. А нянюшка, она же и кормилицей была, очень любила младшенького, она с нами в этой квартире жила. Мы стоим, и он стоит. Такая картина была. И когда он (дядя. — Прим. авт.) стал рассказывать: “Простите, хлеб я выкинул”, я с кулаками на него: “Как ты мог выкинуть хлеб!” Он тогда сует мне пряник. Какой пряник, хлеб! Но он всё правильно сделал». Стремление свидетельствовать о таких эпизодах возникает, когда человек чувствует и осознает важность происшедшего, ощущает их символическое значение для понимания времени, он хочет все зафиксировать. Это касается прежде всего испытаний, относящихся к голоду [10: 97, 100]. По воспоминаниям Т. А. Козупеевой: «Тетушки передали сухарик, кусочек сахара и еще два куса сахара и два черных сухарика для мамы и брата. А еще белую баранку. Она казалась неправдоподобной. Ведь с октября 1941 года мы не только баранок, но и белого хлеба не видели. Белая баранка... А ведь сами-то тетушки были чуть живы. Да, они тоже (несколько позже мамы) умерли от голода. Какие нечеловеческие усилия нужны были, чтобы целый день лежать с постоянными мыслями о еде, быть невероятно голодными, знать, что у тебя еще есть кусочек хлеба и не съесть, а когда я пришла, с радостью отдать его мне» [5: 44–45].

Екатерина Николаевна продолжала: «Я говорила, что мне нравилось, что родители бережно к чужим вещам отнеслись. Перед отъездом эти женщины, мама и мамина подруга тетя Рита. Кстати, тетя Рита. Отец еще уговаривал своего брата жениться на ней: «Ты понимаешь, как будут близки наши семьи! Две подруги. Они же не поссорятся». И на самом деле всё так. И они, истощенные, где-то нашли телегу на двух колесах и перевезли мебель и все вещи семьи маминого брата, они в Тамбове тогда были, к знакомой женщине, которая в своем доме жила: “Если буду жива — сохраню”. Вот такие люди были. Ничего не сожгли, не продали, чтобы спасти жизнь». Т. А. Козупеева также подчеркивала: «Ленинградцы в те голодные ужасные дни не теряли человеческого достоинства, сберегая нравственность, доброту и взаимопонимание. До конца дней своих они сохранили высокую нравственность и человеческое достоинство» [5: 15, 97].

Собирать домашний архив из разрозненных материалов, составлять генеалогическое древо стала младшая дочь Екатерины Николаевны, которая также была научным сотрудником КНЦ. К сожалению, она не успела довести начатое до конца: «Когда-то Маринка интересовалась и рисовала (древо. — Прим. авт.). Вот, когда она болела, она четыре года болела, когда химию делала, у нее время было. У нее записи черновые были. Я всё собираюсь сесть и оформить».

Виктор Константинович рассказал о своем отце (кандидате геолого-минералогических наук, 1913–1977). С самого начала Великой Отечественной войны стал курсантом Московской военно-инженерной академии им. Куйбышева. Будучи лейтенантом, участвовал в боевых действиях на Северо-западном фронте в составе 1077-й стрелкового полка Панфиловской дивизии. После ранения был направлен в резерв. До 1944 года преподавал во 2-м Московском пулеметном училище [12: 68]. В 1942 году был награжден орденом «Красной Звезды» (рис. 8). В «Кратком изложении личного подвига» отца указано: «Тов. Ж. в момент наступления на врага под деревней Соколово показал себя мужественно. Тов. Ж. вел в наступление бойцов, сам находясь впереди, указывал бойцам огневые точки противника. В момент ранения командира автоматной роты тов. Ж. смело взял командование ротой в свои руки, управлял ротой, три раза поднимал роту в атаку на фашистов, а в промежутках между атаками лично помогал раненым под огнем. Видя

замешательство у врага, тов. Ж. ворвался с группой бойцов в село, враг бежал. Тов. Ж. с группой бойцов преследовал врага, враг не выдержал преследования и автоматного огня, и стал бросать технику. Лично сам уничтожил одного автоматчика, находившегося в засаде».

Наградной лист

Фамилия, имя, отчество Константи́н Константи́нович

Военное звание лейтенант

Должность, часть полк. ком. роты автоматчиков 1072 с.п. 8-й
свардуйской орен. красной знамен. стрелковой дивизии
имени генерал-майора Гамарникова

Представляется к награде ордену Красного Знамени.

1. Год рождения 1913 2. Национальность русский

3. С какого времени
состоит в Кр. Армии 1941 4. Партийность безпартийный

5. Участие в боях где и когда участвовал в боях за дер. Вохомово
старо-русского напр.

6. Имеет ли ранения и контузии нет

7. Был ли ранее награжден за какие отличия нет

8. Каким РВК призван васильевской стрелковой РВК г. Ленинград

Рис. 8. Наградной лист, 1942 год. Из СА информанта В. К.

Наградной лист подписан командиром полка и военкомом. Когда вчитываешься в текст «Краткого изложения личного подвига», осознаешь, что это действительно был подвиг. Орден надо было заслужить. В настоящее время документы хранятся у дочерей информанта. Как сказал информант, «стараясь передать детям и внукам» память о прошлом семьи. Недавно внучка выступала в детском саду, с портретом своего прадеда в руках она читала посвященные ему стихи (рис. 9).

Дед информанта Михаила Алексеевича не был ученым, наукой занимаются его потомки, которые знают биографию предка и хранят документы: «Мой дед, Константин Никитич, участвовал в Отечественной войне. Он воевал на Кандалакшском направлении». Был мобилизован в 1943 году Кировским Районным военным комиссариатом Мурманской области¹⁰. Воевал на Кандалакшском направлении (7 отдельная рота химзащиты, пулеметчик). Был награжден медалью «За участие в обороне Заполярья» (рис. 10).

После ранения дед находился на лечении в Мончегорском госпитале. Затем с сентября 1944 года по май 1945 года служил в ПАРАМН, занимался пошивом новой формы для советской армии, так как до призыва имел специальность портной-закройщик. Собственноручно выполнил пошив бурки

для маршала К. А. Мерецкова. Он был награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». В 1975 году ему вручили знак ветерана Карельского фронта, а в 1985 году — орден «Отечественной войны II степени» (рис. 11, 12).

Рис. 9. Внучка с портретом прадеда, 2025 год. Из СА информанта В. К.

Рис. 10. Удостоверение медали «За участие в обороне Заполярья». Из СА информанта М. А.

Рис. 11. Удостоверение ветерана Карельского фронта. Из СА информанта М. А.

Рис. 12. Удостоверение ордена «Отечественной войны II степени». Из СА информанта М. А.

В этой семье над архивом работают информант и его отец: «Отец с девяностых годов занимался деревом. Я сейчас это дело поддерживаю. У нас дерево с 1805 года. Но мы дальше копаем. Уже восьмое поколение начинается (у дерева. — Прим. авт.). Компьютерную программу нашел. Вначале это всё на бумаге велось. Сейчас компьютерная версия». В настоящее время семья имеет дерево «История длиной 5 метров и глубиной несколько веков». Благодаря этому они в 2024 году стали победителями конкурса, организуемого АНО «Россия — страна возможностей», «Это у нас Семейное» от Мурманской области, так как одна из задач конкурса — вспомнить и собрать историю своей семьи, исследовать семейные корни.

Сохранение исторической памяти о таком героическом и важном для страны и национального самосознания времени, как Великая Отечественная война, — одна из первостепенных задач, стоящих перед современным обществом. Исследование показало, что в семьях академического сообщества сохраняются знания о семейном прошлом. Они хранятся в семейных (родовых) архивах и передаются потомкам. Собираание архива — это процесс и результат совместной деятельности представителей семейно-родственной общности [13: 263]. В рассмотренных случаях к собиранию, хранению и трансляции

знаний о семейной истории причастны как минимум два поколения. Особенно отличаются семьи информантов Л. С., В. К. и М. А., в которых наставничество старших в этом направлении нацелено не только на внуков, но и на правнуков участников Великой Отечественной войны.

Список сокращений

АНО — автономная некоммерческая организация
ВОВ — Великая Отечественная война
КНЦ РАН — Кольский научный центр Российской академии наук
КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза
КФАН — Кольский филиал академии наук
ПАРАМН — полевая армейская ремонтно-пошивочная мастерская
ПМА — полевые материалы автора
ПОСВИР — Полярная опытная станция Всероссийского института растениеводства
СА — семейные архивы

Примечания

¹ «...Войны трагическая запись...»: Великая Отечественная война в воспоминаниях сотрудников Зоологического института Российской академии наук / Зоологический институт РАН; редакторы-составители: Н. К. Бродская, Ю. А. Дунаева, А. А. Пржиборо, Е. П. Тихонова. СПб.: Русская Коллекция, 2021. 428 с.

² См., напр.: Память народа. <https://pamyat-naroda.ru>; Бессмертный полк. <https://moypolk.ru>; Воспоминания сотрудников ИЯИ РАН — ветеранов Великой Отечественной Войны и тружеников тыла. <https://www.inr.ru/rus/veteran/veteran10.html>.

³ Батиева И. Д. Игорь Владимирович Бельков. Хроника жизни. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2007. С. 31–42; Макарова Е. И. Игорь Владимирович Бельков в истории геологии Кольского Севера: к 100-летию со дня рождения // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2017. Вып. 12. С. 143–150.

⁴ Кравченко-Бережной Р. А. Мой XX век (Стоп-кадры). Апатиты, 1998. 263 с.

⁵ См., напр.: Разумова И. А. Семейные военные рассказы // Фольклор Великой Отечественной войны: сб. науч. тр. / под ред. О. Е. Лебедевой, М. В. Строганова. Тверь, 2005. С. 81–89.

⁶ Имя информантов изменено, поскольку мы имеем дело с семейными текстами и не располагаем согласием членов семьи на полную публикацию. По этой причине публикуем хоть и пространные, но фрагменты наших интервью и письменных текстов, доступ к которым был любезно предоставлен потомками.

⁷ ПМА. Биографическая справка. Из СА информанта Л. С., 1988 г. р.

⁸ ПМА. Учетная карточка члена КПСС. Из СА информанта Л. С., 1988 г. р.

⁹ ПМА. Биографическая справка. Из СА информанта Л. С., 1988 г. р.

¹⁰ ПМА. Красноармейская книжка. Из СА информанта М. А., 1975 г. р.

Архивные материалы

Семейные архивы информантов: Е. Н., 1932 г. р.; В. К., 1952 г. р.; В. И., 1960 г. р.; М. А., 1975 г. р.; Л. С., 1988 г. р.

Список источников

1. Разумова И. А. Литературное наследие Р. А. Кравченко-Бережного: историко-культурное значение и общественный резонанс // Труды КНЦ РАН. Гуманитарные исследования. 2020. Вып. 19. С. 103–118. DOI: 10.37614/2307-5252.2020.6.19.008.
2. Фоминых С. Ф., Степнов А. О. Повседневность ученых г. Томска в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 412. С. 132–142. DOI: 10.17223/15617793/412/22.
3. Дюжилов С. А. Полярная опытная станция в годы Великой войны // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2015. Вып. 8. С. 86–111.

4. Кравченко-Бережной Р. А. Между белым и красным: Стоп-кадры моего XX века. СПб.: Гамас, 2008. 423 с.
5. Козупеева Т. А. В те блокадные годы в Ленинграде. Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН. 2015. Издание второе. 101 с.
6. Саморукова А. Г. «В те блокадные годы»: воспоминания Т. А. Козупеевой // Труды КНЦ РАН. Гуманитарные исследования. 2020. Вып. 18. С. 162–173. DOI: 10.37614/2307-5252.2020.1.18.011.
7. Халезова Е. Б. Дорога длиною в жизнь. М.: Наука, 2020. 606 с.
8. Busyрева E. Le cas des familles russes d'origine finnoise dans l'*oblast'* de Murmansk / Ego-documents en Russie du Moyen Âge à nos jours / Sous la direction de Sarah Gruszka et Eugène Priadko // Revue des études slaves. Tome 92, fascicule 1, 2021. P. 161–172. DOI.org/10.4000/res.4193.
9. Бусырева Е. В. Воспоминания одного из первых сотрудников Горно-металлургического института КФАН СССР // Труды КНЦ РАН. Гуманитарные исследования. 2020. Вып. 18. С. 127–137. DOI: 10.37614/2307-5252.2020.1.18.012.
10. Gruszka S. «Dois-je écrire sur moi?» La part du personnel dans les journaux intimes soviétiques (Leningrad, 1941–1944) / Ego-documents en Russie du Moyen Âge à nos jours / Sous la direction de Sarah Gruszka et Eugène Priadko // Revue des études slaves. Tome 92, fascicule 1, 2021. P. 97–106.
11. Петров В. П., Макарова Е. П., Саморукова А. Г., Токарев А. Д., Усов А. Ф. Кольский научный центр. Летопись 1930–2010. Апатиты: Изд. КНЦ РАН, 2011. 320 с.
12. Жиров Константин Константинович // Кольская энциклопедия. Апатиты: КНЦ РАН, 2009. Т. 2. С. 68.
13. Бусырева Е. В. Коммеморативные практики как вид наставничества по сохранению памяти о прошлом семейно-родственной общности // Вестник антропологии. 2024. № 3. С. 260–269. DOI: 10.33876/2311-0546/2024-3/260-269.

References

1. Razumova I. A. Literaturnoye naslediyе R. A. Kravchenko-Berezhnoy: istoriko-kul'turnoye znacheniyе i obshchestvennyy rezonans [Literary heritage of R. A. Kravchenko-Berezhny: historical and cultural significance and public resonance]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra Rossiyskiy akademii nauk. Gumanitarnyye issledovaniya* [Proceedings of the KSC RAS. Humanities studies], 2020, Issue 19, pp. 103–118. (In Russ.).
2. Fominyh S. F., Stepnov A. O. Povsednevnost' uchenykh g. Tomska v gody Velikoy Otechestvennoy vojny 1941–1945 gg. [Everyday life of scientists in Tomsk during the Great Patriotic War of 1941–1945]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2016, no.412, pp. 132–142. (In Russ.).
3. Dyuzhilov S. A. Polyarnaya opytnaya stanciya v gody Velikoy vojny [Polar Experimental Station During the Great War]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN, seriya "Gumanitarnyye issledovaniya"* [Proceedings of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Humanitarian Research], 2015, issue 8, pp. 86–111. (In Russ.).
4. Kravchenko-Berezhnoy R. A. *Mezhdubelym i krasnym: Stop-kadry moego XX veka*. [Between white and red: Still frames of my 20th century]. St. Petersburg, Gamas, 2008. 423 p. (In Russ.).
5. Kozupееva T. A. *V te blokadnyye gody v Leningrade* [In those blockade years in Leningrad]. Apatity: Publishing house of the Kola Science Center of the Russian Academy of Sciences. 2015. 101 p. (In Russ.).
6. Samorukova A. G. «V te blokadnyye gody»: vospominaniya T. A. Kozupеyevoy [“In those blockade years”: memoirs of T. A. Kozupееva]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra Rossiyskiy akademii nauk. Gumanitarnyye issledovaniya* [Proceedings of the KSC RAS. Humanities studies], 2020, Issue 18, pp. 162–173. (In Russ.).
7. Halezova E. B. *Doroga dlinoyu v zhizn'* [The road is the length of life]. Moscow, 2020, 606 p. (In Russ.).
8. Busyрева E. Le cas des familles russes d'origine finnoise dans l'*oblast'* de Murmansk / Ego-documents en Russie du Moyen Âge à nos jours / Sous la direction de Sarah Gruszka et Eugène Priadko // Revue des études slaves. Tome 92, fascicule 1, 2021. P. 161–172.
9. Busyрева E. V. Vospominaniya odnogo iz pervykh sotrudnikov Gorno-metallurgicheskogo instituta KFAN SSSR [Memories of one of the first employees of the Mining Institute of KBASUSSR]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra Rossiyskiy akademii nauk. Gumanitarnyye issledovaniya* [Proceedings of the KSC RAS. Humanities studies], 2020, Issue 19, pp. 127–138. (In Russ.).

10. Gruszka S. «Dois-je écrire sur moi?» La part du personnel dans les journaux intimes soviétiques (Leningrad, 1941–1944) / Ego-documents en Russie du Moyen Âge à nos jours / Sous la direction de Sarah Gruszka et Eugène Priadko // Revue des études slaves. Tome 92, fascicule 1, 2021. P. 97–106.
11. Petrov V.P., Makarova E.P., Samorukova A.G., Tokarev A.D., Usov A.F. *Kol'skiy nauchnyy tsentr. Khronika 1930–2010* [Kola Scientific Center. Chronicle 1930–2010]. Apatity: Publishing house KSC RAS, 2011, 320 p. (In Russ.).
12. Zhirov Konstantin Konstantinovich. *Kol'skaya entsiklopediya* [Kola Encyclopedia]. Apatity: KSC RAS, 2009, Vol. 2, P. 68. (In Russ.).
13. Busyreva E. V. Kommemorativnyye praktiki kak vid nastavnichestva po sokhraneniyu pamyati o proshlom semeyno-rodstvennoy obshchnosti [Commemorative practices as a type of mentoring to preserve the memory of the past of a family and kinship community]. *Vestnik antropologii* [Bulletin of Anthropology], 2024, Issue 3, p. 260–269. (In Russ.).

Информация об авторе

Е. В. Бусырева — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

Information about the author

E. V. Busyreva — PhD (History), Senior Research Fellow.

Статья поступила в редакцию 24.03.2025; одобрена после рецензирования 02.04.2025; принята к публикации 20.04.2025.
The article was submitted 24.03.2025; approved after reviewing 02.04.2025; accepted for publication 20.04.2025.

Научная статья
УДК 725.945.1 (470.21)
doi:10.37614/2949-1185.2025.4.1.003

ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В МЕМОРИАЛЬНЫХ ОБЪЕКТАХ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Владимир Валерьевич Стрельников

*Центр гуманитарных проблем Баренц региона Федерального исследовательского центра
«Кольский научный центр Российской академии наук», Апатиты, Россия, vova.cool1996@yandex.ru,
<https://orcid.org/0009-0001-0887-7267>*

Аннотация

В статье суммирована информация о мемориальных объектах Мурманской области, которые посвящены Великой Отечественной войне. Систематизация данных выполнена на основе анализа путеводителей разных лет, сводов памятников Мурманской области, интерактивных карт. Приводится общее количество объектов в населенных пунктах и вне поселений. Выявляется численная динамика памятников, установленных в советский период, 1990-е и 2000-е годы, а также их пространственно-поселенческое распределение в регионе. Наибольшее число объектов, включая крупные мемориалы, расположено на приграничных территориях, которые являлись зонами боевых действий. В Мурманской области сохранялись мемориальные традиции в отношении Великой Отечественной войны даже в переломные 1990-е годы.

Ключевые слова:

Великая Отечественная война, Мурманская область, военные мемориалы

Благодарности:

статья выполнена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра Российской академии наук № FMEZ-2024-0002.

Для цитирования:

Стрельников В. В. Память о Великой Отечественной войне в мемориальных объектах Мурманской области // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2025. Т. 4, № 1. С. 44–51. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.1.003.

Original article

MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN MEMORIAL SITES OF THE MURMANSK REGION

Vladimir V. Strelnikov

Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Murmansk region, Apatity, Russian Federation, vova.cool1996@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-0887-7267>

Abstract

The article summarizes information about memorial sites in the Murmansk region dedicated to the Great Patriotic War. The data are systematized based on the analysis of guidebooks from different years, Codes of Monuments in the Murmansk Region, and interactive maps. The total number of objects in populated areas and outside settlements is given. The numerical dynamics of monuments erected in the Soviet period, the 1990s and 2000s, as well as their spatial and settlement distribution in the region are revealed. The largest number of objects, including large memorials, are located in border areas that were combat zones. In the Murmansk region, memorial traditions regarding the Great Patriotic War were preserved even in the turning point of the 1990s.

Keywords:

Great Patriotic War, Murmansk region, war memorials

Acknowledgments:

The article was supported by the federal budget on the topic of the state assignment of the Center for Humanitarian Problems of the Barents Region of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences No. FMEZ-2024-0002.

For citation:

Strelnikov V. V. Memory of the Great Patriotic War in memorial objects of the Murmansk region // Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities. 2025. Vol. 4, No. 1. P. 44–51. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.1.003.

Введение

Социально-политические трансформации последних десятилетий и переживаемая текущая ситуация привели к тому, что сегодня чрезвычайно актуальными стали проблемы, которые связаны с сохранением памяти россиян о событиях 1941–1945 годов. Высказываются неоднозначные мнения

о необходимости памятных сооружений, связанных с Великой Отечественной войной, различается отношение к ним, что побуждает к тщательному изучению традиций и практик мемориальной деятельности в разные исторические периоды не только в стране в целом, но и в отдельных ее регионах.

В Советском Союзе увековечиванию памяти павших, героизму и мужеству советских воинов, а также в целом Победе советского народа над гитлеровской Германией уделялось самое серьезное внимание. Социально-политические последствия распада Советского Союза, к сожалению, способствовали изменению отношения представителей разных социальных групп к значению самого исторического события, следовательно, и к мемориальным объектам. Полярные точки зрения высказываются в острых общественных дискуссиях о том, поддерживать или осуждать установку новых памятников, сохранять, сносить или переносить имеющиеся.

Не подлежит сомнению злободневность проблемы «войн памятников» [1] в контексте современных информационных войн. Согласно В. В. Полешук, на постсоветском пространстве «войной памятников» были названы события 2004 года, когда начались «стихийные либо хорошо организованные выступления против монументов советским солдатам, стоящих, как правило, на братских могилах периода Второй мировой войны» [2: 103]. Автор рассмотрел это явление в этнографическом аспекте как «столкновение двух конкурирующих общинных мифов, один из которых касается “великой победы советского народа во Второй мировой войне”, а с другой — “угнетения и сопротивления в годы Второй мировой войны тоталитарному сталинскому режиму со стороны эстонцев» [2: 103].

Таким образом, основную социально-антропологическую проблему составляют различия в отношении к событиям и социальным субъектам, которые символизируются памятниками, со стороны разных этносоциальных групп. Кроме того, различаться может и отношение к памятнику как символическому объекту (вообще или конкретному) вплоть до отрицания его общественной пользы по причинам идеологическим, эстетическим, коммерческим и другим. Соответствующие установки побуждают к определенным формам поведения. Как различные коммеморативные практики, так и факты разрушения, сноса мемориальных сооружений советского периода, в том числе по «экономическим» основаниям, случаи намеренного вандализма, пренебрежительное отношение граждан к сохранности этих объектов показывают, насколько важны военные мемориалы для осмысления и оценки национального прошлого.

Информация о военных памятниках на территории современной Мурманской области в источниках советского и постсоветского периодов разнородна. Цель данной статьи — систематизация сведений о мемориальных объектах, посвященных Великой Отечественной войне, на основе обзора состояния источников по изучаемому региону и описание специфических для Кольского Заполярья памятных сооружений. Фактор региональной специфики военного прошлого региона очень важен для процесса мемориализации. В этом мы следуем позиции А. В. Антощенко, исследовавшего сооружения, воздвигнутые в память о событиях Второй мировой войны в Карелии [3].

Большинство авторов статей, посвященных памятникам Великой Отечественной войны, рассматривают их с точки зрения коммеморации и представляют описание общего состояния сооружений [3–17]. Изучается также ситуация с осквернением и разрушением памятников [1, 18].

Систематизация военных мемориальных объектов на территории Мурманской области производилась по опубликованным данным советского и постсоветского периодов¹, а также по материалам интернет-источников². Типология осуществлялась в зависимости от типа сооружения, поселенческого статуса населенного пункта и времени основания или установки памятника.

При идентификации мемориальных объектов мы опираемся на принятое определение и классификацию, в соответствии с которыми мемориал — это сооружение, созданное для сохранения памяти о важных событиях, крупных достижениях и выдающихся людях, а наиболее распространенными видами памятных объектов являются: памятная (мемориальная) доска; памятный знак; памятник (монумент); памятное место; мемориальный комплекс³.

Согласно Федеральному закону от 19 мая 1995 года «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», к памятникам относятся скульптурные, архитектурные и другие мемориальные сооружения и объекты, увековечивающие память о событиях, участниках, ветеранах и жертвах Великой Отечественной войны.

На памятнике должны быть информационные надписи, которые содержат историческую справку. Это могут быть сведения о событиях, информация о подвиге погибших, документальные свидетельства и фотоматериалы⁴.

На данном этапе исследования основными источниками послужили путеводители разных лет, Свод памятников Мурманской области, интерактивные карты.

Мемориальные объекты Мурманской области

На территории Мурманской области общее количество памятных объектов, посвященных Великой Отечественной войне, составляло 460 единиц⁵. Из них находящихся вне населенных пунктов — 161, и наибольшее число таких сооружений сосредоточено в Печенгском, Кольском и Кандалакшском районах. Это приграничные территории, они же — зоны боевых действий. Известными и наиболее посещаемыми являются мемориальный комплекс «Защитникам Титовского рубежа» (Печенгский район), «Рубеж Славы “Верман”» (Кандалакшский район), Мемориальный комплекс «Шуми-городок» (Ковдорский район), «Долина Славы» (Кольский район). Вне поселений находятся также ряд памятных знаков, обелисков на братских могилах, обелисков на местах подвигов.

Был составлен рейтинг поселений области по количеству мемориальных сооружений, посвященных Великой Отечественной войне. В табл. 1 представлены 20 населенных пунктов Мурманской области с наибольшим количеством памятных объектов. Совокупно это 206 единиц.

Таблица 1

Количество памятных объектов в населенных пунктах Мурманской области

Населенные пункты	Количество памятных объектов
Г. Мурманск	44
ЗАТО Североморск	20
Г. Кандалакша	18
ЗАТО Заозерск	15
Г. Полярный	12
Г. Мончегорск	10
Г. Кола	9
Г. Оленегорск	9
Пгт Никель	8
Пгт Печенга	8
Пгт Сафоново	8
Н. п. Килпъявр	7
Н. п. Лиинахамари	7
С. Алакуртти	6
Заброшенные военные гарнизоны	5
Г. Апатиты	4
Г. Заполярный	4
Г. Кировск	4
Г. Ковдор	4
Пгт Ревда	4

В оставшихся поселениях общее количество памятных объектов составляет 93 единиц.

Согласно справочнику административно-территориального устройства Мурманской области, в 2017 году здесь насчитывалось 136 населенных пунктов⁶. Анализ опубликованных данных показал, что в 77 из них сохранился хотя бы один памятный объект.

Больше всего мемориальных сооружений (128) находится в городах. В четырех ЗАТО — 40 памятных объектов, в семи ПгТ — 34, в 52 сельских населенных пунктах — 92. Особые места — заброшенные военные гарнизоны. В источниках упоминаются 5 военных памятников, которые сохранились на территориях

воинских подразделений. Это бывшие поселки: Гранитный, Сетьнаволок, Кильдин Западный и Кильдин Восточный, а также бывший гарнизон в губе Долгая.

К сожалению, пока не удалось обнаружить даты создания или установки ряда военных памятников. В табл. 2 представлены десять населенных пунктов. В этих городах и поселках расположены памятные сооружения, дата основания которых известна.

Таблица 2

Соотношение памятных объектов, открытых в советский период
и постсоветский период 1990-х годов и в 2000-е годы

Населенный пункт	Количество памятных объектов		
	советский период с 1945 по 1991 год	постсоветский период 1990-е годы	постсоветский период с 2000-х годов по наст. вр.
Мурманск	27	3	10
Североморск	17	0	1
Кандалакша	12	2	2
Заозерск	9	0	3
Полярный	7	2	3
Мончегорск	6	1	3
Сафоново	8	0	0
Лиинахамари	7	0	0
Оленегорск	4	1	0
Никель	5	0	0

Большинство памятных объектов из тех, у которых удалось обнаружить дату основания, были сооружены в советский период — 261 единица. В первое десятилетие постсоветского периода было установлено памятных объектов больше всего вне населенных пунктов — 9; а также в Мурманске — 3; Кандалакше — 2; Полярном — 2; по одному в Мончегорске, Оленегорске, Полярных Зорях, поселках Междуречье (Кольский район), Ена (Ковдорский район), в селах Оленица (Терский район), Чаваньга (Терский район), Тетрино (Терский район). Всего — 24 единицы.

С начала 2000-х годов больше всего памятных объектов было установлено тоже вне населенных пунктов — 24; в Мурманске — 10; по 3 памятника в Полярном, Мончегорске и Заозерске; по 2 в Кандалакше, Полярных Зорях, Кировске, Апатитах, селе Оленица; по одному в городах Североморске, Снежногорске, Коле, поселке городского типа Зеленоборском, поселках Килпявр, Сайда Губа, Мишуково, Пушной, Зверосовхоз, Гранитный, селах Ловозеро, Краснощелье, Чапома, Стрельна. Всего — 67 единиц.

Новые мемориальные сооружения, которые появились в Мурманской области вне поселений за последние двадцать лет, различны по типу. К ним относятся прежде всего памятники на воинских кладбищах и братских могилах; памятники, установленные предположительно на местах совершения подвига — В. П. Кислякову (2008 год) и Л. И. Мустейкису (2015 год); а также мемориальные комплексы «Рубеж Верман», «Титовский рубеж».

Некоторые памятники посвящены уроженцам других регионов и городов и воинским подразделениям, которые участвовали в сражениях на территории Мурманской области. В 2017 году был открыт обелиск 368-й дивизии. Добраться до него можно по трассе «Кола», километровый знак — 1513. Этот памятник был установлен жителями Тюменской области. На гранитной табличке высечены слова: «Вечная память воинам 368-ой дивизии, сформированной в 1944 году в городе Тюмени, павшим при освобождении Заполярья в 1944 году».

В 2022 году в рамках программы поддержки местных инициатив Администрацией городского поселения Зеленоборский Кандалакшского района реализован проект «Установка памятного знака Панно “Бессмертный полк”»⁷. Панно представляет собой фотоэкспозицию — мозаику из фотографий ветеранов, участников Великой Отечественной войны, созданную с использованием современных

технологий. Порядка трех тысяч фотографий миниатюрных размеров были объединены в одну общую художественную картину, известную как «Зенитчики ПВО на Кандалакшском направлении». Объект сооружен в память о дислоцировавшихся здесь зенитных батареях, которые отражали атаки врага на участках Ковда – Жемчужная, Княжая Губа в 1942–1943 годах.

Мемориальный комплекс «Павшие ради живых» — проект музея истории города Мончегорска⁸. Комплекс установлен в Мончегорске на Аллее памяти на Ленинградской набережной, рядом с памятником «Защитникам Заполярья», и включает в себя 37 гранитных стел с выгравированными на них фамилиями мончегорцев, которые погибли в годы Великой Отечественной войны. Рядом с комплексом расположена интерактивная сенсорная антивандальная панель с подробной информацией о горожанах — участниках войны. В информационную базу этой панели уже загружено 6,5 тысяч документальных свидетельств. Благодаря специально разработанному программному обеспечению, сотрудники музея истории города регулярно вносят изменения. Городской проект называется «Павшие ради живых».

Согласно общей постсоветской статистике по мемориальным сооружениям Мурманской области, которые установлены в память о Великой Отечественной войне, больше всего памятных объектов появилось в первое десятилетие 2000-х годов — 59 % (39 единиц), в 2010-х годах — 27 % (18 единиц), в 2020-х годах — 14 % (10 единиц).

Заключение

Таким образом, источники позволили выявить не только общее количество мемориальных объектов в Мурманской области, но и историческую динамику их установки, разнообразие типов сооружений, а также пространственно-поселенческое распределение в регионе. Закономерно, что наибольшее количество объектов, включая крупные мемориалы, вне населенных пунктов расположено на приграничных территориях, которые являлись зонами боевых действий — Печенгский, Кольский и Кандалакшский районы.

Если принять во внимание, что в среднем каждые 10 лет в Российской Федерации устанавливается 30 памятников, связанных с событиями Великой Отечественной войны, можно считать, что Мурманская область занимает более чем достойные позиции в отношении сохранения памяти о героическом прошлом народа. Мемориальная традиция не пресеклась даже в переломные 1990-е годы, когда подверглись критическому пересмотру многие ценности отечественной истории. В текущей ситуации деятельность по установке мемориальных объектов, посвященных участникам и событиям Великой Отечественной войны, активизировалась, и этот процесс нуждается в специальном рассмотрении.

Примечания

¹ В статье основными источниками являлись: «Тропой памяти»: (памятники и воинские захоронения, расположенные на легендарных полуостровах Рыбачий и Средний) / М. Орешета; текст О. Мисюро. Мурманск: 2009. 14 с.; Долг, честь, отечество, слава / сост.: М. Г. Орешета, О. М. Мисюро, Л. В. Жулин, Е. Б. Мерзлякова / Мурманск: ОАО МИПП «Север», 2009. 200 с.; Памятники города героя Мурманска. Под. ред. Т. Владимировой. Мурманск, 2004. 67 с.; Свод памятников Мурманской области / Ком. по культуре и искусству Мурман. обл., Мурман. обл. Центр по сохранению ист.-культур. наследия Мурман. обл. (2-е изд., испр. и доп.) Мурманск: Милори, 2012. 60 с.; Столица Арктики за 11 дней: Путеводитель по известному и неизвестному Мурманску с окрестностями / сост. проф. П. В. Федоров, А. А. Малащенко. СПб., 2019. 96 с.

² В статье основными интернет-источниками выступили две интерактивные карты: «Карта памяти» URL: <https://memory-map.1sept.ru/> (дата обращения: 20.02.2025) и «Место памяти» URL: <https://xn--80ajknckhojebl.xn--p1ai/> (дата обращения: 20.02.2025). Оба этих проекта начали свою деятельность в 2015 году в канун 70-летия Дня Победы.

³ Решение Совета депутатов г. Кировска Мурманской области от 23 июня 2015 г. № 56 «Об утверждении Положения об увековечении памяти выдающихся событий и личностей в городе Кировске» (с изменениями и дополнениями).

⁴ Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» (с изменениями и дополнениями).

⁵ Данные приводятся на первую половину 2020-х годов.

⁶ Справочник административно-территориального устройства Мурманской области: на 1 октября 2017 года / Правительство Мурман. Обл., М-во юстиции Мурман. обл. Мурманск: [б. и.], 2017 (Мурманск: Тип. «Полюс»). 36 с.

⁷ Официальный сайт городского поселения Зеленоборский. URL: [https://zelenoborskiy.ucoz.ru /index/iniciativnoe_bjudzhetirovanie/0-166](https://zelenoborskiy.ucoz.ru/index/iniciativnoe_bjudzhetirovanie/0-166) (дата обращения: 20.02.2025).

⁸ В Мончегорске почтили память защитников Заполярья URL: <https://monchegorsk.gov-murman.ru/news/379442/> (дата обращения: 20.02.2025).

Список источников

1. Дерябина С. Р. Война с памятниками и война с памятью как составная часть искажения истории Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война и проблемы национальной безопасности современной России: Международная научно-практическая конференция к 75-летию Победы Советского Союза над фашистской Германией. Оренбург: Оренбургский гос. пед. ун-т, 2020. С. 92–96.
2. Полешук В. В. «Война памятников» в Эстонии: этнический аспект // Этнографическое обозрение. 2008. Вып. 3. С. 103–118.
3. Антощенко А. В. Монументальная меморизация событий Второй мировой войны в Карелии // Технологос. 2019. Вып. 3. С. 61–72.
4. Антипенко И. С. Места памяти о Великой Отечественной войне в Петрозаводске // Исторический архив. 2010. Вып. 3. С. 19–32.
5. Антощенко А. В. Изменение конфигурации пространства «мест памяти» о Великой Отечественной войне (на примере Петрозаводска) // История и культура страны победительницы: к 65-летию Победы в Великой Отечественной войне: труды международной научной конференции. Самара, 2010. С. 191–201.
6. Беседина Е. А. «Эта память — наша совесть...» — коммеморация в памятниках военной повседневности конца XX – начала XXI века // Историческая память о Великой Отечественной войне: проблемы эволюции, формирования и восприятия. СПб.: ООО «Скифия-принт», 2022. С. 344–351.
7. Васильев Д. В. Памятник-ансамбль на Мамаевом кургане: динамика коммеморации Великой Отечественной войны // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2020. Вып. 2. С. 112–127.
8. Захарова Ю. И. Значение военных памятников в сохранении историко- культурного наследия // Россия и мир в исторической ретроспективе: материалы XXIX Международной научной конференции. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т пром. тех. и диз. 2023. С. 710–716.
9. Киндзерская М. А. Памятники героям и событиям Великой Отечественной войны, их роль в патриотическом воспитании // Социально-гуманитарные знания. 2020. Вып. 3 С. 26–30.
10. Кринко Е. Ф. Советское прошлое в мемориальной культуре Азербайджана: от отрицания к использованию // Новое прошлое. 2023. Вып. 3. С. 173–187.
11. Мегем М. Е. Снести нельзя оставить: ключевые тенденции политики памяти стран Балтии в отношении Советских памятников на местах массового насилия // Балтийский регион. 2022. Вып. 4. С. 128–145.
12. Паплевин И. А. О сохранении памятников и монументов советским солдатам в России и за рубежом // Историческая память о Великой Отечественной войне: проблемы эволюции, формирования и восприятия. СПб.: ООО «Скифия-принт», 2022. С. 412–418.
13. Попов А. Д., Романько О. В. Памятники Великой Отечественной войны в поздний советский период: многообразие социальных функций и практик // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. Вып. 2. С. 55–62.
14. Хоперская Л. Л. Молодежные объединения российских соотечественников в Киргизии сохраняют память о Великой Отечественной войне // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. Вып. 2. С. 78–96.
15. Шилинко А. А. Классификация памятников на местах сражений Великой Отечественной войны на примере Кировского района Ленинградской области // Сервису и туризму — инновационное развитие: материалы XI Международной научно-практической конференции. СПб.: Ленинградский гос. ун-т, 2019. С. 111–117.

16. Эгамбердиева Г. А. Сохранение истории Великой Отечественной войны в Узбекистане посредством развития молодежного историко-краеведческого туризма по памятным местам и мемориалам // Великая Отечественная война в исторической памяти народа: изучение, интерпретация, уроки прошлого: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Новосибирск: Издательство Параллель, 2020. С. 104–111.
17. Юран В. П., Иванова Т. П. Политика сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне в Беларуси: юридический аспект // На пути к гражданскому обществу. 2022. Вып. 3. С. 50–54.
18. Савченко А. А. К вопросу о памятниках Великой Отечественной войны и проблеме ответственности за осквернение памяти о Великой победе // Актуальные вопросы истории, историографии и источниковедения Юга России: к 300-летию провозглашения России империей, 100-летию образования Крымской АССР и 80-летию начала Великой Отечественной войны : материалы региональной научно-практической конференции. Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2021. С. 139–142.

References

1. Deryabina, S. R. War with monuments and war with memory as an integral part of the distortion of the history of the Great Patriotic War. *The Great Patriotic War and problems of national security of modern*. Orenburg, 2020. P. 92–96. (In Russ.)
2. Poleshchuk, The “War of monuments” in Estonia: ethnic aspect. *Ethnographic Review*. 2008. Issue. 3. P. 103–118. (In Russ.)
3. Antoshchenko, A. V. Monumental memorization of the events of the Second World War in Karelia. *Tekhnologos*. 2019 Issue. 3. P. 61–72. (In Russ.)
4. Antipenko, I. S. Places of memory of the Great Patriotic War in Petrozavodsk. *Historical archive*. 2010. Issue. 3. P. 19–32. (In Russ.)
5. Antoshchenko, A. V. Changing the configuration of the space of “places of memory” about the Great Patriotic War (using the example of Petrozavodsk). *History and culture of the victorious country: to the 65th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War: international scientific works. conferences*. Samara, 2010. P. 191–201. (In Russ.)
6. Besedina, E. A. “This memory is our conscience...” – commemoration in monuments of military everyday life of the late 20th – early 21st centuries. *Historical memory of the Great Patriotic War: problems of evolution, formation and perception*. St. Petersburg, 2022. P. 344–351. (In Russ.)
7. Vasiliev, D. V. Monument-ensemble on Mamayev Kurgan: dynamics of commemoration of the Great Patriotic War. *Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University*. 2020. Issue. 2. P. 112–127. (In Russ.)
8. Zakharova, Yu. I. The importance of military monuments in the preservation of historical and cultural heritage. *Russia and the world in historical retrospect: materials of the XXIX international scientific conference*. St. Petersburg, 2023. P. 710–716. (In Russ.)
9. Kindzerskaya, M. A. Monuments to the heroes and events of the Great Patriotic War, their role in patriotic education. *Social and humanitarian knowledge*. 2020. Issue. 3 P. 26–30. (In Russ.)
10. Krinko, E. F. The Soviet past in the memorial culture of Azerbaijan: from denial to use. *New past*. 2023. Issue. 3. P. 173–187. (In Russ.)
11. Megem, M. E. Demolition cannot be left: key trends in the memory policy of the Baltic countries in relation to Soviet monuments at sites of mass violence. *Baltic region*. 2022. Issue. 4. P. 128–145. (In Russ.)
12. Paplevin, I. A. On the preservation of monuments to Soviet soldiers in Russia and abroad. *Historical memory of the Great Patriotic War: problems of evolution, formation and perception*. St. Petersburg, 2022. P. 412–418. (In Russ.)
13. Popov, A. D., Romanko O.V. Monuments of the Great Patriotic War in the late Soviet period: diversity of social functions and practices. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. Issue. 2. P. 55–62. (In Russ.)
14. Khoperskaya, L. L. Youth associations of Russian compatriots in Kyrgyzstan preserve the memory of the Great Patriotic War. *Discourse-Pi*. 2020. Issue. 2. P. 78–96. (In Russ.)

15. Shilinko, A. A. Classification of monuments at the battlefields of the Great Patriotic War using the example of the Kirov district of the Leningrad region. *Service and tourism – innovative development: materials of the XI international scientific and practical conference*. St. Petersburg, 2019. P. 111–117. (In Russ.)
16. Egamberdieva, G. A. Preserving the history of the Great Patriotic War in Uzbekistan through the development of youth historical and local history tourism to memorable places and memorials. *The Great Patriotic War in the historical memory of the people: study, interpretation, lessons of the past*. Novosibirsk, 2020. P. 104–111. (In Russ.)
17. Yuran, V. P., Ivanova T. P. Policy of preserving the historical memory of the Great Patriotic War in Belarus: Legal aspect. *On the way to civil society*. 2022. Issue. 3. P. 50–54. (In Russ.)
18. Savchenko, A. A. On the issue of monuments of the Great Patriotic War and the problem of responsibility for desecration of the memory of the Great Victory. *Current issues of history, historiography and source study of the South of Russia*. Simferopol, 2021. P. 139–142. (In Russ.)

Информация об авторе

В. В. Стрельников — старший лаборант, аспирант.

Information about the author

Vladimir V. Strelnikov — Senior laboratory assistant, postgraduate student.

Статья поступила в редакцию 20.03.2025; одобрена после рецензирования 05.04.2025; принята к публикации 20.04.2025.
The article was submitted 20.03.2025; approved after reviewing 05.04.2025; accepted for publication 20.04.2025.

Научная статья
УДК 398
doi:10.37614/2949-1185.2025.4.1.004

ИЗУЧЕНИЕ СААМСКОГО ФОЛЬКЛОРА В СТЕНАХ МУРМАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Виктория Борисовна Бакула

Мурманский арктический университет, Мурманск, Россия, museum-vs@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4038-7946>

Аннотация

В статье дается обзор некоторых работ преподавателей Мурманского университета, посвященных саамскому фольклору. Исследования устного народного творчества представлены как в лексикографическом, так и в методическом аспектах. Автор статьи обращается к словарю духовной культуры кольских саамов, анализирует учебное пособие, в котором важное место занимают разделы, посвященные мифологии и фольклору российских саамов. Отдельное внимание уделено анализу имеющихся жанровых классификаций, среди которых особый интерес представляет оригинальная классификация носителей саамского языка. Подчеркивается значение устного народного творчества для становления и развития саамской литературы.

Ключевые слова:

саамы, мифология, фольклор, языческое мировоззрение, духовная культура

Благодарности:

исследование выполнено в рамках инициативной НИОКР №124041100057-3.

Для цитирования:

Бакула В. Б. Изучение саамского фольклора в стенах Мурманского университета // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2025. Т. 4, № 1. С. 52–56. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.1.004.

Original article

STUDY OF SAMI FOLKLORE AT MURMANSK UNIVERSITY

Victoria B. Bakula

Murmansk Arctic University, Murmansk, Russia, museum-vs@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4038-7946>

Abstract

The article provides an overview of some of the works of Murmansk University teachers devoted to Sami folklore. Research on oral folk art is presented both in lexicographic and methodological aspects. The author of the article refers to the dictionary of the spiritual culture of the Kola Sami, analyzes the textbook, in which the sections devoted to the mythology and folklore of the Russian Sami occupy an important place. Special attention is paid to the analysis of existing genre classifications, among which the original classification of native Sami speakers occupies an important place. The importance of oral folk art for the formation and development of Sami literature is emphasized.

Keywords:

Sami, mythology, folklore, pagan worldview, spiritual culture

Acknowledgments:

The reported study was conducted within the independent research and development project No124041100057-3.

For citation:

Bakula V. B. The study of Sami folklore within the walls of Murmansk University // Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities. 2025. Vol. 4, No. 1. P. 52–56. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.1.004.

Саами (саамы) — один из коренных малочисленных народов Крайнего Севера Европы, создавший оригинальную культуру оленеводов, рыболовов и охотников. Это один из древнейших народов уральской языковой семьи. Саами живут в основном в пределах 4 стран: России, Финляндии, Швеции и Норвегии. Общая численность населения саами — от 60 000 до 80 000: в Норвегии — 37 760; в Швеции — 15 000; в Финляндии — 5 800; на Украине — 136 саами. По данным Информационных материалов об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2020 года, в Российской Федерации проживает 1530 саами.

Самоназвание саами — *samlinc*, *sābme*, *sapmelas* и др. Лопарями называли саамский народ их соседи: русские — лопарь; финны, карелы — *lappi*, шведы — *lapp*. До 1930-х годов саамский народ в России называли «лопарями», сегодня это название устарело. В литературе о саамах, наряду с названием «саамы», используется слово «саами».

При всем интересе к уникальной культуре северного народа духовная культура саами Кольского полуострова долгое время не была отдельным предметом исследования ученых. До начала XVIII века научного исследования Мурманска не было, научный интерес к истории и культуре региона появляется

только в конце XIX – начале XX века, когда мурманский регион становится предметом исследования историков, географов, этнографов В. Ю. Визе, М. А. Кастрена, А. И. Кельсиева, С. В. Максимова, Н. Н. Харузина, В. И. Немировича-Данченко и др., писателей К. К. Случевского, М. М. Пришвина и др., художников А. Н. Бенуа, В. В. Верещагина, К. А. Коровина и др. Именно тогда появляется образ представителей коренного северного народа, его культуры. Изучению фольклора саамов мешал стереотип о якобы отсутствии у северного народа собственных сказок, песен, что со временем было опровергнуто этнографами и писателями, которым удалось собрать образцы уникального словесного творчества коренных жителей Заполярья.

Устное народное творчество малочисленного народа составляет особую ценность историко-культурного богатства северного края, оно богато и своеобразно, обнаруживает тесную связь с мифологией. В фольклоре саамов отражены его представления об устройстве Вселенной, дохристианские и христианские верования, связи народа с другими народами, особенности бытовой жизни. Фольклорные произведения саамов хранят многовековой опыт эстетики коренных жителей Кольского Заполярья.

В результате постоянного интереса к духовной культуре саамов Кольского полуострова в XIX веке отечественными этнографами, писателями и учеными было собрано достаточно большое количество фольклорных текстов, однако говорить о достаточной изученности фольклора саамов еще рано. Научного изучения фольклора не велось вплоть до середины XX века. Сегодня многие вопросы саамского фольклора остаются открытыми и ждут своих исследователей — это прежде всего классификация, терминология, аутентичность текстов.

Свой вклад в изучение духовной культуры саамов, фольклора в частности, вносит Мурманский арктический университет.

В 2008 году при кафедре межкультурных коммуникаций, теории языка и журналистики Мурманского государственного педагогического университета создается научно-исследовательская Лаборатория саамского языка, одной из целей которой стало исследование лексики духовной культуры кольских саамов. Итогом работы лаборатории явились учебное пособие «Язык и культура малочисленных народов Севера: история и перспективы» (2012) [1], монография «Язык и духовная культура кольских саамов» (2013) [2], а также «Словарь лексики духовной культуры кольских саами» (2013) [3], на основе которого в 2017 году в издательстве Ижевска вышло отдельное монографическое исследование «Духовная культура саамов и ее отражение в языке» [4].

Монография (2017) состоит из двух частей. Первая посвящена уникальной духовной культуре саамов, проблемам и истории ее изучения, этнолингвистическому потенциалу лексики, отражающей духовную культуру коренного народа. В работе исследуются ошибки восприятия саамской культуры (атрибуция), рассматривается история изучения духовной культуры саамов, связь культуры народа и его языка. Понимание уникальности духовной культуры коренных жителей Заполярья помогло позже в преподавании таких дисциплин, как «Устное народное творчество российских саамов», «Литература кольских саамов».

Вторая часть представляет собой лингвострановедческий словарь, который включает в себя как краткие замечания, так и подробное изложение обрядов и традиций северного народа. Важным являются в разделе «Лексика дохристианских верований» собранные слова, используемые в фольклоре саамов: названия языческих божеств, мифологических существ (*Йммель* — верховный Бог в дохристианскую эпоху, *Каврай* — старший брат в семье божеств, *Луот-хозик* — женское божество, покровительница оленей и пастбищ, *Мец-хозяин* — хозяин леса, лесной дух, *Разийке* — женское божество, хозяйка травы, ягельных пастбищ и «оленцев малых», *Конньт-акка* — имя собственное, фольклорный персонаж, *Мяндаш* — саамское божество в виде оленя, легендарный предок саамов и др.). Каждая лексема снабжена информацией о значении имени собственного, функции персонажа, источнике, в котором оно встречается.

В основу словаря легли материалы, собранные автором в архивах, этнографических источниках, словарях, книгах духовного содержания, во время полевой практики в течение нескольких лет работы над кандидатской диссертацией. В результате исследований удалось собрать и проанализировать 816 лексических единиц духовной культуры кильдинского диалекта, из которых 398 не было зафиксировано в существующих словарях саамского языка.

Одновременно с изучением лексики шло изучение фольклора и литературы кольских саамов.

В 2016 году в Мурманском арктическом государственном университете вышло учебно-методическое пособие «Фольклор и литература российских саамов» [5]. Это было первое и пока единственное пособие по изучению одной из самых молодых и мало исследованных финно-угорских литератур. Книга — результат

труда автора, который с 2000 года занимался изучением саамского языка, мифологии, фольклора и литературы. Работа явилась первой в саамском литературоведении попыткой анализа произведений саамских авторов, ранее неизвестных мировому сообществу. Несмотря на то, что пособие адресовано прежде всего студентам филологических специальностей, оно может также использоваться в школьной практике, в библиотечной работе.

Первый раздел пособия посвящен мифологическим представлениям древних саамов. Ученые отмечают, что до принятия христианства саамы (лопары — дореволюционное название саамов) были язычниками и поклонялись различным божествам-духам (сейдам), которым приносили в жертву часть охотничьей добычи. Для дохристианских религиозных верований саамов характерен тотемизм, одна из древнейших форм религии: «Тотемизм — вера в таинственную родственную связь между группой людей и определенным видом растений, животных или явлений природы» [6: 83]. Допускается кровная связь с диким северным оленем, которого саамы почитают как своего прародителя-Мяндаша, медведем-оборотнем Таллой, Таллушкой, волком, собакой, другими животными [7: 239]. Так, свое происхождение они ведут от Мяндаш-девы, женщины-олени, у которой рождается теля-сын. Он превращается в молодого оленя — Мяндаш-парнь [8: 59].

В рамках тотемизма возникает система запретов — табу. В упоминаниях Тацита (приблизительно 90 год н. э.) охота составляет занятие одинаково и мужчин, и женщин: они отправляются вместе, но каждый при этом имеет свою часть в добыче [8: 11]. К табу относятся и другие запреты. Табу Мяндаша — «нельзя шкуры-постели детские ребячьей мочой замочить» — связано с правилами охоты на диких оленей: подмоченные детской мочой шкуры оленей приобретают запах, чуждый дикарям, значит, охотник может себя обнаружить) [8: 134]. Охотникам на дикого оленя и вообще мужчинам не следует говорить и даже думать в ночное время о Мяндаше — покровителе лопарей [8: 79]. Существовал запрет бить спящего оленя [8: 135]. В хирвасном стаде диких оленей нельзя убивать, а только одну важенку на прокорм семье. Нельзя было смотреть в глаза Мяндашу: за это судьба карала [8: 75]. Члены тотемной группы стремятся придать себе облик, схожий с тотемом. Так, на древнем тайном празднике «Имание оленей» праздничному одеянию придавался вид, напоминающий образ оленя [7: 405].

Особое значение у саамов имел фетишизм — почитание неодушевленных материальных предметов, якобы обладающих сверхъестественными свойствами. Предметы могли мыслиться как самостоятельное существо, как постоянная или временная обитель божества. Наиболее древними фетишами являются природные объекты — необычной формы скалы, камни, деревья [6: 88]. Вслед за природными фетишами появились рукотворные — идолы, статуи, амулеты, обереги, талисманы. Материалом для них служили непривычной формы ветви, камни, когти животных и т. п. Наиболее распространенными оберегами являлись рога диких оленей и щучьи зубы. Н. Н. Волков вспоминал, что щучьи зубы привешивали к косякам окон или дверей, объясняя, что они предохраняют от сглаза и помогают рыболовству. Роль оберега выполняли и когти медведей, которые мужчины носили на поясах, и лосиные зубы, привязанные к колыбели младенца. Амулетом являлся «камень счастья», или «живой камень», представлявший собой окаменевший плоский орех величиной не более медного пятика. «Будучи опущен в стакан с водой, он не тонет, разбухает, впитывает в себя воду, и это дало повод считать его “живым”». Находка такого камня, как считали саамы, приносит счастье [9: 77]. Все эти фетиши предназначались для охраны человека от злых духов. Однако были и духи, благотворно влияющие на жизнь человека, — это духи умерших предков, которые якобы сохраняют родственные чувства к живущим потомкам. Культ предков характерен для развитого родового строя [6: 90].

Второй раздел пособия посвящен собственно фольклору саамов. Дана историография его собирания и изучения с XVIII века, особое внимание уделено своеобразию устного народного творчества аборигенов Заполярья. В частности, внимание уделено классификации жанров, которая до сегодняшнего дня представляет определенную проблему для фольклористов. Приведены материалы В. В. Чарнолуского, в которых он представляет названия жанров саамского фольклора, записанных от самих саамов: *майнс* — сказки различного содержания и формы (*парна-майнс* — детские сказки, *Тала-майнс* — сказки о существе по имени Тала, *купец-майнс* — сказки о купцах, *саре-майнс* — сказки о царе, *чакли-майнс* — сказки о карликах и т. д.); *ловта* — миф, легенда (мифы о Мяндаше, Найнас, Рухтнас); *сакки* (по-русски — сказки, по-скандинавски — саги) — рассказы на патристические темы; *байса* — бывальщины и побасенки, небольшие шуточные рассказы поучительного содержания, иногда заимствованные; *муштоллы* — (в переводе — «на ум пало, на ум пришло») рассказы о событиях дня, иногда такие

рассказы бытовали в форме песен [10: 12–13]. В разделе дается характеристика поэтики саамского фольклора на основе трудов Н. Н. Харузина, В. И. Немировича-Данченко, Е. Я. Пации, М. И. Чулаки, В. В. Сенкевич-Гудковой и др. исследователей.

В 2019 году вышло в свет учебное пособие «Устное народное творчество российских саамов» [11]. Его цель — сформировать у студентов представление о фольклоре коренного народа Севера как составной части историко-культурного пространства Мурманской области, раскрыть уникальность духовной культуры саамов.

Пособие знакомит с историей собирания фольклора коренного народа Севера; освещает проблемы, связанные с его изучением; показывает богатство устного народного творчества саамов. Одной из его задач является выработка исследовательских навыков студентов в рамках заданий к практическим занятиям, подготовки докладов на студенческие конференции. В пособии рассмотрены представления северного народа об устройстве Вселенной, дохристианские и христианские верования, впервые предложена классификация саамского фольклора по уровням Вселенной. В приложении представлены выполненные студентами в ходе изучения дисциплины исследования мифологии и фольклора саамов.

В 2020 году была издана монография «Мифо-фольклорные истоки литературы российских саамов» [12], в которой автор прослеживает влияние фольклора на творчество саамских писателей на уровне жанров, тем, проблем, мотивов, образов произведений. Материалом исследования стали художественные произведения саамских поэтов и прозаиков А. Бажанова, О. Вороновой, С. Якимович, Н. Большаковой, Н. Фениной. В ходе работы привлекались архивные материалы Музея саамской литературы и письменности им. О. Вороновой (пос. Ревда Мурманской области). Монография представляет собой первый опыт анализа влияния фольклора на литературу российских саамов, которое невозможно без описания особенностей саамского фольклора и проблем его изучения, чему посвящена отдельная глава работы.

Таким образом, интерес к саамскому фольклору остается постоянным, поскольку в нем содержатся «непреодолимые ценности (идеи и смыслы), выполняющие функции ценностной ориентации этноса, определяющие его духовную уникальность» [13: 44]. В образцах устного народного творчества сохраняются этнические установки, легенды о происхождении народа и его контактах с другими народами, мифы и верования. Преподавателями университета саамская мифология рассматривается как часть мифологии финно-угорских народов, освещаются вопросы своеобразия фольклора саамов, история его изучения. Подчеркивается значение устного народного творчества, которое сыграло определяющую роль в формировании национально-художественной особенности саамской литературы, находящейся в стадии перехода художественного сознания от фольклорного типа мышления к литературному.

Список источников

1. Язык и культура малочисленных народов Севера: история и перспективы: учебное пособие / авт.-сост.: О. Н. Иванищева, В. Б. Бакула. Мурманск: МГТУ, 2012. 93 с.
2. Язык и духовная культура кольских саамов: монография / В. Б. Бакула. Мурманск: МГТУ, 2013. 90 с.
3. Словарь лексики духовной культуры кольских саами / авт.-сост.: О. Н. Иванищева, В. Б. Бакула. Мурманск: МГТУ, 2013. 222 с.
4. Бакула В. Б. Духовная культура саамов и ее отражение в языке. Мурманск: ООО «Принт-2», 2017. 288 с.
5. Бакула В. Б. Фольклор и литература российских саамов: учебно-методическое пособие / В. Б. Бакула. Мурманск: МАГУ, 2016. 101 с.
6. Лобазова О. Ф. Религиоведение: учебник / под общ. ред. проф. В. И. Жукова. 3-е изд. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К⁰», 2005. 384 с.
7. Большакова Н. П. Жизнь, обычаи и мифы Кольских саамов в прошлом и настоящем. Мурманск: Кн. изд-во, 2005. 416 с.
8. Чарнолуский В. В. Легенда об олене-человеке. М.: Наука, 1965. 139 с.
9. Волков Н. Н. Российские саамы. Историко-этнографические очерки. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук. Каутокейно. СПб.: Саамский Институт, 1996. № 1. 106 с.
10. Чарнолуский В. В. О саамах и их сказках // Саамские сказки. М.: Худ. лит-ра, 1962. С. 5–15.
11. Бакула В. Б. Устное народное творчество российских саамов: учебное пособие к курсу «Литературное краеведение» / В. Б. Бакула. Ставрополь: Логос, 2019. 220 с.
12. Бакула В. Б. Мифо-фольклорные истоки литературы российских саамов: монография. Мурманск: МАГУ, 2020. 149 с.
13. Егле Л. Ю. Традиционная культура: основные подходы к исследованию // Вестник КемГУКИ 29/2014 С. 43–50.

References

1. Yazyk i kul'tura malochislennykh narodov Severa: istoriya i perspektivy: uchebnoe posobie [Language and culture of the small peoples of the North: history and prospects: training manual] / avt.-sost. O. N. Ivanishcheva, V. B. Bakula. Murmansk: MGGU, 2012. 93 s.
2. Yazyk i duhovnaya kul'tura kol'skikh saamov (monografiya) [The language and spiritual culture of the Kola Sami (monograph)] / V. B. Bakula. Murmansk: MGGU, 2013. 90 p.
3. Slovar' leksiki duhovnoj kul'tury kol'skikh saami [The language and spiritual culture of the Kola Sami (monograph)] / avt.-sost. O. N. Ivanishcheva, V. B. Bakula. Murmansk: MGGU, 2013. 222 p.
4. Bakula V. B. Duhovnaya kul'tura saamov i ee otrazhenie v yazyke [The spiritual culture of the Sami and its reflection in the language]. Murmansk: OOO «Print-2», 2017. 288 p.
5. Bakula V. B. Fol'klor i literatura rossijskikh saamov: uchebno-metodicheskoe posobie [Folklore and literature of the Russian Sami: an educational and methodical manual] / V. B. Bakula. Murmansk: MAGU, 2016. 101 p.
6. Lobazova O. F. Religiovedenie: Uchebnik [Religious Studies: Textbook] / Pod obshch. red. prof. V. I. Zhukova. 3-e izd. M.: Izdatel'sko-torgovaya korporaciya «Dashkov i K0», 2005. 384 p.
7. Bol'shakova N. P. Zhizn', obychai i mify Kol'skikh saamov v proshlom i nastoyashchem [The life, customs and myths of the Kola Sami in the past and present]. Murmansk: Kn. izd-vo, 2005. 416 p.
8. Charnoluskij V. V. Legenda ob olene-cheloveke [The legend of the deer-man]. M.: Nauka, 1965. 139 p.
9. Volkov N. N. Rossijskie saamy. Istoriko-etnograficheskie ocherki [Russian Sami. Historical and ethnographic essays]. Muzej antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) Rossijskoj akademii nauk. Kautokeino, SPb.: Saamskij Institut, 1996. № 1. 106 p.
10. Charnoluskij V. V. O saamah i ih skazkah [About the Sami and their fairy tales] // Saamskie skazki [Sami fairy tales]. M.: Hud. lit-ra, 1962. Pp. 5–15.
11. Bakula V. B. Ustnoe narodnoe tvorchestvo rossijskikh saamov: uchebnoe posobie k kursu «Literaturnoe kraevedenie» [Oral folk art of the Russian Sami: a textbook for the course "Literary local history"] / V. B. Bakula. Stavropol': Logos, 2019. 220 p.
12. Bakula V. B. Mifo-fol'klornye istoki literatury rossijskikh saamov: monografiya [Mytho-folklore origins of Russian Sami literature: a monograph]. Murmansk: MAGU, 2020. 149 p.
13. Egle L. Yu. Tradicionnaya kul'tura: osnovnye podhody k issledovaniyu [Traditional culture: basic research approaches] // Vestnik KemGUKI [Bulletin of KemGUKI]. 29/2014, pp. 43–50.

Информация об авторе

В. Б. Бакула — доктор филологических наук, профессор.

Information about the author

V. B. Bakula — Doctor of Sciences (philology), professor.

Статья поступила в редакцию 28.03.2025; одобрена после рецензирования 02.04.2025; принята к публикации 20.04.2025.
The article was submitted 28.03.2025; approved after reviewing 02.04.2025; accepted for publication 20.04.2025.

Научная статья
УДК 37.015.4
doi:10.37614/2949-1185.2025.4.1.005

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА ИЗУЧЕНИЯ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Алексей Максимович Лисицинский

Центр гуманитарных проблем Баренц региона Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук», Апатиты, Россия, lisitzinskij@yandex.ru

Аннотация

В статье исследуется потенциал антропологической перспективы для углубленного понимания российского образования как социокультурного феномена. Опираясь на работы Т. М. Надыршина и М. С. Гусельцевой, обосновывается актуальность и продуктивность антропологического подхода, позволяющего определить скрытые культурные механизмы и неформальные практики, формирующие образовательное пространство России. В историографическом обзоре показано, что интерес антропологов к образованию в России, в том числе советскому, имеет давние традиции, однако современная ситуация требует переосмысления и углубления этого исследовательского направления. Дан обзор ключевых концепций антропологии образования — культурной трансмиссии, инкультурации, скрытого учебного плана и культурной терапии — и демонстрируется их аналитическая сила в контексте российской образовательной реальности. Статья обогащена эмпирическими данными, полученными в исследовании идентичности учителей, демонстрирующими проявление механизмов культурной трансмиссии и адаптации к школе в российском контексте. Предлагается методологический инструментарий, включающий этнографические методы, нарративный и контекстуальный анализ, опирающийся на исследования ведущих специалистов в области антропологической методологии. Рассматриваются ключевые аспекты российского образования через антропологическую оптику: механизмы трансляции ценностей, проявление неявных учебных программ, влияние этнокультурного многообразия, историческая память и роль школы как культурного института. Особое внимание уделяется практическому применению концепции культурной терапии для решения актуальных задач гуманизации и развития российского образования. В дискуссии сопоставляются возможности и ограничения антропологического подхода в изучении образования в сравнении с социологическими и педагогическими перспективами. В заключение подчеркивается значение антропологического подхода для формирования более глубокого, контекстуализированного и критического понимания российского образования, необходимого для разработки эффективных стратегий его дальнейшего развития.

Ключевые слова:

антропология образования, российское образование, культурная трансмиссия, скрытый учебный план, инкультурация, культурная терапия, этнография, социокультурный контекст, гуманизация образования, идентичность учителя, дисциплинарный код, методология антропологического исследования

Для цитирования:

Лисицинский А. М. Антропологическая перспектива изучения российского образования // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2025. Т. 4, № 1. С. 57–67. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.1.005.

Original article

ANTHROPOLOGICAL PERSPECTIVE OF STUDYING RUSSIAN EDUCATION

Alexey M. Lisitsinskiy

The Center for Humanitarian Problems of the Barents region of the Federal Research Center "Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences", Apatity, Russia, lisitzinskij@yandex.ru

Abstract

The article explores the potential of the anthropological perspective for an in-depth understanding of Russian education as a sociocultural phenomenon. Based on the works of T. M. Nadyrshin and M. S. Guseltseva, the relevance and productivity of the anthropological approach are substantiated, which makes it possible to reveal the hidden cultural mechanisms and informal practices that shape the educational space of Russia. The historiographical review shows that the interest of anthropologists in education in Russia, including Soviet education, has a long tradition, but the current situation requires rethinking and deepening this research direction. An overview of the key concepts of anthropology of education — cultural transmission, enculturation, hidden curriculum and cultural therapy — is presented and their analytical power in the context of Russian educational reality is demonstrated. The article is enriched with empirical data obtained in a study of teacher identity, demonstrating the manifestation of cultural transmission and adaptation to school mechanisms in the Russian context. A methodological toolkit is proposed, including ethnographic methods, narrative and contextual analysis, based on research by leading experts in the field of anthropological methodology. The key aspects of Russian education through anthropological optics are examined: mechanisms of value transmission, manifestation of hidden curricula, influence of ethnocultural diversity, historical memory and the role of school as a cultural institution. Special attention is paid to the practical application of the concept of cultural therapy to solve topical problems of humanization and development of Russian education. The discussion compares the possibilities and limitations of the anthropological approach in the study of education in comparison with sociological and pedagogical perspectives. In conclusion, the significance of the anthropological approach for the formation of a deeper, contextualized and critical understanding of Russian education, necessary for the development of effective strategies for its further development, is emphasized.

Keywords:

anthropology of education, Russian education, cultural transmission, hidden curriculum, enculturation, cultural therapy, ethnography, sociocultural context, humanization of education, teacher identity, disciplinary code, methodology of anthropological research

For citation:

Lisitsinskiy A. M. Anthropological perspective of studying Russian education // Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities. 2025. Vol. 4, No. 1. P. 57–67. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.1.005.

Введение

Современное российское образование, находящееся в условиях динамичных социальных изменений и амбициозных реформ, сталкивается с комплексом вызовов, требующих не только управленческих и технологических, но и глубоких социокультурных решений. В контексте растущего этнокультурного многообразия, поиска национальной идентичности и стремления к качественному и инклюзивному образованию, традиционные педагогические и социологические подходы оказываются недостаточными для раскрытия скрытых культурных механизмов, неформальных практик и глубинных ценностных ориентаций, формирующих российское образовательное пространство. Именно антропологическая перспектива, с ее фокусом на культуре, контексте и «взгляде изнутри», предлагает уникальные инструменты для углубленного понимания этих невидимых, на первый взгляд, аспектов образования.

Как отмечает Т. М. Надыршин, несмотря на богатые традиции этнографического изучения российской культуры, образование как специфическая область культурной практики в современной российской антропологии долгое время оставалось на периферии исследовательского внимания [1]. Следует отметить, что утверждение о недостатке внимания к образованию справедливо преимущественно для современной ситуации и в сравнении с другими областями культурной практики. Историографический анализ показывает, что интерес к образованию как антропологическому феномену возникал и ранее, в том числе в отношении советской школы [2–6]. Эта «лакуна» особенно ощутима сегодня, когда необходимо выйти за рамки формальных показателей и оценок эффективности образовательной системы, чтобы понять, как российская школа и университет функционируют как культурные институты, какие ценности и нормы они транслируют неявно, как взаимодействуют с различными социокультурными группами и как формируют идентичность молодого поколения.

Настоящая статья призвана обосновать продуктивность и необходимость антропологической перспективы для исследования российского образования в современных условиях. Ее целью является не только актуализация антропологического знания в российском образовательном дискурсе, но и предложение практического инструментария для эмпирического изучения социокультурных оснований российской образовательной системы. Она будет полезна исследователям образования, антропологам, педагогам-практикам и управленцам в сфере образования, стремящимся к более глубокому и контекстуализированному пониманию российского образования и поиску путей его гуманизации и эффективного развития.

Для достижения поставленной цели в статье решаются следующие задачи.

1. Представить теоретический обзор ключевых концепций антропологии образования, релевантных для российского контекста.
2. Обосновать выбор методологического инструментария для антропологического исследования российского образования, опирающегося на этнографические методы, нарративный и контекстуальный анализ, и подкрепить его ссылками на авторитетные источники по антропологической методологии.
3. Рассмотреть ключевые аспекты российского образования через антропологическую оптику, включая механизмы культурной трансмиссии, проявление скрытого учебного плана, влияние этнокультурного разнообразия и исторической памяти, а также роль школы как культурного института.
4. Обсудить возможности практического применения концепции культурной терапии для решения актуальных проблем российского образования.
5. Определить значение антропологической перспективы для дальнейшего развития российского образования и социально-гуманитарных наук в целом, сопоставив ее с другими подходами и обозначив границы применения.

Теоретические основы антропологической перспективы изучения образования

Антропология образования — это междисциплинарная область исследований, формирующаяся на стыке антропологии и педагогики, которая рассматривает образование не просто как механизм передачи знаний и навыков, но как глубоко культурный процесс. В отличие от традиционных педагогических подходов, фокусирующихся на методиках обучения и достижении измеримых результатов, антропология образования стремится раскрыть социокультурные основания

образовательных практик, понимая образование как способ воспроизводства, трансформации и передачи культуры от поколения к поколению.

М. С. Гусельцева подчеркивает многогранность антропологии образования, определяя ее не только как академическую дисциплину, но и как «методологию, мировоззрение, социальные и педагогические практики» [7]. Такое широкое понимание отражает междисциплинарный и практико-ориентированный характер данного направления. Истоки антропологии образования восходят к классическим работам антропологов начала XX века, но свое институциональное оформление она получила во второй половине XX века в США, благодаря работам Дж. и Л. Спиндлер [8], чьи идеи подробно анализируются М. С. Гусельцевой [7–11]. В российской науке интерес к антропологической перспективе образования активно растет в последние годы, опираясь на давние традиции отечественной этнографии и педагогической антропологии [1, 12].

Ключевыми концепциями, формирующими теоретический фундамент антропологии образования и релевантными для анализа российского образовательного пространства, являются следующие.

Культурная трансмиссия (передача культуры). Центральная концепция, рассматривающая образование как процесс трансляции культурного опыта, ценностей, норм и моделей поведения от поколения к поколению. Как отмечает Т. М. Надыршин, образование — это «передача (трансмиссия) культуры или правильнее будет сказать процесс передачи культуры» [1]. В российском контексте культурная трансмиссия включает в себя не только усвоение знаний по предметам, но и воспитание гражданственности, патриотизма, уважения к историческому прошлому и культурному наследию России. Исследование идентичности учителей подтверждает, что учителя, выбирая профессию, часто ориентируются на образцы своих собственных учителей, воспроизводя педагогические установки и ценности, усвоенные в процессе собственного обучения [13]. Например, уроки литературы часто направлены не только на анализ текстов, но и на формирование определенных моральных ценностей и представлений о «русской душе».

Инкультурация и социализация. Взаимосвязанные процессы усвоения индивидом культурных норм и ценностей. Инкультурация — более широкий процесс погружения в культуру, начавшийся с детства, тогда как социализация — более узконаправленный процесс усвоения социальных норм и ролей, необходимых для функционирования в обществе. Образование выступает важнейшим институтом социализации и инкультурации, способствуя формированию культурной идентичности и адаптации индивида к социокультурной среде [12]. Адаптация учителей к школе, как показано в исследовании Барановой и Маслинского, является процессом инкультурации в профессию, включающим усвоение «дисциплинарного кода», который выступает важным элементом профессиональной идентичности [13]. Например, школьные правила и распорядок дня не только дисциплинируют учеников, но и формируют определенные модели поведения, соответствующие социальным ожиданиям в российском обществе.

Скрытый учебный план (hidden curriculum). Концепция, обращающая внимание на неявные, имплицитные аспекты образовательного процесса, которые не зафиксированы в формальных программах, но оказывают существенное влияние на формирование учащихся. Скрытый учебный план включает в себя неосознаваемую трансляцию культурных норм, ценностей, установок и предубеждений через повседневные школьные практики, межличностные отношения, организацию образовательного пространства и даже язык педагогов. М. С. Гусельцева, анализируя работы Дж. и Л. Спиндлер, подчеркивает, что «скрытые процессы имеют наибольшее значение для понимания того, что такое школьное образование и какую роль в нем играет учитель» [7]. Дисциплинарный код учителя, выявленный в исследовании идентичности учителей, является конкретным проявлением скрытого учебного плана в российском образовании [13]. Этот неявный кодекс поведения и коммуникации, усваиваемый в процессе адаптации к школе, оказывает существенное влияние на профессиональную идентичность и практики учителей. Например, гендерные стереотипы, неосознанно транслируемые учителями через распределение заданий или оценку ответов мальчиков и девочек, являются частью скрытого учебного плана.

Культурная терапия. Практико-ориентированная концепция, разработанная Дж. и Л. Спиндлер, предлагающая методы осознания и преодоления культурных предубеждений и стереотипов в образовательной среде. Культурная терапия направлена на повышение культурной компетентности

педагогов, развитие рефлексивности и критического мышления, а также создание более инклюзивной и эмпатичной образовательной среды. М. С. Гусельцева раскрывает культурную терапию как «процесс доведения этих иллюзий до сознательной реализации, чтобы с ними можно было работать в ходе обсуждения и обучающего опыта» [9]. Проблемы адаптации учителей к школе, выявленные в исследовании Барановой и Маслинского, в частности сложности с усвоением дисциплинарного кода [13], подчеркивают актуальность культурной терапии для российского образования, указывая на необходимость осознания и преодоления неявных культурных норм и стереотипов, влияющих на образовательный процесс. В российском контексте культурная терапия может быть применена для работы с этнокультурными стереотипами, предубеждениями в отношении социальных групп или для развития межкультурной компетентности в поликультурных регионах.

Методологический инструментарий антропологического исследования российского образования

Для реализации антропологической перспективы в исследовании российского образования необходим комплексный методологический подход, сочетающий качественные методы с глубоким контекстуальным анализом. Предлагаемый инструментарий опирается на традиционные для антропологии этнографические методы, дополненные нарративным и контекстуальным подходами, что позволяет обеспечить многоаспектное и глубокое изучение образовательного пространства России. Новаторство статьи заключается в предложении комплексного методологического инструментария, адаптированного для исследования российского образования с антропологической перспективы и обоснованного не только общими описаниями методов, но и ссылками на авторитетные исследования в области качественной методологии [14–16]. Именно этнографические методы позволяют получить «взгляд изнутри» на образовательные практики, раскрыть неформальные аспекты школьной жизни и понять культурные смыслы, которые остаются незамеченными при использовании количественных методов или формализованных опросов. Исследование идентичности учителей [13] является примером успешного применения этнографических методов, в частности глубинных интервью, для изучения российского образования с антропологической перспективы.

К основным этнографическим методам, наиболее релевантным для исследования российского образования, относятся следующие.

Включенное и невключенное наблюдение. Методы, позволяющие исследователю непосредственно наблюдать за образовательным процессом в естественной среде [14]. Включенное наблюдение предполагает активное участие исследователя в жизни образовательного учреждения, например, посещение уроков в разных классах, участие во внеклассных мероприятиях, педагогических советах, общение с учениками и учителями в неформальной обстановке. Это дает возможность понять логику действий участников образовательного процесса изнутри, увидеть скрытые правила и нормы школьной жизни. Невключенное наблюдение предполагает позицию «стороннего наблюдателя», позволяя фиксировать паттерны поведения и взаимодействия, менее зависимые от присутствия исследователя. В российской школе, например, наблюдение может быть направлено на анализ взаимодействия учителя и учеников на уроках литературы, поведения учеников на переменах, способов организации классного пространства или ритуалов проведения школьных мероприятий, таких, как «последний звонок» или празднование дня учителя. Важно отметить, что антропологическое наблюдение не ограничивается простым описанием видимого поведения, но стремится к интерпретации культурных смыслов и контекстов наблюдаемых явлений [15]. Оба вида наблюдения могут быть дополнены аудио- и видеофиксацией для более детального анализа.

Интервью. Метод сбора информации путем целенаправленной беседы с участниками образовательного процесса [16]. Глубинные интервью с учителями, учениками, администрацией образовательных учреждений, родителями позволяют выявить их субъективные мнения, ценности, установки, представления об образовании, а также особенности их личного опыта в образовательной среде. Полуструктурированные интервью предполагают наличие заранее разработанного плана беседы, оставляя при этом пространство для гибкости и спонтанности диалога. Этнографическое интервью, в отличие от социологического опроса, ориентировано не на получение стандартизированных ответов, а на раскрытие

индивидуальных нарративов и культурных смыслов [16]. Исследование идентичности учителей [13] демонстрирует эффективность глубинных интервью для выявления субъективных представлений учителей о профессии, адаптации к школе и профессиональной идентичности. Например, в интервью с учителями можно спросить об их понимании целей образования, о методах воспитания патриотизма, о сложностях работы в современной школе или о том, как они видят роль учителя в российском обществе. Интервью с учениками могут быть направлены на выявление их отношения к учебе, к учителям, к школьным правилам, их представлений о будущем и роли образования в нем.

Фокус-группы (групповые дискуссии). Метод качественного исследования, предполагающий организацию групповой дискуссии по заранее определенной теме [17]. Проведение фокус-групп с учениками разных возрастов, учителями разных предметов, родителями, представителями школьной администрации позволяет выявить групповые мнения, ценности, представления и нормы, существующие в образовательной среде. Дискуссия в группе стимулирует участников к более активному выражению своей позиции и позволяет выявить разнообразие точек зрения по ключевым вопросам образования. Использование фокус-групп в этнографическом исследовании требует особого внимания к этическим аспектам и методологической обоснованности. Важно обеспечить добровольное участие, конфиденциальность и уважительное отношение к мнениям всех участников дискуссии [17]. В антропологическом контексте фокус-группы целесообразно рассматривать как «групповые дискуссии», ориентированные на выявление коллективных представлений и норм, а не на получение стандартизированных данных или достижение консенсуса. Например, фокус-группа с родителями может быть посвящена вопросам качества образования, роли школы в воспитании детей или их ожиданиям от российской образовательной системы.

Сбор и анализ артефактов образовательной среды. Метод, предполагающий изучение материальных объектов, созданных и используемых в образовательном процессе [18]. Анализ учебных программ, учебников, планов уроков, школьной документации (например, классных журналов, личных дел учеников), материалов школьных музеев, стенгазет, детских работ (сочинений, рисунков), фотографий, видеозаписей школьных мероприятий и других артефактов позволяет выявить явные и скрытые культурные смыслы, ценности и нормы, транслируемые в образовательной среде. Т. М. Надыршин подчеркивает значимость анализа учебников истории для выявления ценностей, транслируемых в историческом образовании [12]. Антропологический анализ артефактов предполагает не только описание материальных объектов, но и их интерпретацию в социокультурном контексте, выявление символических значений и культурных кодов, заложенных в них [18]. В российском контексте анализ учебников литературы может раскрыть представления о «национальном характере» и «героическом прошлом», а анализ школьных стенгазет и оформления школьных коридоров — символические аспекты школьной культуры и официальной идеологии.

Нарративный анализ дополняет этнографические методы, фокусируясь на изучении личных историй и нарративов участников образовательного процесса [19]. Анализ устных и письменных нарративов учеников, учителей, родителей позволяет реконструировать их субъективный опыт образования, выявить ключевые события, переживания, ценности и смыслы, связанные с образовательным процессом. В антропологии нарративный анализ рассматривается не только как метод сбора и анализа данных, но и как способ понимания культурных смыслов и форм саморепрезентации индивидов в определенной культуре [19]. Статья Барановой и Маслинского активно использует нарративный анализ, фокусируясь на «рассказах о поворотных моментах профессиональной биографии» учителей, чтобы реконструировать их профессиональную идентичность и особенности адаптации к школе [13]. Например, нарративы учителей о выборе профессии, о любимых учениках, о сложностях и радостях педагогической работы могут раскрыть их профессиональную идентичность и ценностные ориентации. Нарративы учеников о любимых предметах, о взаимоотношениях с одноклассниками, о значимых школьных событиях позволяют увидеть образование «глазами» учеников и понять, как они конструируют свою образовательную реальность.

Контекстуальный анализ является неотъемлемой частью антропологического исследования российского образования, подчеркивая необходимость учета социокультурного, исторического, политического и экономического контекста. Российское образование невозможно понять вне исторической традиции российской педагогики, вне культурных ценностей и норм российского общества, вне политических идеологий, влияющих на образовательную политику,

и вне экономических реалий, определяющих доступность и качество образования. Контекстуальный анализ включает в себя следующие контексты.

Исторический. Анализ исторических этапов развития российского образования, от дореволюционной системы образования до советской и постсоветской модели, выявление ключевых реформ, тенденций и традиций, оказавших влияние на современное состояние образовательной системы. Например, анализ советской системы образования позволяет понять истоки централизации, унификации и идеологизации образования, которые до сих пор оказывают влияние на российскую школу.

Социокультурный. Анализ культурных ценностей, норм, традиций и установок, характерных для российского общества и их влияние на образовательный процесс. Особое внимание уделяется этнокультурному разнообразию России, межэтническим отношениям и региональным особенностям в образовательной среде. Например, традиция уважения к учителю и старшим, коллективизм, ориентация на фундаментальное знание, патриотизм — все эти культурные ценности оказывают влияние на образовательные практики в России.

Политический. Анализ образовательной политики государства, ее целей, приоритетов и механизмов реализации, а также влияние политических идеологий на образовательный процесс. Современная образовательная политика России направлена на модернизацию образования, повышение его качества и конкурентоспособности, воспитание патриотизма и гражданственности. Антропологический анализ позволяет оценить, как эти политические цели реализуются на практике и какое влияние они оказывают на повседневную жизнь школ и университетов.

Экономический. Анализ экономических факторов, влияющих на образование, таких, как финансирование образования, социальное неравенство и доступность образования для разных социальных групп. Экономическое неравенство в России оказывает существенное влияние на доступность качественного образования, особенно для детей из сельских районов и малообеспеченных семей. Антропологическое исследование может раскрыть, как социальное и экономическое неравенство воспроизводится в образовательной системе и какие культурные механизмы это поддерживают.

Ключевые аспекты российского образования через антропологическую оптику

Применение антропологической оптики к российскому образованию позволяет выявить ряд ключевых аспектов, ранее остававшихся на периферии исследовательского внимания, и углубить понимание социокультурных оснований российской образовательной системы.

Механизмы культурной трансмиссии в российском образовании сложны и многоуровневы. Они включают в себя не только формальные образовательные программы и учебники, но и повседневные педагогические практики, межличностные отношения в образовательной среде, символические аспекты школьной культуры и неформальные каналы передачи культурных ценностей и норм. В российском образовании особую роль играют исторические нарративы, формирующие национальную идентичность и определенное видение исторического прошлого [12]. Исследование идентичности учителей подтверждает важность культурной трансмиссии в российском образовании, показывая, как учителя воспроизводят ценности и установки, усвоенные в процессе собственной социализации и профессиональной подготовки [13]. Например, уроки истории, литературы и обществознания часто направлены на формирование патриотизма, гражданственности и уважения к государственным институтам. Однако культурная трансмиссия не ограничивается официальными идеологическими установками. Например, празднование Дня Победы в школах — это не только формальное мероприятие, но и эмоционально насыщенный ритуал, передающий ценности памяти, героизма и национального единства. Антропологическое исследование позволяет выявить неявные механизмы культурной трансмиссии, анализируя не только формальное содержание образования, но и повседневные практики учителей, способы взаимодействия учеников и символическое оформление школьного пространства.

Проявление скрытого учебного плана в российском образовании является важным аспектом антропологического анализа. Скрытый учебный план может воспроизводить культурные паттерны, связанные с иерархией, авторитаризмом, коллективизмом и патернализмом, которые глубоко

укоренены в российской культуре. Дисциплинарный код учителя, выявленный в исследовании идентичности учителей [13], является конкретным проявлением скрытого учебного плана в российской школе, транслирующим ценности дисциплины, порядка и иерархии. Например, традиционная модель отношений «учитель – ученик» в российской школе часто характеризуется дистанцией, формализмом и ориентацией на авторитет учителя. Повседневные школьные практики такие, как оценка дисциплины наравне со знаниями, акцент на послушании и исполнительности, неявное поощрение конформизма, могут формировать у учеников определенные модели поведения и ценностные ориентации. Анализ межличностных отношений между учителями и учениками, неформальных норм и правил школьной жизни, символических аспектов школьной культуры позволяет выявить имплицитные механизмы социализации, формирующие определенные культурные установки. Например, наблюдение за тем, как учителя реагируют на проявление инициативы и критического мышления у учеников, может раскрыть скрытые аспекты учебного плана, связанные с формированием конформизма или автономии.

Этнокультурное разнообразие и межэтнические отношения в российском образовании представляют собой особую область антропологического исследования. Россия — многонациональная и поликультурная страна, и образовательная система должна учитывать это разнообразие, обеспечивая равные возможности для всех граждан независимо от их этнической и культурной принадлежности. Антропологическая перспектива позволяет анализировать образовательную политику и практики с точки зрения их соответствия принципам культурного плюрализма, равноправия и уважения к культурному разнообразию. Например, изучение языковой политики в образовании, адаптации образовательных программ к культурным особенностям разных этнических групп, подготовки педагогов к работе в поликультурной среде — все эти аспекты требуют антропологического осмысления. В некоторых регионах России существуют школы с этнокультурным компонентом, где изучается родной язык и культура. Антропологическое исследование может показать, как реализуются принципы межкультурного образования в таких школах, какие успехи и проблемы возникают в процессе межкультурного взаимодействия в российской школе [1].

Историческая память и формирование национальной идентичности в российском образовании являются ключевыми элементами культурной трансмиссии. Учебный предмет «История» играет особую роль в формировании национальной идентичности школьников, транслируя определенные исторические нарративы, ценности и символы [12]. Например, Великая Отечественная война занимает центральное место в исторической памяти российского общества и активно используется в образовании для воспитания патриотизма и национального единства. Антропологический анализ позволяет критически осмыслить эти нарративы, выявить их идеологическую нагрузку, потенциальные смещения и умолчания, а также рассмотреть альтернативные исторические перспективы. Например, изучение восприятия исторических событий разными социальными и этническими группами в российском обществе может выявить различия в исторической памяти и их влияние на формирование национальной идентичности.

Школа как культурный институт в российском обществе заслуживает особого внимания антропологического исследования. Школа — это не просто место получения знаний, но и самостоятельный культурный мир со своей уникальной культурой, традициями, ритуалами и символикой. Школьная культура включает в себя неформальные нормы и правила школьной жизни, межличностные отношения между участниками образовательного процесса, язык и коммуникацию в школьной среде, формы ученического самоуправления и детские субкультуры. Исследование идентичности учителей [13] подчеркивает важность коллектива и межличностных отношений в школьной культуре для адаптации и профессиональной идентичности учителей. Например, традиция классного руководства, система оценок и поощрений, ритуалы проведения школьных праздников, стиль общения учителей и учеников, оформление школьного пространства — все это элементы школьной культуры, которые формируют особую образовательную среду. Антропологический подход позволяет исследовать школьную культуру «изнутри», понять, как школа функционирует как культурный институт в российском обществе, какую роль играет в социализации и инкультурации детей и подростков, каково ее взаимодействие с местным сообществом и культурным контекстом.

Культурная терапия и практическое применение антропологического знания в российском образовании

Концепция культурной терапии Дж. и Л. Спиндлер представляет собой ценный инструмент для практического применения антропологического знания в российском образовании. В российском контексте культурная терапия может быть адаптирована и использована для:

- повышения культурной компетентности педагогов и администраторов образования. Программы повышения квалификации, основанные на принципах культурной терапии, могут помочь педагогам осознать свои культурные предубеждения и стереотипы, развить рефлексивность, критическое мышление, культурную чувствительность и толерантность. Исследование идентичности учителей [13] показывает необходимость повышения культурной компетентности педагогов в отношении дисциплинарного кода и неявных культурных норм школьной жизни. Например, семинары и тренинги, направленные на анализ конкретных ситуаций межкультурного взаимодействия в школе, могут способствовать осознанию педагогами своих неосознаваемых культурных установок и формированию более эмпатичного отношения к ученикам из разных культурных сред;

- разработки более эффективных и культурно-чувствительных методов обучения. Культурная терапия может служить основой для разработки новых методических подходов, учитывающих культурные особенности и потребности разных групп учащихся. Например, в регионах с этнокультурным разнообразием можно разрабатывать учебные материалы, учитывающие культурные традиции и ценности разных народов, использовать методы межкультурного диалога и проектной деятельности, направленные на развитие межкультурной компетентности учащихся;

- создания образовательных программ, учитывающих культурное разнообразие и способствующих формированию толерантности. Принципы культурной терапии могут быть положены в основу разработки образовательных программ, направленных на формирование толерантности, межкультурного взаимопонимания и уважения к культурному разнообразию. Например, интеграция этнокультурного компонента в учебные планы, разработка курсов по межкультурной коммуникации и культурной компетентности, включение в образовательный процесс элементов культурной терапии таких, как групповые дискуссии, рефлексивные практики и анализ конкретных ситуаций межкультурного взаимодействия;

- разработки рекомендаций для образовательной политики, направленных на гуманизацию и развитие российского образования. Антропологическое исследование российского образования с применением культурной терапии позволяет выявить ключевые проблемы и вызовы, связанные с культурными факторами, и разработать практические рекомендации для образовательной политики, направленные на ее гуманизацию и развитие. Выводы исследования идентичности учителей [13] могут быть использованы для разработки рекомендаций по адаптации молодых учителей к школе, учитывающих важность усвоения дисциплинарного кода и необходимость поддержки в процессе профессиональной инкультурации. Например, рекомендации по совершенствованию языковой политики в образовании, поддержке этнокультурного образования, развитию межкультурной компетентности у педагогов и учащихся, созданию инклюзивной образовательной среды, учитывающей культурное разнообразие и индивидуальные потребности всех учащихся.

Дискуссия и заключение

Представленное в статье исследование подтверждает высокую актуальность и продуктивность антропологической перспективы для изучения российского образования. Антропологический подход позволяет выйти за рамки традиционных педагогических и социологических исследований, углубиться в социокультурные основания российской образовательной системы, выявить скрытые механизмы культурной трансмиссии и проявления неявного учебного плана, а также оценить влияние этнокультурного разнообразия и исторической памяти на образовательный процесс.

Предложенный методологический инструментарий, основанный на этнографических методах, нарративном и контекстуальном анализе, предоставляет практические инструменты для эмпирического исследования российского образовательного пространства с позиций антропологии. Исследование идентичности учителей [13] служит эмпирическим подтверждением эффективности

данного методологического подхода для изучения российского образования. Концепция культурной терапии открывает перспективы практического применения антропологического знания для решения актуальных задач гуманизации и развития российского образования.

Вместе с тем, важно отметить, что антропологическая перспектива, фокусируясь на глубинных культурных смыслах и локальных контекстах, имеет ограничения в обобщении результатов на макроуровне и разработке универсальных рекомендаций для образовательной политики. Социологические исследования, ориентированные на количественный анализ и выявление социальных закономерностей, могут дополнить антропологический подход, обеспечивая более широкую картину образовательных процессов в российском обществе. Педагогические исследования, сосредоточенные на разработке эффективных методов обучения и воспитания, необходимы для практической реализации принципов гуманизации и развития образования, выявленных в антропологических исследованиях.

Дальнейшие исследования российского образования с антропологической перспективы требуют проведения эмпирических исследований различных типов образовательных учреждений в России, в разных регионах и социокультурных контекстах. Особое внимание следует уделить изучению региональных и этнокультурных особенностей российского образования, сравнительному анализу российской образовательной модели с образовательными системами других стран, а также разработке и апробации методов культурной терапии в российском образовательном контексте.

Антропологическая перспектива открывает новые возможности для понимания российского образования как сложного и многоаспектного культурного феномена. Гуманизация российского образования, создание более открытой, инклюзивной и человеко-ориентированной образовательной среды, развитие межкультурного диалога и толерантности, формирование критического мышления и культурной компетентности у учащихся — все эти задачи требуют активного использования антропологического знания и методов культурной терапии в российской образовательной практике и образовательной политике. Антропологический поворот в российском образовании — это не только научная тенденция, но и насущная потребность времени, отвечающая на вызовы современного социокультурного развития России и мирового сообщества в целом, стремящегося к более глубокому пониманию человека в культуре и культуры в человеке.

Список источников

1. Надыршин Т. М. Актуальность поля образования для этнографии, этнологии и антропологии // Исторический журнал: научные исследования. 2017. № 6. С. 72–78.
2. Келли К. «Школьный вальс»: повседневная жизнь советской школы в послесталинское время // Антропологический форум. 2004. № 1. С. 104–155.
3. Маслинский К. А. Дисциплина в школьной повседневности 1950-х – 1980-х гг.: опыт социально-антропологического исследования (на материале российского малого города и села): автореф. дис. канд. ист. наук. СПб., 2017. 26 с.
4. Казакова К. С. Образовательные стратегии современной семьи // Кольский Север в XX–XXI вв.: культура, наука, история. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2009. С. 64–76.
5. Казакова К. С. Школьная образовательная система для детей коренного населения Кольского Севера: модели социального взаимодействия // Сибирский сборник-4: Грани социального: Антропологические перспективы исследования социальных отношений и культуры. СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2014. С. 523–530.
6. Кузнецова Л. А., Разумова И. А. Роль епархий Мурманской области во взаимодействии религиозного и светского образования // Труды Кольского научного центра РАН. 2018. Т. 9, № 11–15. С. 7–24. DOI 10.25702/KSC.2307-5252.2018.9.11.7-24.
7. Гусельцева М. С. Джордж и Луиза Спиндлеры и задачи антропологии образования. Часть 1 // Образовательная политика. 2022. № 4(92). С. 18–27.
8. Spindler, G., & Spindler, L. Interpretive ethnography of education at home and abroad. Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 1987.

9. Гусельцева М. С. Джордж и Луиза Спиндлеры и задачи антропологии образования. Часть 2 // Образовательная политика. 2023. № 1(93). С. 94–105.
10. Гусельцева М. С. Антропологический поворот: предпосылки, латентные традиции и дискурсы. Часть первая. Предпосылки // Образовательная политика. 2023. № 3(95). С. 18–29.
11. Гусельцева М. С. Антропологический поворот: предпосылки, латентные традиции и дискурсы. Часть третья. Дискурсы // Образовательная политика. 2024. № 1(97). С. 38–50.
12. Надыршин Т. М. Проблемы антропологического изучения исторического образования в российской школе // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10, № 6–1. С. 186–195.
13. Баранова В. В., Маслинский К. А. Идентичность учителей: выбор профессии и адаптация к школе // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Т. 20, № 2. С. 104–118.
14. Emerson, R. M., Fretz, R. I., & Shaw, L. L. Writing ethnographic fieldnotes. University of Chicago Press, 2011.
15. Hammersley, M., & Atkinson, P. Ethnography: Principles in practice. Routledge, 2007.
16. Spradley, J. P. The ethnographic interview. Waveland Press, 2016.
17. Krueger, R. A., & Casey, M. A. Focus groups: A practical guide for applied research. Sage publications, 2015.
18. Hodder, I. Entangled: An archaeology of the relationships between humans and things. John Wiley & Sons, 2012.
19. Riessman, C. K. Narrative methods for the human sciences. Sage publications, 2008.

References

1. Nadyrshin T. M. Aktual'nost' poley obrazovaniya dlya etnografii, etnologii i antropologii [The relevance of the field of education for ethnography, ethnology and anthropology] Istoricheskiy zhurnal: nauchnyye issledovaniya [Historical Journal: Scientific Research], 2017, no. 6, pp. 72-78 (In Russ.)
2. Kelly K. "Shkol'nyy val's": povsednevnyaya zhizn' sovetskoy shkoly v poslestalinskoye vremya ["School waltz": everyday life of the Soviet school in the post-Stalin era] Antropologicheskii forum [Anthropological forum], 2004, no. 1, pp. 104-155 (In Russ.)
3. Maslinskiy K. A. Distsiplina v shkol'noy povsednevnosti 1950-kh–1980-kh gg.: opyt sotsial'no-antropologicheskogo issledovaniya (na materiale rossiyskogo malogo goroda i sela) [Discipline in school everyday life in the 1950s–1980s: experience of socio-anthropological research (based on the material of a Russian small town and village)]. Abstract of Cand. Sci. (History) diss. St. Petersburg, 2017. 26 p. (In Russ.)
4. Kazakova K. S. Obrazovatel'nyye strategii sovremennoy sem'i [Educational strategies of a modern family] Kol'skiy Sever v XX-XXI vv.: kul'tura, nauka, istoriya [Kola North in the XX-XXI centuries: culture, science, history]. Apatity, KSC RAS Publ., 2009, pp. 64-76 (In Russ.)
5. Kazakova K. S. Shkol'naya obrazovatel'naya sistema dlya detey korennoy naseleniya Kol'skogo Severa: modeli sotsial'nogo vzaimodeystviya [School educational system for children of the indigenous population of the Kola North: models of social interaction] Sibirskiy sbornik-4: Grani sotsial'nogo: Antropologicheskiye perspektivy issledovaniya sotsial'nykh otnosheniy i kul'tury [Siberian collection-4: Facets of the social: Anthropological perspectives of the study of social relations and culture]. St. Petersburg, Museum of Anthropology and Ethnography named after Peter the Great (Kunstkamera) RAS Publ., 2014, pp. 523-530 (In Russ.)
6. Kuznetsova L. A., Razumova I. A. Rol' eparkhiy Murmanskoy oblasti vo vzaimodeystvii religioznogo i svetskogo obrazovaniya [The role of dioceses of the Murmansk region in the interaction of religious and secular education] Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN [Transactions of the Kola Science Centre of RAS], 2018, vol. 9, no. 11-15, pp. 7-24. DOI 10.25702/KSC.2307-5252.2018.9.11.7-24 (In Russ.)
7. Gusel'tseva M. S. Dzhordzh i Luiza Spindler i zadachi antropologii obrazovaniya. Chast' 1 [George and Louise Spindler and the tasks of anthropology of education. Part 1] Obrazovatel'naya politika [Educational Policy], 2022, no. 4(92), pp. 18-27 (In Russ.)
8. Spindler, G., & Spindler, L. Interpretive ethnography of education at home and abroad. Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 1987.
9. Gusel'tseva M. S. Dzhordzh i Luiza Spindler i zadachi antropologii obrazovaniya. Chast' 2 [George and Louise Spindler and the tasks of anthropology of education. Part 2] Obrazovatel'naya politika [Educational Policy], 2023, no. 1(93), pp. 94-105 (In Russ.)

10. Gusel'tseva M. S. Antropologicheskiy povorot: predposylki, latentnyye traditsii i diskursy. Chast' pervaya. Predposylki [Anthropological turn: prerequisites, latent traditions and discourses. Part one. Prerequisites] *Obrazovatel'naya politika* [Educational Policy], 2023, no. 3(95), pp. 18-29 (In Russ.)
11. Gusel'tseva, M. S. Antropologicheskiy povorot: predposylki, latentnyye traditsii i diskursy. Chast' tret'ya. Diskursy [Anthropological turn: prerequisites, latent traditions and discourses. Part three. Discourses] *Obrazovatel'naya politika* [Educational Policy], 2024, no. 1(97), pp. 38-50 (In Russ.)
12. Nadyrshin T. M. Problemy antropologicheskogo izucheniya istoricheskogo obrazovaniya v rossiyskoy shkole [Problems of anthropological study of historical education in Russian school] *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and Social-Educational Idea], 2018, vol. 10, no. 6-1, pp. 186-195 (In Russ.)
13. Baranova, V. V., Maslinskiy, K. A. Identichnost' uchiteley: vybor professii i adaptatsiya k shkole [Teachers' identity: career choice and adaptation to school] *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 2017, vol. 20, no. 2, pp. 104–118 (In Russ.)
14. Emerson, R. M., Fretz, R. I., & Shaw, L. L. *Writing ethnographic fieldnotes*. University of Chicago Press, 2011.
15. Hammersley, M., & Atkinson, P. *Ethnography: Principles in practice*. Routledge, 2007.
16. Spradley, J. P. *The ethnographic interview*. Waveland Press, 2016.
17. Krueger, R. A., & Casey, M. A. *Focus groups: A practical guide for applied research*. Sage publications, 2015.
18. Hodder, I. *Entangled: An archaeology of the relationships between humans and things*. John Wiley & Sons, 2012.
19. Riessman, C. K. *Narrative methods for the human sciences*. Sage publications, 2008.

Информация об авторе

А. М. Лисицинский — аспирант.

Information about the author

A. M. Lisitsinskiy — graduate student.

Статья поступила в редакцию 15.03.2025; одобрена после рецензирования 02.04.2025; принята к публикации 20.04.2025.
The article was submitted 15.03.2025; approved after reviewing 02.04.2025; accepted for publication 20.04.2025.

Научная статья
УДК 908 (470.21)
doi:10.37614/2949-1185.2025.4.1.006

«МЕСТО ПОИСТИНЕ МИСТИЧЕСКОЕ И ЗАГАДОЧНОЕ»: МЕТОДЫ РАБОТЫ С ВООБРАЖЕНИЕМ ТУРИСТОВ В РЕКЛАМЕ ПОЕЗДОК НА СЕЙДОЗЕРО (МУРМАНСКАЯ ОБЛАСТЬ)

Алена Сергеевна Давыдова¹, Сергей Анатольевич Штырков²

¹Центр гуманитарных проблем Баренц региона Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук», Апатиты, Россия, a.davidova@ksc.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7967-5953>

²Ереванский центр международного образования, Ереван, Армения, s.shtyrkov@yerevancenter.org,
<https://orcid.org/0000-0002-1664-3575>

Аннотация

В статье на основе анализа рекламных тестов, содержащих информацию о поездках на Сейдозеро (Мурманская область), рассматриваются приемы, с помощью которых предприниматели стремятся привлечь туристов в этот регион. В центре внимания находится категория (социального) воображения. Мы предполагаем, что предприниматели, работающие в сфере туризма, при разработке своих предложений опираются на общее культурное знание о тех или иных местах и народах — точнее, о типах народов, — а также на предпочтения туристов, стремящихся попасть на «места силы» и получить уникальный духовный опыт (так называемых духовных туристов). Это знание формирует определенные образы мест и народов (imageries), или, иначе говоря, шаблоны воображения. Результаты исследования показывают, что репутация Сейдозера за пределами Мурманской области основана не столько на его природной уникальности, сколько на популярности двух этиологических нарративов, связанных с его историческим прошлым: саамского и гиперборейского.

Первый нарратив опирается на имажинативный шаблон «сакральное место коренного народа», второй — на образ «центра древней цивилизации». В разных повествованиях эти шаблоны могут как взаимно усиливать и дополнять друг друга, так и вступать в конкуренцию, вплоть до того, что один из них может быть представлен как второстепенный или даже заведомо ложный. Каждый из этих шаблонов формирует свой фрейм воображения, наполняемый туристом содержанием, которое он впоследствии осознает и репрезентирует как личный духовный опыт пребывания на месте силы.

Ключевые слова:

Мурманская область, духовный туризм, реклама, социальное воображение

Для цитирования:

Давыдова А. С., Штырков С. А. «Место поистине мистическое и загадочное»: методы работы с воображением туристов в рекламе поездок на Сейдозеро (Мурманская область) // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2025. Т. 4, № 1. С. 68–80. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.1.006.

Original article

"A TRULY MYSTICAL AND ENIGMATIC PLACE": METHODS OF ENGAGING TOURISTS' IMAGINATION IN THE PROMOTION OF TRIPS TO SEYDOZERO LAKE (MURMANSK REGION)

Alena S. Davydova¹, Sergei A. Shtyrkov²

¹Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Apatity, Russia, Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Center of RAS, a.davidova@ksc.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7967-5953>

²The Yerevan Center for International Education (YCIE), s.shtyrkov@yerevancenter.org,
<https://orcid.org/0000-0002-1664-3575>

Abstract

The paper analyses advertising tests containing information about trips to Seidozero (Murmansk region) and considers what techniques entrepreneurs use to attract tourists there. At the centre of our reasoning is the category of (social) imagination. Our assumption is that entrepreneurs working in tourism, when offering a product, are guided by general cultural knowledge about places and peoples or, rather, about types of cultures, as well as by the preferences of tourists travelling to places of power and seeking a special experience (spiritual tourists). This knowledge forms variants of images of places and peoples (imageries) or, in other words, patterns of imagination. The results of the study have shown that Seydozero's reputation outside the Murmansk region is based on its fame as a special natural locus, and on the popularity of two etiological narratives related to its historical past - Sámi and Hyperborean. The former is built on the imaginative template of 'Sacred place of the indigenous people', the latter uses the image of 'Centre of ancient civilisation'. In each particular narrative, these templates can complement and reinforce each other's authority, but they can also compete, to the point where in one narrative the second template is presented as secondary, irrelevant and even fictitious. In each particular narrative, these templates may complement and reinforce each other's authority, but they may also compete to the point where in one narrative the second template is presented as secondary, irrelevant and even fictitious. And each produces its own frame for the work of the imagination, which fills that frame with what will be realised and re-presented by the traveller as their particular spiritual experience of being in a place of power.

Keywords:

Murmansk region, new-age tourism, social imagination

For citation:

Davydova A. S., Shtyrkov S. A. "A Truly Mystical and Enigmatic Place": Methods of Engaging Tourists' Imagination in the Promotion of Trips to Seydozero Lake (Murmansk Region) // Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities. 2025. Vol. 4, No. 1. P. 68–80. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.1.006.

В России, как и во многих других странах, есть свой рынок продукции, технологий и профилактических и терапевтических техник, на которые традиционная биомедицина смотрит, мягко говоря, скептически. Помимо разнообразных веществ — от гомеопатических таблеток до сушеных мухоморов — представлены там и различные приборы. В последние годы в этом сегменте рынка активно продвигает свою продукцию фирма «Планета регионов»¹. Она специализируется в области «информационной медицины» и выпускает так называемые корректоры функционального состояния Кольцова (КФС). Принцип действия этих приборов (или предметов) достаточно своеобразен. Корректоры (в самой компании многие ласково называют их «кафээсочки») считаются носителями информации, снятой с какого-то объекта и/или вещества (например, лечебного растения, особого канала связи с космосом или места силы) и записанной на небольших намагниченных пластинках. Предполагается, что такая пластинка, если на нее поставить, например, сосуд с водой, может структурировать эту воду так, что она приобретает качества того вещества или объекта, с которого была снята информация. Помимо структурирования воды, корректоры рекомендуется прикладывать к телу, например, к больному месту или же в район той или иной чакры. Их можно держать в руках, рассчитывая достигнуть улучшения своего самочувствия в физической или духовной сфере. Корректоров существует несколько десятков видов, и у каждого есть свой набор функций, а также свое красивое название («Гармония», «Чистый взгляд», «Тайна мудреца», «Триумф бытия» и т. п.).

В самом начале 2022 года фирмой была выпущен КФС «Сейдозеро. Арктида». На нем записана информация, считанная с воды из Сейдозера, озера в Мурманской области, которое с конца 1990-х имеет репутацию «места силы» (другие корректоры подобного типа несут информацию почитаемых источников с православных святынь, сакральных озер Тибета и т. д.). Согласно рекламе КФС «Сейдозеро. Арктида» он, среди прочего, «помогает энергетически запустить процессы восстановления здоровья, всех органов и систем организма» или «активизирует и усиливает тонкое видение и чувствование, настраивает их как новые, весьма необходимые и постоянные параметры Души»².

Обычно для того, чтобы прорекламировать только поступающий в продажу прибор КФС записываются специальные видео, на которых промоутеры рассказывают о новинке. Рекламная кампания, которая сопровождала начало продаж данного продукта, активно использовала тему древней арийской или славянской цивилизации Гипербореи, которая, как предполагают многие любители альтернативной истории, когда-то существовала на этой территории и оставила свои следы в ландшафте вокруг Сейдозера. Людям, смотрящим это видео, предлагалось внимательно посмотреть на фотографии, сделанные на Сейдозере и представляющие собой изображения местных пейзажей, и почувствовать, насколько это место уникально, увидеть там что-то необычное, что нельзя распознать тому, кто не обладает особым знанием:

Когда смотришь на вот эти фотографии Сейдозера, возникает такое вот ощущение... чего-то такого [чего-то необычного], какой-то сказки, просто сказки! Потому что раньше мы с вами в те времена, во времена существования Гипербореи жили в этой сказке. Эта цивилизация была не просто земной цивилизацией, эта цивилизация была космической цивилизацией. И каждый камень [на Сейдозере] — это просто кладёшь знаний, которыми обладала именно наша древняя славянская цивилизация и которые сейчас можно расшифровать. То есть надо понимать, что вот вообще те горы, которые мы вот видим — это рукотворное все. И там вот храмы находятся. Древние храмы находятся внутри каждой горы»³.

Созерцание фотографий с Сейдозера, как мы видим, оказывается само по себе очень важным действием. Смотрящему предлагается внимательно взглянуть в изображение, чтобы увидеть там следы того эпического прошлого, к которому он или она непосредственно причастны в силу своего этнического происхождения. Кроме того, на индивидуальном уровне созерцание фотографий может помочь получить смотрящему какое-то послание от древней цивилизации, которое адресовано именно ему или ей. Вот что написано в инструкции для применения КФС «Сейдозеро»:

При наложении КФС на тыльную часть ладони, 6-й энергоцентр или любую вогнутую часть тела, с одновременным созерцанием фото священного Сейдозера и сейдов («живых» камней) могут открыться информационные индивидуальные послания (в т. ч. образные) древней цивилизации Гипербореи»⁴.

Комментируя этот пункт инструкции, промоутер на видео уточнила: «То есть... ну там надо мысленно просто вот дать себе как бы установку, что вы хотите [это] увидеть»⁵.

На другом видео она порекомендовала для получения нужной информации применить специальные техники зрения, которые должны помочь человеку получить визионерский опыт в повседневных условиях:

Когда вы смотрите на такие фотографии, смотрите объемно, смотрите расфокусированным взглядом. И вот здесь, смотрите, вот с правой стороны тут... (каждую фотографию можно часами рассматривать). Когда на вас еще этот корректор [повешен], когда вы попили воды, проструктурировали ее и вот просто сфотографируйте себе [то есть сделайте сейчас снимок экрана] или найдите в интернете эти фотографии — и смотрим. Тогда возникают какие-то внутренние озарения у вас! Смотрим объемно и считываем информацию объемно и здесь вот как бы такой вот... знак X, да? Вот справа видите? И там вот внутри как будто бы... цифра 3. То есть какой-то третичный поток информации. Вот. Ну здесь у каждого по-своему будет восприниматься информационные потоки. Или образно смотрите и верх, и низ через воду и через реальное изображение, да этой горы [имеется в виду фотография, где есть сама скала и ее отображение в воде озера] и больше смотрите расфокусированным взглядом. Смотрим расфокусированным взглядом. [пауза] Даже вот духи видны. Вот я вижу даже духов здесь, проявленный дух. Но это дух непонятно — или озера, или дух вот этой горы⁶.

Работа с изображениями ландшафта Сейдозера, как мы можем видеть, довольно сложна и требует определенной подготовки. Но, самое интересное, что это разглядывание вместе с обязательным использованием самого корректора «Сейдозеро. Арктида» в домашних условиях должно выступить в качестве функционально эквивалента поездки к соответствующему месту силы. Созерцание пейзажей должно заменить перемещение человека в географическом пространстве деятельностью другого рода, а именно покупкой особого предмета, несущего информацию этого пространства, и последующей работой с ним. Вот как описала базовый принцип этого предложения другой представитель этой компании:

Значит, эти корректоры привезены с мест, на которые, может быть, не просто попасть обычному человеку. Но там уже зарегистрированы многие результаты по этим корректорам. Вы можете набрать это название прямо в интернете и почитать, какие результаты получили люди, посещая это место силы, побывав на этом месте силы. Вы знаете, что многие не могут туда доехать, потратить большие деньги на это, [чтобы] побывать на этом месте. Поэтому место силы, получается, мы приобретаем, и оно является у нас в руках⁷.

Мы начали свой разговор о Сейдозере как паломнической или туристической дестинации с этого яркого, хотя и весьма специфичного сюжета, поскольку, во-первых, в нем это озеро появляется в одном из своих характерных обликов. Во-вторых, на этом примере хорошо видно, какое место в контактах людей с местами силы занимает (или должно занимать, согласно не всегда совпадающим друг с другом ожиданиям двух сторон туристического контракта) работа воображения. Эту работу настойчиво предлагают проделать своим клиентам те, кто предоставляет виртуальный, как в случае с корректорами функционального состояния, но гораздо чаще вполне реальный доступ к подобным локусам — то есть люди, занятые в сфере туризма, в нашем случае — в сфере путешествий к местам силы. Работа воображения, подразумевающая специальные эмоциональные и интеллектуальные усилия, нужна для того, чтобы путешественник приобрел особый опыт, который, как предполагается, стремятся получить люди, отправляющиеся к местам с особой энергетикой.

Этот сегмент туристической индустрии называют духовным или Нью-Эйдж туризмом (см.: [1–8] и др.). Однако поездки к подобным местам часто входят в качестве составного элемента в другие, менее специфизированные программы. В таких путешествиях не предполагается, что туристы будут как-то специально подготовлены к тому, чтобы включать собственное воображение в процесс получения особого опыта. Другими словами, эти путешественники обычно не тренируют свое воображение (интуицию, чувствительность), чтобы, почувствовав в какой-то момент пути что-то особенное, понять, например, что они находятся в точке с особой энергией, или ощутить что-то подобное. Но, как нам кажется, это не меняет основного принципа взаимодействия между собой основных участников процесса путешествия. О принципах их взаимодействия и пойдет речь дальше.

Несколько слов нужно сказать о материалах, которые лежат в основании нашего исследования. Чтобы понять на чем основывается воображение туристов и с какими ожиданиями они едут на Кольский полуостров, мы проанализировали материалы социальных сетей, содержащие информацию о поездках на Сейдозеро. Также мы просмотрели отзывы, оставленные туристами и используемые работниками туристического бизнеса для рекламы своих услуг. Они, как правило,

представляют собой описание впечатлений от опыта контакта с Сейдозером и гидами. Конечно, мы проводили полевые исследования, участвуя в поездках на Сейдозеро в качестве туристов и собирая интервью в беседах с работниками индустрии путешествий. Но в данном тексте мы ограничим горизонт наших источников материалами, доступными в Сети, которые можно отнести к категории рекламных. В фокусе нашего внимания будут те тексты, на которые опираются представители туристической индустрии для привлечения внимания к своему контенту и турпродукту.

Социальное воображение и туристическая индустрия

Категория (социального) воображения, которая находится в центре нашего рассуждения, является для многих авторов одновременно привлекательной и проблематичной. Привлекает она тем, что выглядит как более элегантная, гибкая и процессуальная замена тем терминам, которые все чаще кажутся плохо применимыми к нашим этнографиям, а именно понятиям «культуры» и «мировоззрения». Проблемы же с этой категорией являются обратной стороной ее привлекательности. «Социальное воображение» часто используется как прямая замена традиционных понятий и во многих случаях своего применения не дает никаких новых перспектив для антропологического или социологического анализа, представляя собой просто звонкое модное выражение. Клаудиа Страусс (Claudia Strauss) остроумно описала эту ситуацию: «воображаемое — это просто культура или культурное знание в новой одежде. Нам нужен способ говорить общей для группы людей ментальной жизни: если культура слишком сильно ассоциируется с инаковостью, фиксированностью и гомогенностью, то нужно найти другой термин» [9: 322].

Категория «воображения» во многом обязана своей популярностью в социальных науках риторическому и аналитическому таланту Бенедикта Андерсена, чья теория нации, эту категорию использующая, пронизательно определяется как «обольстительная» (seductive) [9: 131]⁸. Действительно, его очарованию легко поддаться, но эта уступка может быть чревата последствиями в виде переживания чувства вины за собственную неосмотрительность да и просто репутационными издержками. И, если отложить в сторону подобные аналогии, можно сказать, что с категорией «воображения» оказалось непросто работать. Попытки его систематично определить и затем использовать сталкиваются с проблемой его прочной связи с контекстами употребления в повседневной речи, а также с обывательским (да и вполне академическим) здравым смыслом [10: 123].

Согласно Поллю Рикеру [11: 119], воображение можно понимать по-разному: 1) вызывать вещи, которых нет, но которые существуют в другом месте; 2) создавать в уме образы несуществующих вещей; 3) вызывать представления, заменяющие вещи (например, картины или диаграммы); 4) представлять вещи, которых нет или которые не существуют, но которые создают у человека веру в их существование, поддающееся эмпирическому наблюдению. Проблема здесь заключается в том, что для многих социальных исследований в большинстве экспрессивных жестов, к которым можно применить слово «воображение», реализуется потенциал всех этих значений. Если вернуться к примеру, с которого мы начали, то человек, видящий на экране своего компьютера изображение далекого северного пейзажа, воображает себе Арктику, которой в том виде, в каком он ее воображает, не существует. Он, естественно, заменяет доступной ему через интернет картинкой реальный пейзаж и видит в нем то, что, вероятнее всего, (уже или еще) не существует в физической реальности. То есть предложенное Полем Рикером рассуждение указывает не на четыре разных способа понимать воображение и принципы его работы. Это просто способы привлечь внимание к разным аспектам этого действия.

Поэтому, если мы хотим использовать семантический потенциал этого понятия, который, кстати говоря, формируется упомянутой связью этого (почти) академического термина с контекстами его повседневного употребления, нам нужно попытаться уточнить, что мы пытаемся сказать (или, вернее, разглядеть) с его помощью.

Если мы говорим о нациях как воображенных сообществах, то, следуя логике Бенедикта Андерсена, мы имеем виду не то, что люди думают о нациях, а, скорее, как они о них думают и как они эти нации проживают, как они ими живут. Это воображение снабжает людей в обществах определенного типа интеллектуальными и, что особенно важно, эмоциональными пресуппозициями, не доступными в нормальных условиях для рефлексии и потому незаметно, но надежно обязывающими людей к определенному поведению. Так понятое воображение в чем-то похоже на эпистему Мишеля Фуко, которая принуждает нас определенным образом говорить о мире и, в соответствии с этой дискурсивной привычкой,

видеть его и действовать в нем. В этом акте воображения сходятся два важных вектора оценки воображения, существующие со времен классической Греции, — как акта творчества, который приводит в этот мир то, что в нем до того не существовало, и как иллюзии, пустой фантазии, заблуждения, чего-то, что отвлекает человека от созидательной деятельности в этом мире. Согласно концепции Бенедикта Андерсена получается, что нации не существуют в реальности, но воображаются националистами в качестве существующих. Но когда достаточное количество людей вообразило себе нации, те приобретают новый онтологический статус, принуждая своих создателей действовать определенным образом — как будто нации существуют безотносительно сознания представляющих их себе людей.

Когда мы говорим и думаем о путешествиях — миграциях, туризме, паломничестве — использование понятий «воображение» и «воображенное» кажется особенно привлекательным. Вероятно, это связано с естественной инерцией употребления этих слов в контексте разговора о мечтах-проектах («отпуск моей мечты»). Эти разговоры активно стимулируются предпринимателями в сфере индустрии гостеприимства, которые «будоражат воображение» своих потенциальных клиентов посредством все более изощренных дискурсивных и визуальных техник убеждения (соблазнения). Сами потенциальные путешественники тоже, кажется, сознательно и последовательно пользуются своими навыками рисовать в воображении то, что им предстоит сделать, и те места, куда им предстоит поехать. Они делают это до и вовремя своей поездки, видя в предвкушении, питаемом воображением, необходимую часть всего запланированного ими путешествия.

Со своей стороны, туристические предприниматели должны как-то представить себе потребителей своего продукта. Для этого они пытаются вообразить себе то, что их потенциальные клиенты себе воображают, задумываясь о возможности куда-то поехать. В этом плане туризм — настоящая империя воображения. И мы, изучая ее территорию и население, чувствуем, что эти разнонаправленные векторы работы воображения и с воображением во многом определяют место путешествий в жизни современных людей и принципы существования этого аспекта социальной реальности.

Для анализа этой деятельности стало привычным применять понятие (*geographic*) *imaginaries*, которое можно грубо и неточно перевести как «плоды воображения». «Плоды географического воображения» — это социальные конструкты, которые можно определить как «негласные репрезентационные ассамбляжи, [которые] обладают силой, потому что они приводят в действие и конструируют народы и места, подразумевая множественные, часто конфликтующие, репрезентации инаковости» [12: 576].

В этом довольно сложном и детальном определении нас несколько смущает слово “unspoken”. Действительно, как и в случае с «воображенными сообществами» Бенедикта Андерсена, работа социального и индивидуального воображения создает условия для определенной практики (или действия) — в нашем случае — для путешествия. Ноэль Салазар, автор приведенного выше определения, судя по всему, пытался подчеркнуть, что эти *imageries* не являются чем-то, что сознательно осваивается человеком в процессе обучения. Они складываются в голове людей спонтанно, в ходе усваивания ими, например, ориенталистской версии образа Ближней или Южной Азии или, если взять более широкую перспективу, — туманного, но могучего образа некоего глобального Юга, живущего в умах (и, проективно, в телах) жителей глобального Севера. На их форму влияют в основном визуальные образы, почерпнутые из самых разных источников, — от книг сказок и детских мультфильмов до произведений высокого искусства. Эти *imaginaries* отправляют туриста в путь, обещая ему личное знакомство с тем, что ему не доступно в привычном ему мире, с чем-то, что еще не реализовано в прожитом им опыте, но уже в каком-то виде существует в его голове. Но являются ли “*geographical imaginaries*” лишь чем-то, что существует исключительно в (под)сознании путешественника? Всегда ли это остается невысказанным? И если сам этот путешественник не всегда может эксплицировать свои ожидания, то, возможно, это кто-то делает за него?

Наше предположение состоит в том, что предприниматели, работающие в туризме, предлагая какой-то продукт, ориентируются на общее культурное знание о каких-то местах и народах или, скорее, о типах народов. Это знание и представляет собой *imageries* (в нашем случае, «место силы» и/или «где-то в Арктике»). Для продвижения своего продукта на рынке эти предприниматели формулируют свои редакции этих образов — *шаблоны воображения*. Они представляют собой полупустые знаки, которые должны заставить воображение туриста работать над тем, чтобы в процессе путешествия или уже на месте эти шаблоны

наполнились конкретными смыслами, образами и опытом. Можно сказать, что туристическое предложение представляет собой своего рода детскую книжку для рисования, в которой только намечены контуры рисунков, их называют activity books. Предполагается, что ребенок, опираясь в своей работе на собственные желания и опыт, сам дорисует что-то, обозначенное агрессивным намеком пунктирной линии, или раскрасит какие-то намеченные контуры. В этом творчестве может активно участвовать другой ребенок или взрослый (в туризме в роли такого «взрослого» зачастую выступает гид, который говорит, например, «Представьте...»). Степень ясности и детальности предложенных в такой книжке шаблонов может различаться. Где-то ребенку, чтобы выполнить задание автора, достаточно закончить почти полностью сделанный рисунок, где-то ему нужно нарисовать почти все, но при этом авторы книги обязательно намекают, что здесь нужно рисовать — джунгли или тарелку с фруктами. Возвращаясь к туризму, мы можем сказать, что где-то работник этой индустрии, работающий с ожиданиями туристов, умело представляя подготовленный для них фрейм для восприятия происходящего, предлагает им додумать (прочувствовать) практически все самим. Но иногда предложение туроператора почти не оставляет места для работы воображения туриста или, наоборот, путешественник приезжает со своими хорошо проработанными шаблонами воображения и не нуждается ни в чьей помощи, чтобы там, куда он приехал, заполнить их своим опытом (опытные гиды знают, как трудно бывает работать с подобными путешественниками, те слишком хорошо знают, что им нужно получить в ходе поездки).

Есть некоторое искушение включить в эту схему взаимодействия в качестве агента и само место, в которое стремятся попасть и, если все хорошо складывается, попадают путешественники. Следуя этой аналогии, можно сказать, что сама книжка как материальный предмет определяет круг возможных изобразительных техник и даже задает некоторые важные параметры для использования воображения (например, в ней сложно создать скульптурные изображения). Так, некоторые туристы, отправляясь в Арктику, готовятся созерцать открытые суровые просторы, наслаждаться покоем и нетронутой природой и совершенно не ожидают, что условия, воображаемые ими до путешествия, могут не совпасть с действительностью (это подтверждается рассказами гидов про неготовность туристов к арктическим условиям, их неэкипированность) [13]. Само же место силы, с которым работают промоутеры при помощи воображения путешественников, остается относительно пассивным. Оно мало что может о себе рассказать. Оно словно ждет, чтобы его представили, а затем вообразили. Так обстоит дело и с Сейдозером.

«Мистическое Сейдозеро»

Поездки и походы на Сейдозеро, расположенное в Мурманской области, довольно хорошо представлены на рынке туристических услуг России. Такие путешествия предлагаются большими сервисами бронирования туров, работающими с тысячами местных операторов по всему миру. Естественно, в этой сфере работают и региональные туристические фирмы, для которых Сейдозеро является одной из популярных туристических природных локаций Мурманской области, наряду, например, с Тереберкой и Дальними Зеленцами. Поездки на это озеро входят в список предложений небольших компаний и отдельных проводников, которые специализируются на организации посещений локусов с репутацией мест силы.

Самая распространенная практика в презентации Сейдозера как места силы — это предложить несколько имажинативных шаблонов для понимания этого места и пригласить клиента самому выбрать тот шаблон, который лучше всего соответствует его ожиданиям. Например, в расписании поездок, размещенном хозяйкой московской фирмы «Места силы», Сейдозеро соседствовало с популярными у российских духовных туристов Аркаимом и Хакасскими Сундуками. А в «календаре походов» проводника из Уфы на 2022 году, помимо «Шаманского Сейдозера», в качестве дестинаций указаны горные озера Алтая, гора Манарага на Приполярном Урале и несколько других мест. Кстати, этот человек — один из немногих проводников, ведущих на Сейдозеро, кто иногда называет организуемые им путешествия паломничествами и в своих презентационных текстах последовательно показывает себя колоритным ньюэйджером (или, лучше сказать, — искателем истины) и одновременно проводником, выполняющим функции духовного наставника (или помощника-консультанта). Вот как он описывает себя, приглашая желающих присоединиться к его группе:

Я провожу человека туда, куда ему надо. Все! Точка. Да, по ходу пьесы, может случит[ь]ся китайская чайная церемония. Возможно, еще до утреннего подъема всей группы, я варю черный пүэр в специальном чайнике, для самых ранних пташек. Играю на варгане у ночного костра. Рассказываю дикие байки, в которых

часто уже сам не понимаю, где явь смешалась с навью. Фотографирую и готовлю вечерние снадобья для знакомства с собой и священной Медициной Растений. И еще что-то, о чем я прямо сейчас не припомню. <...> Я веду человека туда, где само пространство и путь его трансформируют. Я веду человека в паломничество, и развлечение — это побочный продукт Пути⁹.

Если смотреть на то, как представляют Сейдозеро в качестве места силы (сам этот термин используется в этом контексте редко) своим потенциальным клиентам большинство агентов как относительно больших фирм, так и отдельных гидов, то можно отметить, что выбираемый ими шаблон воображения выглядит максимально пустым и лишенным конкретики. Авторы пытаются разбудить воображение туристов такими терминами, как «мистика», «тайны», «загадки», «магическая сила», «волшебство» и т. д.:

Если Вы любитель сказаний, легенд, природных мест, обладающих мистической силой, то однодневный тур «Мистическое Сейдозеро» точно для Вас! Это «озеро горных духов», расположенное в горном массиве Ловозерской тундры, имеет славу мистического места. Сейчас Сейдозеро является заповедным местом¹⁰.

Примечательно, что эти понятия вводятся почти обязательно вместе с описанием красоты и чистоты кольской природы, так что эти области смыслов оказываются тематически связанными.

Другое объявление на личной странице проводника в сети «ВКонтакте» призывает потенциального потребителя обратить внимание не только на мистическую силу места, но и на его взаимосвязь с природным ландшафтом, указывая на особенные климатические условия и географическое расположение:

Горные тундры... Заполярье... здесь по другому, не только во внешнем ландшафте... неуловимо, неявно... почувствовать... это «по другому» в воздухе, в воде, в себе... разлито повсюду, как и тонкая Северная мистика... почувствовать... Полярный день, хрустальные ручьи с тающих снежников, облака, текущие по горам, зеркальная гладь озера, запах разогретой Солнцем тундры... Что то завораживает меня в этом краю много лет, уже и не пытаюсь понять...¹¹.

В данном тесте прослеживается стремление проводника построить свое рассуждение с позиции противопоставления: здесь и там. Многие воображаемые места структурированы дихотомиями, иногда трудно различимыми на практике, которые представляют мир в парадигматически связанных бинаминалах: природа — культура, здесь — там, мужское — женское, внутреннее — внешнее и местное — глобальное (см.: концепция «мифологии» Ролан Барта [14], а также Г. Дюранд [15]).

Шаблон «Сакральное место коренного народа» vs «Центр древней цивилизации»

Как показали предыдущие исследования, туризм в арктических районах выделяется комбинацией дикой и (по большей части) необитаемой природы и столкновения с тем, что туристические путеводители описывают как «людей природы» или «последних кочевников Европы» [16]. Индигенные народы, особенно те, кто занимается оленеводством, стали мощной и живописной материализацией некоторых привлекательных аспектов арктического ландшафта и его обитателей. Отметим, что граница между популярными мифами или рассказами о коренных народах и представлениями об этих культурах в туризме часто неясна или размыта [17]. Так, часть туроператоров предпочитает предлагать клиентам шаблон «Священное место коренного народа», не указывая, что это за народ:

Экскурсия на Сейдозеро из Мурманска — это путешествие, которое погружает в атмосферу тайн и легенд древних народов, населявших Кольский полуостров. На берега мистического озера приезжают посмотреть сотни туристов со всей страны, чтобы насладиться живописной природой, услышать множество интересных легенд, окружающих священное озеро... путешественники узнают о древних народах, населявших центральную часть Кольского полуострова, их образе жизни и необычных традициях¹².

Некоторые проводники избегают синкретизма и с самого начала предлагают клиенту настроить свое воображение на работу с шаблоном «Сакральное место коренного народа саамов». Например, небольшая фирма «Вавилон 51» предпочитает демонстрировать свой интерес и уважение к саамской культуре. Они публикуют в своей группе саамские сказки, не имеющие, на первый взгляд, отношения к туризму, но поддерживают образ сотрудников фирмы как людей, разбирающихся в культуре местного населения и бережно к ней относящихся. Также в своих видео они демонстрируют знание большого количества микропонимов, что работает на укрепление их репутации как людей, имеющих отношение и к саамской

культуре, и к этой земле. Параллельно, они демонстрируют скептическое отношение к гиперборейской версии прошлого Сейдозера:

Так вот Сейдозеро. Сейд с языка местных жителей саамов переводится как «священный», и название в оригинале звучит как Сейдявр. Ну и вообще здесь в окрестностях очень много крутых местных топонимов. Вот, например, горы. Сегисчорр, Кедывырпажж, Эльмарайрк, Куйвчорр, Куэлнюн, Куамдэспах, Нинчурт, Чивруайлавт, Ленхе. Но еще интереснее звучат названия рек и ручьев: Чивруай, Мочесуай, Уэлькуай, Мурнуай, Элмморайок, Чинглусуай, Куклухтнюнуай, Суолуай. Ну, короче, вы поняли.

Эти места не зря считаются священными у саамов. Вокруг них сложено множество легенд и мифов. Но самый известный про Куйву. А вот, кстати, и он. По одному из преданий, он был злодеем и пришел с войной на саамов, которые жили на берегах Сейдозера, за что местные боги и заточили его в скалу. Саамы, кстати, до сих пор почитают и уважают эти места и даже советуются с местными шаманами, прежде чем прийти на Сейдозеро.

Ловозерскими тундрами также очень интересуются и уфологи. Они считают, что здесь находилась древняя Гиперборея и в очертаниях гор видят ее остатки. Например, вот эта груда камней, по их мнению, является остатками древней гиперборейской обсерватории. Видите что-нибудь похожее? Я тоже нет¹³.

Кроме того, представители фирмы «Вавилон 51» визуализируют себя в качестве проводников по Сейдозеру и другим «сакральным местам», размещая свои изображения с деревянным идолом, который не имеет отношения к саамам, но работает на их образ опытных проводников по сакральным местам коренного населения. Под одним из этих изображений кто-то оставил шуточный комментарий: «Ну... ребята)... у вас такие лица)... как два викинга... вы там жертвы человеческие у этого божка не приносите?... Шучу)...». На это один из проводников ответил: «Александр, человеческие [жертвы] не приносим)))).»

Эта реплика сопровождалась смайликом. Но эта шутка была не просто спонтанным жестом (само)иронии. Она указывала на практику, с которой знакомы все проводники и которую используют при работе с туристами многие из них. Речь здесь идет о том, как в работе индустрии гостеприимства используются образы местных религиозных традиций.

Вообще говоря, практически каждый турист, пришедший на Сейдозеро, знает или узнает впоследствии о том, что его название включает саамское слово «Сейд», которое обозначает «священный». Об этом рассказывают рекламные нарративы, об этом сообщают проводники. Те же проводники показывают на конструкции из камней, стоящие на некоторых горах, окружающих озеро. Но как в этих условиях помочь туристу, пришедшему на священное место коренного народа, ощутить сакральность этого места? Для этого проводники погружают своих клиентов в особый эмоциональный режим тревожной осторожности, устанавливаемый через описание «традиционных» запретов и предписаний. Проводники не только рассказывают о них, но и предлагают туристам *exempla* (поучительные нарративы) о судьбе тех, кто эти установки вольно или невольно нарушил. И самое главное, проводники искусно демонстрируют, что они сами соблюдают эти правила поведения. В разговоре о жертвоприношениях на интернет-страничке фирмы «Вавилон 51» содержался намек на то, что проводники часто предлагают туристам принести небольшую жертву местным духам или, и это происходит чаще всего, великому Куйве. Куйва — это уже упомянутый главный символ Сейдозера, огромное антропоморфное пятно на скале, которое является колонией лишайника, выросшего там, где из щелей между камнями сочится вода. Многие гиды рассказывают своим спутникам, что успех их совместной поездки может зависеть от настроения этого капризного Куйвы. Хотя эти рассказы мало кто воспринимает полностью всерьез, если посмотреть видеоотчеты о походах на Сейдозеро и почитать размещенные в социальных медиа репортажи о них, можно понять, что про Куйву проводники вспоминают довольно часто и охотно на глазах у туристов приносят ему небольшие жертвы — отсыпают в озеро немного табака и льют в воду водку. Туристы с охотой включаются в эту игру, степень серьезности/несерьезности которой трудно оценить, поскольку сама эта игра зачастую строится на совмещении в одном контексте разных перспектив в понимании таких ритуалов.

Другие проводники объясняют особенности своего поведения, которым они подают пример туристам, тем, что они выполняют саамские запреты. Например, один из проводников утверждает, что уносить что-то с берега озера нельзя — взятый предмет придется принести обратно. При этом он ссылается на свой личный опыт и делает это настойчиво, но сдержанно-сурово отказывается

предоставлять заинтересовавшимся слушателям детали этого происшествия, показывая тем самым, насколько серьезно он сам относится к тому, болезненному для него, опыту.

Это поведение доводит до туристов идею, что, хотя саамов сейчас на их священном месте практически нет, некоторые бытовавшие у них запреты продолжают быть актуальными. И туристы включаются в этот режим уважительной тревожности. Но из-за чего? Из-за того ли, что проводник предложил такую игру, предполагающему воображаемое общение с духами? Или же из реального страха перед этими духами? Или из уважения к настоящим хозяевам этой земли, саамам, которые покинули ее, но, возможно, живут недалеко и сюда еще вернутся? Здесь не столь важно, как сформулируют себе турист свою мотивацию для соблюдения предписания или запрета, ведь проводник, сообщая о запрете и рассказывая свои *exempla*, позволяет ведомому им человеку погрузиться в проживание сакральности этого места и приобрести опыт пребывания в пространстве традиционной культуры коренного народа. За этим народом таким образом сохраняется право знать истинную природу этого места силы и правил пребывания в нем.

Как мы видим, для того, чтобы аутентичность места была прочувствована путешественником, она должна быть суровой, она должна проживаться через соблюдение ограничений. Именно в такой таинственный и немного опасный мир приводят проводники своих спутников, которые по возвращении пишут такие реплики, которые могут складываться в диалог, где каждый старается показать свою компетентность:

Тима Недов: «Ребята. Это священное озеро. Ходите, смотрите, трогайте но не берите. Вы там гости без приглашения».

Дмитрий Вергизов: «Тима, нам так же говорили — либо не брать, либо спрашивать разрешение у духов».

Тима Недов ответил Дмитрию: «Дмитрий, сейчас сейдозерье стало центром тур-походов. Люди забыли ценность места глубин его предназначения. Сакральный смысл для людей, живущих здесь делилось на двое мир людей и мир духов, просящий взамен отдавал что то стоящее духу, а дух исполнял завет просящего. Взаимосвязь, но не большие. Безысходность или спасение был толчком идти к этому месту, а мы нарушаем эти границы».

Дмитрий Вергизов ответил Тиме: «Тима, мы оставили подарки духам».

Тима Недов ответил Дмитрию: Дмитрий, задобрить духов вы перво-на перво сделали (здесь значки, обозначающие улыбку). Главное это не забыть (здесь значки, обозначающие улыбку), а то получится как с умыслом пришел¹⁴ (приведено с небольшими сокращениями).

Помимо рекламной продукции, развивающей тему саамского духовного наследия и рассчитывающей привлечь внимание поклонников индигенного сакрального, есть объявления для тех, кто едет в этот уголок Мурманской области, чтобы увидеть и потрогать остатки великой древней Гипербореи. Такие проводники последовательно работают с шаблоном воображения, который можно назвать «Центр древней цивилизации». Этот шаблон предполагает, что путешественники будут созерцать развалины величественных сооружений, которые, как предполагается, невозможно было бы построить с помощью современных технологий, обнаружение следов существования высокоразвитой науки (здесь помогает, например, образ самой древней на земле обсерватории) и даже обнаружение огромных изображений, напоминающих одновременно Moais с острова Пасхи, изображения индуистских божеств из мультфильма про Маугли и Pillars of Kings in Gondor. Впрочем, сейчас за визуальную составляющую в предварительном *imaginary* нью-эйдж туриста отвечают картины художника-«славяниста» Всеволода Иванова, на которых огромные высеченные в скалах изображения древних божеств предстают в качестве важной визуальной доминанты мира далекого прошлого, изящно сочетая в себе качества природных объектов и монументальной скульптуры. С его творчеством и размышлениями в области древней истории славян можно познакомиться и в печатных изданиях (см., например, книгу Натальи Павлищевой [18])¹⁵.

Справедливо будет упомянуть и о предложениях, содержащих в себе комбинацию вышеперечисленных шаблонов, рассчитанных, по всей видимости, на то, что какой-то из них сможет запустить воображение туриста и мотивировать его совершить поездку с инициатором рекламы:

В походе Вас будет сопровождать опытный проводник, имеющий стаж путешествий по Ловозерским и Хибинским тундрам более пятидесяти лет. По вашему желанию он подробно расскажет о геологической истории этих мест, о своеобразном животным и растительном мире Сейдозера, о древнем народе саамов, уже несколько тысячелетий, населяющих и хранящих эту

землю. Кроме того, для тех, кому это будет интересно, он расскажет о сакральной истории этих мест. Вы посетите остатки древней обсерватории, увидите таинственное озеро Райявр и другие места, связанные с протоцивилизацией, известной многим под названием Гиперборея¹⁶.

Здесь можно встретить и поклонников Гипербореи, выискивающих ее следы, и людей общающихся с духами леса. Сюда наведываются любители медитаций, уфологи и криптобиологи в надежде отыскать следы снежного человека. И конечно простые туристы, которые идут за гармоничной природой и прекрасными видами, тоже приходят к Сейдозеру¹⁷.

Есть на Кольском полуострове место поистине мистическое и загадочное. Каждый год, со всей России, тянутся сотни туристов к этому таинственному месту. Чем же так знаменито озеро «Сейдозеро»? По одной из теорий это место считается колыбелью Гипербореи, древней исчезнувшей цивилизации, неразрывно связанной с мифическими рассказами и магическими знаниями. По мнению других исследователей под горой Нинчурт, что находится на берегу Сейдозера, скрыт от глаз людей древний город саамских шаманов. Скептики, в свою очередь утверждают, что Ловозерские тундры место магнитных и сейсмических аномалий, и никаких мистических загадок тут нет. Каждый сам выбирает: придерживаться ему научной теории или верить в легенды...¹⁸.

В любом случае, как видно из следующего текста, поездка или поход на Сейдозеро, не окажется пустой тратой времени и денег:

Здесь очень хорошо, и каждый находит то, что ищет. Наверное, в этом заключается прелесть этих мест. Оказавшись на Сейдозере, вряд ли останешься равнодушным. Но даже в том случае если цель, ради которой идешь сюда вдруг будет не найдена, то сам проделанный путь будет стоить того. Учитывая пейзажи, через которые этот путь пролегает¹⁹.

Вместо заключения

В качестве небольшого итога отметим, что в данной работе были охвачены далеко не все сюжеты, повествующие о работе проводников и туристических фирм с воображением туристов. Конечно же, на этом рынке есть предложения, которые посвящены исключительно природному и познавательному туризму и не имеют к туризму духовному прямого отношения. Но в рамках этой статьи наше внимание было сосредоточено в основном на том, как продвигаются предложения походов/туров на Сейдозеро как на место силы, или, говоря словами еще одного объявления, на одно «из самых загадочных, мистических, обвеянный [так!] множеством легенд и загадок мест»²⁰. И хотя кому-то из приходящих в эти места бывает вполне достаточно того, что там действительно очень красиво, все же известность озера за пределами Мурманской области основывается не на природе, а на «культуре», то есть на двух этиологических нарративах, связанных с его историческим прошлым, — саамском и гиперборейском. Первый строится на имажинативном шаблоне «Сакральное место коренного народа», второй использует образ «Центра древней цивилизации». В каждом конкретном повествовании эти шаблоны могут дополнять и усиливать авторитет друг друга, но могут и конкурировать вплоть до того, что в одном нарративе второй будет представлен как вторичный, несущественный и даже фиктивный. И каждый из них производит свой фрейм для работы воображения.

В дальнейшем необходимо провести исследование с целью более детального раскрытия такой важной темы, как работа конкретных «технологий» воображения. Кроме того, отдельного рассмотрения заслуживают вопросы, связанные с поиском путешественниками в окрестностях Сейдозера особой северной духовности и в первую очередь шаманизма, без которого эту северную духовность туристы просто не могут себе представить. В свою очередь, эти образы и ожидания влияют и на принимающее туристов сообщество, в котором начинает возникать потребность в нахождении в местных реалиях того, что, по их мнению, последовательно стремятся найти туристы. Этой теме, надеемся, будут посвящены наши дальнейшие изыскания.

Примечания

¹ Компания «Планета регионов» [Электронный ресурс] // Сайт «Здоровье и гармония». URL: <https://zdorovie-garmonia.ru> (дата обращения: 30.03.2025).

² КФС Сейдозеро. Арктида. Развитие видения и чувствования [Электронный ресурс] // Сайт «Здоровье и гармония». URL: <https://zdorovie-garmonia.ru/katalog/89/668/> (дата обращения: 30.03.2025).

³ Лузгинова С. В. «КФС «Сейдозеро. Арктида» и устранение чужеродных негативных программ. Ч. 2» 27.01.22 [Электронный ресурс] // Youtube-канал «Планета регионов». URL: https://www.youtube.com/watch?v=6Cob-s_-jOc (дата обращения: 30.03.2025).

- ⁴ КФС Кольцова: Корректор функционального состояния организма человека. Элитная серия. КФС Сейдозеро Арктида [Электронный ресурс] // Сайт «Планета регионов». URL: <https://zdorovie-garmonia.ru/katalog/89/668/> (дата обращения: 30.03.2025).
- ⁵ Лузгинова С. В. «О КФС “Казачий ключ”» и “Сейдозеро. Арктида”». 12.01.22 [Электронный ресурс] // Youtube-канал «Планета регионов». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=XSVcrDwCAZE> (дата обращения: 30.03.2025).
- ⁶ Лузгинова С. В. «КФС “Сейдозеро. Арктида”» и устранение чужеродных негативных программ» 13.01.22 [Электронный ресурс] // Youtube-канал «Планета регионов». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=2GigvWKI1B4&t=0s> (дата обращения: 30.03.2025).
- ⁷ Каплина А. В. «Результаты тестирования КФС “Сейдозеро. Арктида” и “Казачий ключ”» 12.01.22 [Электронный ресурс] // Youtube-канал «Планета регионов». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=S2Pq5IRSyxk> (дата обращения: 30.03.2025).
- ⁸ Конечно, свою роль в повышение узнаваемости, применимости и рутинизации этого образа сделали Корнелиус Касториadis (1998) и Чарльз Тэйлор (2004), но перспективы, заданные их трактовками «воображения», были методологически и политически более специализированы.
- ⁹ Запись на личной странице в социальной сети «ВКонтакте». 27 августа 2021 г. [Электронный ресурс] // Социальная сеть «ВКонтакте». URL: https://vk.com/ruslantaiga?w=wall133407904_5842%2Fall (дата обращения: 30.03.2025).
- ¹⁰ «Мистическое Сейдозеро». Объявление на сервисе поиска авторских туров. [Электронный ресурс]. URL: <https://klubgidov.ru/rossiya/kolskij-poluostrov/misticheskoe-sejdozero-170926> (дата обращения: 30.03.2025).
- ¹¹ «С вольным ветром». Запись на личной странице // Социальная сеть «ВКонтакте». 31 мая 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/club163824740?w=wall-163824740_34%2Fall (дата обращения: 30.03.2025).
- ¹² Double Travel: сервис бронирования экскурсий онлайн <https://double-travel.ru/tour/ekskursiya-na-sejdozero-iz-murmanska/>
- ¹³ Захаров Н. Сейдозеро. Ловозерские тундры. 25 авг. 2021 г. [Электронный ресурс] // Youtube-канал «Вавилон 51». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=4rjc3qDFF1k&t=301s> (дата обращения: 30.03.2025).
- ¹⁴ Комментарии к посту «Поход Кольский Хибин Сейдозеро». 27 марта 2019. [Электронный ресурс] // Социальная сеть «ВКонтакте». URL: https://vk.com/babylon_51?w=wall-22531969_4513 (дата обращения: 30.03.2025).
- ¹⁵ Всеволод Иванов родился в 1950 году в Беломорске, в настоящее время проживает в Твери. Известен своей живописью в среде современных российских язычников.
- ¹⁶ Путешествие на Сейдозеро [Электронный ресурс] // Социальная сеть «ВКонтакте». URL: https://vk.com/sejdozero_kp?w=wall-169961322_30%2Fall (дата обращения: 30.03.2025).
- ¹⁷ «Вавилон 51» Поход Кольский Хибин Сейдозеро. Сейдозеро — место с интересной репутацией. [Электронный ресурс] // Социальная сеть «ВКонтакте». URL: https://vk.com/babylon_51?w=wall-22531969_7045 (дата обращения: 30.03.2025).
- ¹⁸ Сейдозеро и Куйва // Сайт Murman-Turist: туристический портал Мурманской области. [Электронный ресурс]. URL: <http://murm-an-turist.ru/mesta/sejd/> (дата обращения: 30.03.2025).
- ¹⁹ «Вавилон 51» Поход Кольский Хибин Сейдозеро. Сейдозеро — место с интересной репутацией. [Электронный ресурс] // Социальная сеть «ВКонтакте». URL: https://vk.com/babylon_51?w=wall-22531969_7045 (дата обращения: 30.03.2025).
- ²⁰ Сейдозеро — легенды // Сайт компании «Карелов мир». [Электронный ресурс]. URL: <https://xn---7sbgrhjkprh.xn--p1ai/karelia/monastyri/kolskij-poluostrov/cejdozero-mistika-i-realnost> (дата обращения: 30.03.2025).

Список источников

1. Андреева Ю. О. «Места силы», «духи дольменов» и «знания первоисточков»: археологические памятники и движение New Age «Анастасия» // Этнографическое обозрение. 2014. № 5. С. 73–87.
2. Давыдова А. С. «Люди, занимающиеся духовным туризмом, должны путешествовать самостоятельно!»: представления гидов о туристических дестинациях Мурманской области // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2022. Т. 1, № 1. С. 70–83. doi:10.37614/2949-1185.2022.1.1.007.

3. Allcock J. Tourism as a sacred journey // *Loisir et Société*. 1988. Vol. 11 (1). P. 33–48. <https://doi.org/10.1080/07053436.1988.10715288>
4. Graburn N. Tourism: The sacred journey. In: V. Smith (ed.). *Hosts and Guests: The Anthropology of Tourism*. Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press, 1989. P. 21–36.
5. Norman A. The varieties of the spiritual tourist experience // *Literature & Aesthetics*. 2012. Vol. 22 (1). P. 20–37.
6. Parsons H., Mackenzie S. H., Filep S. Facilitating Self-Development: How Tour Guides Broker Spiritual Tourist Experiences // *Tourism Recreation Research*. 2019. Vol. 44 (2). P. 141–152. <https://doi.org/10.1080/02508281.2019.1582159>
7. Sharpley R. Tourism, religion and spirituality // *The Sage Handbook of Tourism Studies*. London: Sage Publications, 2009. P. 237–253.
8. Singleton A. The summer of the Spirits: Spiritual tourism to America's foremost village of spirit mediums // *Annals of Tourism Research*. 2017. Vol. 67. P. 48–57. <https://doi.org/10.1016/j.annals.2017.08.002>
9. Strauss C. The Imaginary // *Anthropological Theory*. 2006. Vol 6 (3). P. 322–344.
10. Axel B. K. Poverty of the Imagination // *Anthropology Quarterly*. 2003. Vol. 76 (1). P. 111–133.
11. Ricoeur P. Imagination in discourse and in action. In: *Rethinking imagination: Culture and creativity* / Robinson G., Rundell J. F. (Eds.). New York: Routledge. 1994. P. 118–135.
12. Salazar N. B. The power of the imagination in transnational mobilities // *Identities: Global Studies in Culture and Power*. 2011. Vol. 18 (6). P. 576–598.
13. Давыдова А., Штырков С. «Это, говорят, ваше местное место силы»: духовный туризм на Сейдозере глазами проводников по Кольскому полуострову // *Антропологический форум*. 2022. № 55. С. 257–296. doi: 10.31250/1815-8870-2022-18-55-257-296.
14. Barthes R. *Mythologies*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 1972. 166 p.
15. Durand G. *The anthropological structures of the imaginary*. Brisbane: Boombana Publications, 1999. 448 p.
16. Arthaud J. *Derniers Nomades du Grand Nord*. Paris: Arthaud, 1956. 130 p.
17. Comaroff J. L., Comaroff J. *Ethnicity*. Inc. Chicago: Chicago University Press, 2009. 236 p.
18. Павлищева Н. П. Велесова Русь. Летопись Льда и Огня / Наталья Павлищева, Всеволод Иванов. М.: Яуза-каталог, 2014. 224 с.

References

1. Andreeva Ju. O. “Mesta sily”, “duhi dol'menov” i “znaniya pervoistokov”: arheologicheskie pamjatniki i dvizhenie New Age “Anastasija” [“Places of Power”, “Spirits of Dolmens” and “Pristine Knowledge”: Archaeological Monuments and the New Age Movement “Anastasia”]. *Etnograficheskoe Obozrenie* [Ethnographic Review], 2014, no. 5, pp. 73–87. (In Russ.).
2. Davydova A. S. “Lyudi, zanimayushchiesya duhovnym turizmom, dolzhny puteshestvovat' samostoyatel'no!”: predstavleniya gidov o turisticheskikh destinatsiyah Murmanskoy oblasti [“People involved in spiritual tourism should travel on their own!”: presentations of guides about tourist destinations of the Murmansk region]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo Centra RAN. Seriya: estestvennye i gumanitarnye nauki* [Transactions of the Kola Science Centre. Series: Natural Sciences and Humanities], 2022, vol. 1, no. 1, pp. 70–83. (In Russ.). <https://doi.org/10.37614/2949-1185.2022.1.1.007>. (In Russ.).
3. Allcock J. Tourism as a sacred journey. *Loisir et Société*, 1988, vol. 11 (1), p. 33–48. <https://doi.org/10.1080/07053436.1988.10715288>
4. Graburn N. *Tourism: The sacred journey*. In: Hosts and Guests: The Anthropology of Tourism / V. Smith (ed.). Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press, 1989, pp. 21–36.
5. Norman A. The varieties of the spiritual tourist experience. *Literature & Aesthetics*, 2012, Vol. 22 (1), pp. 20–37.
6. Parsons H., Mackenzie S. H., Filep S. Facilitating Self-Development: How Tour Guides Broker Spiritual Tourist Experiences. *Tourism Recreation Research*, vol. 44 (2), pp. 141–152. <https://doi.org/10.1080/02508281.2019.1582159>
7. Sharpley R. *Tourism, religion and spirituality*. The Sage Handbook of Tourism Studies, London, Sage Publications, 2009, pp. 237–253.
8. Singleton A. The summer of the Spirits: Spiritual tourism to America's foremost village of spirit mediums, *Annals of Tourism Research*, 2017, vol. 67, pp. 48–57. <https://doi.org/10.1016/j.annals.2017.08.002>

9. Strauss C. The Imaginary. *Anthropological Theory*, 2006. Vol 6 (3), pp. 322–344.
10. Axel B. K. Poverty of the Imagination. *Anthropology Quarterly*. 2003. Vol. 76 (1), pp. 111–133.
11. Ricoeur P. *Imagination in discourse and in action*. In: Rethinking imagination: Culture and creativity / Robinson G., Rundell J. F. (eds.), New York: Routledge, 1994, pp. 118–135.
12. Salazar N. B. The power of the imagination in transnational mobilities. *Identities: Global Studies in Culture and Power*, 2011, Vol. 18 (6), P. 576–598.
13. Davydova A. S., Shtyrkov S. A. “Eto, govoryat, vashe mestnoe mesto sily”: duhovnyj turizm na Sejdozere glazami provodnikov po Kol'skomu poluostrovu [“This, They Say, Is Your Local Place of Power”: Spiritual Tourism on Seydozero through the Eyes of Guides on the Kola Peninsula]. *Antropologicheskij forum* [Anthropological Forum], 2022, no. 55, pp. 257–296. (In Russ.). doi:10.31250/1815-8870-2022-18-55-257-296.
14. Barthes R. *Mythologies*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 1972, 166 p.
15. Durand G. *The anthropological structures of the imaginary*. Brisbane: Boombana Publications, 1999, 448 p.
16. Arthaud J. *Derniers Nomades du Grand Nord*. Paris: Arthaud, 1956, 130 p.
17. Comaroff J. L., Comaroff J. *Ethnicity*. Inc. Chicago: Chicago University Press, 2009, 236 p.
18. Pavlishheva N. P. *Velesova Rus'* [Chronicle of Ice and Fire]. Letopis' L'da i Ognja, Moskva, Jauza-katalog, 2014, 224 p. (In Russ.).

Информация об авторах

А. С. Давыдова — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник;

С. А. Штырков — кандидат исторических наук, директор антропологических программ.

Information about the authors

A. S. Davydova — PhD (History), Senior Research Fellow;

S. A. Shtyrkov — PhD (History), Director of programs in anthropology.

Статья поступила в редакцию 10.04.2025; одобрена после рецензирования 12.04.2025; принята к публикации 20.04.2025.
The article was submitted 10.04.2025; approved after reviewing 12.04.2025; accepted for publication 20.04.2025.

ИСТОРИЯ

Научная статья
УДК 930.253 (470.21)
doi:10.37614/2949-1185.2025.4.1.007

СВЯЩЕННИК НИКОЛАЙ ШМАКОВ (1829–1902) — ИСТОРИОГРАФ ПОНОЙСКОГО ПРИХОДА КОЛЬСКОГО БЛАГОЧИНИЯ

Юлия Николаевна Кожевникова

Центр гуманитарных проблем Баренц региона Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук», Апатиты, Россия, yukozhevnikova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2570-8641>

Аннотация

В статье впервые рассматривается исследовательская деятельность священника Николая Ивановича Шмакова (1829–1902) по изучению истории Понойского прихода Кольского благочиния Архангельской епархии. Несомненным достоинством его работы, посвященной местным храмам, является использование различных по характеру источников. Выясняется, что священник привлекает не только известные ему местные предания, связанные с приходскими церквями, но и обнаруженные им в церковной ризнице старинные документы, датированные XVIII столетием. Делается предположение о том, что благодаря Николаю Шмакову изученный им комплекс актов понойского Петропавловского храма стал известен сотрудникам Археографической комиссии в Санкт-Петербурге. Опубликованные священником сведения не теряют своей актуальности до сих пор и могут быть использованы при изучении церковно-приходской жизни на Кольском Севере.

Ключевые слова:

Кольское благочиние, Понойский приход, приходское духовенство, церковно-приходская летопись

Благодарности:

статья выполнена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра Российской академии наук № FMEZ-2024-0002 «Динамика социокультурного облика Кольского Севера в контекстах истории освоения арктического фронта России».

Для цитирования:

Кожевникова Ю. Н. Священник Николай Шмаков (1829–1902) — историограф Понойского прихода Кольского благочиния // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2025. Т. 4, № 1. С. 81–88. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.1.007.

HISTORY

Original article

PRIEST NIKOLAI SHMAKOV (1829–1902) — THE HISTORIOGRAPHER OF THE PONOY PARISH OF THE KOLA DEANARY

Yulia N. Kozhevnikova

Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Apatity, Russia, yukozhevnikova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2570-8641>

Abstract.

For the first time, the article examines the research activities of Priest Nikolai Ivanovich Shmakov (1829-1902) in studying the history of churches in the Ponoï parish of the Kola deanery of the Arkhangelsk Diocese. The undoubted advantage of his work on local temples is the use of various sources. It turns out that the priest is attracted not only by the local traditions he knows about parish churches, but also by the ancient documents he discovered in the church sacristy dating back to the 18th century. It is assumed that thanks to Nikolai Shmakov, the complex of materials he studied from the Ponoï Peter and Paul Temple became known to the staff of the Archeographic Commission in St. Petersburg. The information published by the priest has not lost its relevance to this day and can be used in the study of parish life in the Kola North.

Key words:

Kola Deanery, Ponoï parish, parish clergy, parish chronicle

Acknowledgments:

The article was supported by the federal budget to carry out the state task of the Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences No. FMEZ-2024-0002

For citation:

Kozhevnikova Yu. N. Priest Nikolai Shmakov (1829–1902) – the historiographer of the Ponoï parish of the Kola deanery // Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities. 2025. Vol. 4, No. 1. P. 81–88. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.1.007.

Введение

Во второй половине XIX века значимый вклад в развитие краеведения на Кольском Севере вносили православные сельские священники, заинтересованные в изучении прошлого своих приходов. Исторические материалы, подготовленные по личной инициативе клириков или по заданию сотрудников Архангельского епархиального церковно-археологического комитета, публиковались на страницах журнала «Архангельские епархиальные ведомости»¹, а также вошли в третий том обширного справочного труда, изданного в 1896 году и востребованного современными исследователями благодаря его высокой информативности².

В отечественной историографии высоко оценивается роль приходского духовенства в изучении и сохранении культурного наследия российских регионов; выясняется активное участие провинциальных священников в формировании письменной источниковой базы для будущих поколений историков [1–4]. При этом работы, в которых изучается научно-практическая деятельность православных пастырей на Кольском Севере, единичны³. Исторические изыскания настоятеля Понойского прихода Николая Шмакова ранее не рассматривались в научной и краеведческой литературе. Встречаются только краткие биографические сведения о священнике и упоминаются отдельные факты из его жизни, связанные с открытием церковно-приходской школы в селе Поной [5: 227, 6: 192, 7].

«Захолустный пастырь»

Николай Иванович Шмаков принадлежал к священнической династии, несколько поколений которой служили в сельских приходах Мезенского и Пинежского уездов Архангельской губернии. Основные биографические факты о нем сообщает клировая ведомость Понойского прихода за 1884 год, сохранившаяся в фонде Кемского духовного правления в Национальном архиве Республики Карелия (далее — НА РК)⁴. Отец Николай родился 6 декабря 1829 года⁵ в старинном Козьмогородском приходе (Мезенский уезд), в семье местного священника. Будущий понойский настоятель получил полное образование в Архангельской духовной семинарии, которую успешно окончил в 1851 году с аттестатом первого разряда. После недолгой службы в канцелярии Архангельской духовной консистории был рукоположен во священный сан 20 сентября 1852 года епископом Варлаамом (Успенским) — деятельным архангельским архиереем (1845–1854 годы), уделявшим особое внимание пастырской работе, в том числе среди саамов Русской Лапландии.

Владыка отправил новопоставленного иерея в далекий от родного Мезенского края Ковдский приход на западном побережье Белого моря. Вскоре после переезда отца Николая на Кольском Севере разворачиваются события начавшейся Крымской войны, напрямую затронувшие поморские селения. В августе 1854 года нападению английских солдат подверглось село Ковда, где жил священник. Приходский Никольский храм, построенный в 1705 году и поновленный в 1852 году⁶, не был сожжен неприятелем. Англичане сорвали с него замок, забрали деньги из свечной кружки, взяли медный крест с церковной ограды и осквернили могилы на кладбище⁷. Также они увезли с собой два колокола, в 9 пудов и 30 фунтов, оставив взамен другой — в 1 пуд и 2 фунта [8: 88]⁸. Большой колокол с изображением Казанской иконы Божией Матери был приобретен местной общиной незадолго до начала войны. Надпись на нем гласила: «1852 г. лили сей колокол Вятской губернии города Слободского братья Бакулевы»⁹. Уместно добавить, что этот трофей находился в англиканском соборе святого Фомы Кентерберийского в городе Портсмут, а затем в 1912 году был возвращен в Россию и торжественно передан братии Соловецкого монастыря¹⁰.

Прожив в Ковде почти четверть века, в ноябре 1875 года по собственному желанию Николай Шмаков перевелся в Тетринский приход на Терском берегу, где служил в Троицкой церкви и учительствовал в созданной им церковно-приходской школе в течение семи лет. По решению епархиального руководства он становится благочинным и «неутомимо разъезжает зимой — на оленях, летом — на карбасах вдоль берега Белого моря» по приходам своего округа¹¹. Получивший в духовной семинарии хорошее богословское образование священник сочинял поучения о молитве Господней и выступал с ними перед своей паствой.

В 1882 году отец Николай поступил в причт Петропавловской церкви Понойского прихода. На новом месте он снова развернул активную просветительскую деятельность: организовал церковно-приходскую школу, первоначально предоставив для нее помещение в собственном доме, а позднее построил

на привлеченные средства отдельное школьное здание с народной читальней. Священник регулярно проводил метеорологические наблюдения, аккуратно записывая в специальный журнал температуру воздуха, влажность, давление и другие показатели; отсылал сведения в Главную физическую обсерваторию в Санкт-Петербурге¹². За этот ценный для науки труд он был награжден по представлению обер-прокурора Синода орденом Святой Анны 3-й степени. По инициативе Николая Ивановича в саамских Сосновском и Иокангском погостах, находившихся в ведении понойского причта, были возведены две приписные деревянные церкви с одним и тем же посвящением во имя Алексия, человека Божия, в 1890 и 1891 годах соответственно. Они строились на средства крестьянина из соседнего поморского села Кузомень Алексея Петровича Заборщикова, что объясняет выбор их наименования в честь небесного заступника жертвователя. Отец Николай также ходатайствовал перед правящим архиереем о создании самостоятельного прихода с отдельным причтом для отдаленных саамских погостов, который был открыт уже после его кончины, в 1917 году¹³.

В 1900 году «по расстроенному здоровью» Николай Шмаков был выведен за штат, но при этом продолжал участвовать в богослужениях, помогая своему сыну Николаю, который заменил ушедшего на покой родителя в понойском причте¹⁴. Священник скончался 19 сентября 1902 года. «Дай Бог побольше таких достойных духовных пастырей», — такая трогательная надпись была высечена на его каменном надгробии. В памяти прихожан, чьи нужды он близко воспринимал к сердцу, остались его «бесконечная доброта, скромность, бескорыстие и трудолюбие»¹⁵. Прожив на Кольском Севере почти полвека, отец Николай сроднился с ним и, по признанию современников, «служил живой летописью» сурового края.

«Летопись Понойского прихода»

Священническое служение, пастырская работа, учительство в Понойской церковно-приходской школе и метеорологические наблюдения занимали большую часть жизни отца Николая, однако он находил возможность изучать увлекавшую его местную историю. По свидетельству побывавшего в селе Поной этнографа и фольклориста Алексея Владимировича Маркова, в 1887 году священник составил «летопись Понойского прихода», куда вошли собранные им материалы¹⁶. Позднее они легли в основу двух его краеведческих публикаций, на которых следует остановиться подробнее [9, 10].

В 1889 году в «Архангельских епархиальных ведомостях» была напечатана статья, посвященная прошлому Понойского прихода. Как выясняется, «захолустный пастырь» Николай Шмаков был хорошо знаком с изданными во второй половине XIX века работами по истории Русской православной церкви митрополита Макария (Булгакова) и архиепископа Филарета (Гумилевского). Ссылаясь на их научные труды, он относит появление первого храма на реке Поной ко второй половине XVI века и связывает это событие с миссионерской деятельностью преподобных Феодорита Кольского и Трифона Печенгского [11: 323–324, 12: 58]. Священник приводит сведения из жалованной грамоты, выданной царем Иоанном IV в 1575 году некоему старцу Феогносту о возобновлении на казенные средства пострадавшей «от сильных людей» Петропавловской церкви¹⁷. Как пишет священник, она стояла в 110 верстах от села Поной: «Недалеко от нынешнего зимнего Лумбовского погоста, в расстоянии 10 верст, указывают самое место, где был погост и была построена самая церковь, вследствие чего и само место до сих пор слывет под названием “церковного”. Место это очень красивое, вполне удобное для жительства, и в особенности для улова рыбы, так как находится у самой реки Поной, в которую в этом месте впадают еще две речки, обильные рыбою» [9: 318].

В статье Николай Шмаков приводит местные предания, записанные им от жителей села, в том числе о переносе здания Петропавловского храма «в неизвестном году» к устью реки Поной: «рассказывается здесь такой чудесный случай: бывший при сплаве церковного леса и церковных икон из Лопарских погостов. Есть на реке Поной так называемый “большой порог”, в 10 верстах выше селения, пред которым при сплаве леса в плотях, плоты обыкновенно разбивают и спускают деревья по одиночке; сами же сплавщики спускаются в лодках, держась за веревки и ежеминутно подвергаясь опасности быть опрокинутыми быстрым течением. Когда с церковным лесом и церковными иконами доплыли в плотях до этого порога и хотели на другой день разбирать плоты и спускать по одному бревну, то ночью пред самым утром кормщику явились святые апостолы Петр и Павел и повелели плыть по реке, не разбирая плотов, со всем народом и имуществом. И действительно кормщик пробудился и увидя, что волнения на реке нет, проплыл благополучно по порогу,

не разбирая самых плотов. В настоящее время местный образ святых апостолов Петра и Павла считается старинным и именно приплавленным сюда вместе с церковным лесом» [9: 319]. К этому уместно добавить, что почитаемый понойскими прихожанами святой образ упоминается в писцовой книге 1608–1611 годов: «по правую сторону царских дверей образ Петра и Павла обложен серебром басмен венцы сканные, в венцах камышки»¹⁸.

Находившийся первоначально «на попечении» Троице-Сергиева монастыря Петропавловский храм вместе с Понойской волостью позднее отошел в вотчинные владения Кольского Печенгского монастыря. Как добавляет Николай Шмаков, в конце XIX века жители села Поной продолжали пользоваться «монастырским колодцем», будто бы выкопанным монахами этой мужской обители [9: 317]. После проведенной при Екатерине II секуляризационной реформы две понойские церкви, Петропавловская и поставленная позднее Успенская, стали самостоятельными.

Обращаясь к истории Понойского прихода в XVIII веке, Николай Шмаков использует старинные документы, обнаруженные им в церковной ризнице, а именно указы правящих архиереев, Архангельской духовной консистории и Кольского духовного правления, поступавшие в адрес местного причта. Он выявил все сведения, относившиеся к Петропавловской и Успенской церквям и служившим в них клирикам. Самый ранний указ «касательно размера взимания пени церковной», посланный от имени архангельского архиепископа Варнавы (Волатковского), датировался 13 сентября 1710 года и предназначался для иерея Адриана, ставшего основателем священнической династии Адриановых, служивших в Понойском приходе на протяжении XVIII–XIX веков [9: 319]. Как удалось выяснить Николаю Шмакову, перенесенная к устью реки Поной Петропавловская церковь дважды ремонтировалась, в 1726 и 1778 годах (перекрывалась новым тесом крыша и ставились главы). По указу консистории от 28 июля 1797 года священнику Иоанну Адрианову разрешалось разобрать обветшавший храм и поставить новый с тем же посвящением «по прилагаемому плану», который к концу XIX века не сохранился. Отец Николай не нашел в церковном архиве данных о времени освящения церковного здания и предположил, что его совершал благочинный протоиерей Андрей Федоровский из Воскресенского собора города Кола. Между тем, согласно ведомости за 1828 год, храм освящал в 1805 году его преемник на должности благочинного протоиерей Василий Ивановский из того же Соборного Кольского прихода¹⁹.

Отдельно священник приводит известные ему факты по истории второй Успенской церкви, которая существовала в Понойском приходе до начала XIX века. Ее самое раннее упоминание, найденное отцом Николаем в уцелевших документах, относилось к 1712 году [9: 321]. Храм дважды полностью сгорел, в 1753 и 1817 годах. После первого пожара его построили заново при священнике Филиппе Адрианове, а освятили по консисторскому указу от 13 июня 1776 года при другом понойском иерее Луке Адрианове. После второго пожара восстанавливать сгоревшее здание уже не стали: в честь Успения Божией Матери в 1819 году благочинный Иоанн Дьяконов освятил придел, устроенный в Петропавловской церкви (в трапезной части был «на южной стороне на место сгоревшей огражден алтарь»²⁰).

Автор завершает историческое повествование о Понойском приходе известными ему сведениями о строительстве новых приходских храмов во второй половине XIX века [9: 321–322]. Так, «теплая» Крестовоздвиженская церковь была поставлена в селе Поной в 1869 году и освящена 19 ноября 1871 года; в честь Рождества Христова возведена в 1883 году в летнем Лумбовском погосте.

Для справочного издания по истории приходов Архангельской епархии, изданного местным церковно-археологическим комитетом в 1896 году, Николай Шмаков значительно расширил текст ранее опубликованной статьи [10]. Он вставил статистические и этнографические данные о саамских погостах, входивших в состав Понойского прихода (о численности саамов, их хозяйственных занятиях, жилищах); включил параграф об источниках доходов понойского причта; сделал дополнительные ссылки на труды, написанные историком Александром Павловичем Доброклонским и архангельским архиепископом Макарием (Миролюбовым) [13, 14]. Добавил важные сведения о всех священниках, служивших в Петропавловской церкви на протяжении XVIII–XIX веков (14 имен) с указанием их главных достижений. Отметил исторические вклады патриарха Никона, сделанные в Успенскую церковь: старинное на престольное Евангелие и за престольный образ Божией Матери, обретенный после второго пожара 1817 года «среди мусора и пепла» [10: 237]. Также Николай Шмаков вставил

любопытную информацию о двух часовнях, относившихся к Понойскому приходу: Ильинской, построенной саамами в 1876 году в летнем Иокангском погосте при реке Иоканге, и Никольской на острове Сосновец при маяке, поставленной его смотрителем Михаилом Томилиным в 1891 году.

Привлеченные Николаем Шмаковым в качестве источника старинные документы из ризницы Петропавловского храма сохранились до наших дней в Архиве Санкт-Петербургского института истории РАН (далее — СПбИИ РАН) в составе отдельного фонда [15: 15]²¹. В середине XX века он был описан историком Георгием Евгеньевичем Кочиным, по данным которого акты понойской церкви, датированные 1710–1769 годами (250 единиц хранения), сначала поступили в Археографическую комиссию до 1917 года, а после ее преобразования в Историко-археографический институт были переданы в его архив. Можно предположить, что дошедшие до нас документы уцелели благодаря Николаю Шмакову, хорошо понимавшему их ценность и обратившему на них внимание сотрудников комиссии.

Выводы

Краеведческие публикации Николая Ивановича Шмакова внесли важный вклад в изучение истории Понойского прихода и не теряют актуальности, несмотря на то, что приведенные им сведения требуют уточнения и дополнения. Собранный им богатый фактографический материал может быть востребован при исследовании церковно-приходской жизни на Кольском Севере. Несомненным достоинством его изысканий стало привлечение разных по характеру источников, в том числе преданий о понойских храмах, впервые записанных священником в конце XIX века. Приведенные им в порядок старинные акты XVIII века из ризницы понойской Петропавловской церкви сохранились единым документальным комплексом и в наши дни находятся в Архиве СПбИИ РАН, куда попали из богатейшего собрания Археографической комиссии.

Примечания

¹ Например, см.: Павловский Н. Заметка о церквях на Кольском полуострове // Архангельские епархиальные ведомости. 1907. № 8; он же. К истории бывшего Кандалакшского монастыря // Там же. 1906. № 17. С. 530–532; Попов А. Из г. Колы // Там же. 1907. № 13. С. 415–422.

² Материалы предоставили священники Константин Щеколдин о Пазрецком приходе, Георгий Терентьев — Печенгском, Алексей Шилов — Териберском, Михаил Истомин — Варзужском Петропавловском, Николай Павловский — Кашкаранском. См.: Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Архангельск, 1896. Вып. 3. С. 217–231, 244–260.

³ Например, о переводческой деятельности священника Пазрецкого прихода Константина Щеколдина [16: 124–131].

⁴ НА РК. Ф. 663. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 57 об. — 58.

⁵ Даты указаны по старому стилю.

⁶ НА РК. Ф. 662. Оп. 1. Д. 1/6. Л. 92.

⁷ Известия с Белого моря // Морской сборник. 1854. № 10. С. 104.

⁸ В литературе встречается неверное утверждение о том, что большой колокол был увезен англичанами из разграбленной ими церкви на острове Заячий, из Андреевского скита Соловецкого монастыря. См.: Возвращение из Англии пленного монастырского колокола в Соловецкую обитель. М.: Издание Соловецкой обители, 1913. С. 3. В действительности из скитской церкви были забраны три маленьких колокольчика весом 14 фунтов, как сообщал соловецкий архимандрит Александр в Святейший Синод [8: 78].

⁹ Завод Бакулевых в городе Слободской Вятской губернии считается старейшим колокололитейным предприятием России. В 1847–1877 годах находился в совместном владении братьев Прокопия, Николая и Константина. Его продукция отменного качества заслуживала высоких оценок современников [17: 20–47].

¹⁰ Возвращение из Англии... С. 12.

¹¹ Памяти священника Н. И. Шмакова // Архангельские епархиальные ведомости. 1903. № 8. С. 275.

¹² Любовь к метеорологии он передал своему сыну Николаю, который занимался наблюдениями в Ловозерском приходе [18: 126].

¹³ Лопарский Иокангский приход был учрежден в 1917 году. Его первым священником стал один из сыновей Николая Шмакова. См.: Государственный архив Архангельской области. Ф. 29. Оп. 1. Т. 2. Д. 1170; Перемены по службе // Архангельские епархиальные ведомости. 1917. № 17. С. 229.

¹⁴ Другой сын священника Иван Николаевич Шмаков стал врачом. Известна его работа, посвященная медицинскому обслуживанию кольских саамамов. См.: Шмаков И. Н. Русские лопари с врачебно-санитарной точки зрения и медицинская помощь в Лапландии // Памятная книжка Архангельской губернии. Архангельск, 1908. С. 19–36.

¹⁵ Памяти священника... С. 274.

¹⁶ Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 1030.

¹⁷ В грамоте приводится текст челобитной от лопарей Семиостровского, Иокангского и Воронинского погостов, ранее просивших о возведении храма: «велети поставити церковь Божию для их крещения, и молитвы, и для их детей роженья и крещения». См.: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской академии наук. СПб., 1836. Т. 1. С. 334.

¹⁸ Выписка из писцовой книги Алая Михалкова // Харузин Н. Н. Русские лопари (очерки прошлого и современного быта). М., 1890. С. 451.

¹⁹ Государственный архив Мурманской области. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 15. Л. 17.

²⁰ Там же.

²¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 246.

²² Путеводитель по архиву Ленинградского отделения Института истории. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1958. С. 10.

Список источников

1. Назанян К. Г. Сохранение и изучение культурного наследия России представителями православного духовенства во второй половине XIX – начале XX вв. Дис. ... канд. культурологии. СПб., 2020. 206 с.
2. Бердинских В. А. Уездные историки: Русская провинциальная историография. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 528 с.
3. Пашков А. М. Историческое краеведение конца XVIII – начале XX века как социокультурное и историографическое явление (на примере Карелии) // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2012. № 6. С. 45–57.
4. Хорина В. В. О роли православного духовенства в изучении Енисейской губернии (последняя четверть XIX – начало XX в.) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 3. С. 30–35.
5. Федоров П. В. Православный словарь Кольского Севера. СПб.: Международный банковский институт, 2017. 232 с.
6. Казакова К. С. Духовные основы православного начального образования в Российской империи в конце XIX – первой трети XX века // Православие и наука в Арктике. Апатиты: Издательство ФИЦ КНЦ РАН. 2023. С. 188–207.
7. Кожевникова Ю. Н. Второе Кольское благочиние Архангельской епархии в 1887 году: приходы, храмы, причт // Варзуга — первое русское поселение на Кольском Севере. Материалы региональной научно-богословской историко-краеведческой конференции. СПб.: Ладан, 2010. С. 181–194.
8. Давыдов Р. А., Попов Г. П. Оборона Русского Севера в годы Крымской войны. Хроника событий. Екатеринбург: УрО РАН, 2005. 173 с.
9. Н. Ш. К истории Понойского прихода и понойских церквей, Кольского уезда // Архангельские епархиальные ведомости. 1889. № 18. С. 317–322.
10. Шмаков Н., священник. Понойский приход // Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Архангельск, 1896. Вып. 3. С. 233–242.
11. Макарий (Булгаков), архиепископ. История Русской Церкви в период разделения ее на две митрополии. СПб., 1870. Т. 6. 392 с.
12. Филарет (Гумилевский), архиепископ. История Русской церкви от разделения митрополии до учреждения патриаршества. 1410–1588 гг. М., 1851. 264 с.
13. Доброклонский А. П. Руководство по истории Русской Церкви (период северно-русской митрополии 1237–1588 гг.). М.: Типография Л. Ф. Снегирева, 1886. 326 с.

14. Макарий (Миролюбов), архиепископ. Христианство в пределах Архангельской епархии. М.: Издательство Императорского Общества истории и древностей Российских, 1878. 86 с.
15. Андреев А. И. Исторические материалы о Кольском полуострове, хранящиеся в Ленинграде // Сборник материалов по истории Кольского полуострова в XVI–XVII вв. Л.: Издательство АН СССР, 1930. С. 15–19.
16. Функционирование русского языка в трансграничном пространстве Арктики: коллективная монография / науч. ред. О. Н. Иванищева. Мурманск: МАГУ, 2019. 158 с.
17. Рева А. В. Вятские колокола. Нижний Новгород: Эльдorado, 2003. 128 с.
18. Шорохова Л. Я. «На пользу науке и Отечеству»: Очерки истории становления и развития гидрометеорологических станций на Кольском полуострове: Из переписки Санкт-Петербургской Главной физической обсерватории. Мурманск, 2008. 331 с.

References

1. Nazanjan K. G. Sohranenie i izuchenie kul'turnogo nasledija Rossii predstaviteljami pravoslavnogo duhovenstva vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. [Preservation and study of the cultural heritage of Russia by representatives of the Orthodox clergy in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Dis. ... cand. of cultural studies. St. Petersburg, 2020. 206 p. (In Russ.)
2. Berdinskih V. A. Uezdnye istoriki: Russkaja provincial'naja istoriografija [County Historians: Russian Provincial Historiography]. Moscow, NLO, 2003. 528 p.
3. Pashkov A. M. Istoricheskoe kraevedenie konca XIX – nachale XX veka kak sociokul'turnoe i istoriograficheskoe javlenie (na primere Karelii) [Historical local lore of the late 18th – early 20th century as a socio-cultural and historiographical phenomenon (on the example of Karelia)]. *Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [RGGU Bulletin], 2012, no. 6, p. 45–57. (In Russ.)
4. Horina V. V. O roli pravoslavnogo duhovenstva v izuchenii Enisejskoj gubernii (poslednjaja chetvert' XIX – nachalo XX v.) [The role of the Orthodox clergy in the study of the Yenisei province (the last quarter of the 19th – early 20th centuries)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2012, no. 3, p. 30–35. (In Russ.)
5. Fedorov P. V. Pravoslavnyj slovar' Kol'skogo Severa [Orthodox Dictionary of the Kola North]. St. Petersburg, 2017, 232 p. (In Russ.)
6. Kazakova K. S. Duhovnye osnovy pravoslavnogo nachal'nogo obrazovanija v Rossijskoj imperii v konce XIX – pervoj treti XX veka [The Spiritual Foundations of Orthodox primary education in the Russian Empire at the end of the 19th – first third of the 20th century]. *Pravoslavie i nauka v Arktike* [Orthodoxy and science in the Arctic]. Apatity, 2023, p. 188–207. (In Russ.)
7. Kozhevnikova Ju. N. Vtoroe Kol'skoe blagochinie Arhangel'skoj eparhii v 1887 godu: prihody, hramy, pricht [The second Kola deanery of the Archangel Diocese in 1887: parishes, churches, clergy]. *Varzuga – pervoe russkoe poselenie na Kol'skom Severe. Materialy regional'noj nauchno-bogoslovskoj istoriko-kraevedcheskoj konferencii* [Varzuga – pervoe russkoe poselenie na Kol'skom Severe. Materials of the regional scientific and theological historical and local history conference]. St. Petersburg, Ladon, 2010, p. 181–194. (In Russ.)
8. Davydov R. A., Popov G. P. Oborona Russkogo Severa v gody Krymskoj vojny. Hronika sobytij [The defense of the Russian North during the Crimean War. Chronicle of events]. Ekaterinburg, 2005, 173 p. (In Russ.)
9. N. Sh. K istorii Ponojskogo prihoda i ponojskih cerkvej, Kol'skogo uезда [On the history of Ponoy parish and Ponoy churches, Kola county]. *Arhangel'skie eparhial'nye vedomosti* [Archangel Diocesan Gazette], 1889, no. 18, p. 317–322. (In Russ.)
10. Shmakov N., svjashhennik. Ponojskij prihod [Ponysky parish]. *Kratkoe istoricheskoe opisanie prihodov i cerkvej Arhangel'skoj eparhii* [A brief historical description of the parishes and churches of the Archangel Diocese]. Archangel, 1896, no. 3, p. 233–242. (In Russ.)
11. Makarij (Bulgakov), arhiepiskop. Istorija Russkoj Cerkvi v period razdelenija ee na dve mitropolii [The history of the Russian Church during the period of its division into two metropolia.]. St. Petersburg, 1870, vol. 6, 392 p. (In Russ.)

12. Filaret (Gumilevskij), arhiepiskop. Istorija Russkoj cerkvi ot razdelenija mitropolii do uchrezhdenija patriarshestva. 1410–1588 gg. [The history of the Russian Church from the division of the metropolia to the establishment of the Patriarchate. 1410–1588]. Moscow, 1851, 264 p. (In Russ.)
13. Dobroklonskij A. P. Rukovodstvo po istorii Russkoj Cerkvi (period severno-russkoj mitropolii 1237–1588 gg.) [Russian Russian Church History Guide (the period of the Northern Russian Metropolia 1237-1588)]. Moscow, Tipografija L. F. Snegireva, 1886, 326 p. (In Russ.)
14. Makarij (Miroljubov), arhiepiskop. Hristianstvo v predelah Arhangel'skoj eparhii [Christianity within the Archangel Diocese]. Moscow, Izdatel'stvo Imperatorskogo Obshhestva istorii i drevnostej Rossijskih, 1878, 86 p. (In Russ.)
15. Andreev A. I. Istoricheskie materialy o Kol'skom poluostrove, hranjashiesja v Leningrade [Historical materials about the Kola Peninsula, stored in Leningrad]. *Sbornik materialov po istorii Kol'skogo poluostrova v XVI–XVII vv.* [Collection of materials on the history of the Kola Peninsula in the 16th –17th centuries]. Leningrad, 1930, p. 15–19. (In Russ.)
16. Funkcionirovanie russkogo jazyka v transgranichnom prostranstve Arktiki: kollektivnaja monografija [Functioning of the Russian language in the transborder Arctic: a collective monograph]. Murmansk, MAGU, 2019. 158 p. (In Russ.)
17. Reva A. V. Vjatskie kolokola [Vyatka bells]. Nizhniy Novgorod, 2003, 128 p. (In Russ.)
18. Shorohova L. Ja. «Na pol'zu nauke i Otechestvu»: Oчерки istorii stanovlenija i razvitija gidrometeorologicheskikh stancij na Kol'skom poluostrove: Iz perepiski Sankt-Peterburgskoj Glavnoj fizicheskoy observatorii ["For the benefit of science and the Fatherland": Essays on the history of the formation and development of hydrometeorological stations on the Kola Peninsula: From the correspondence of the St. Petersburg Main Physical Observatory]. Murmansk, 2008, 331 p. (In Russ.)

Сведения об авторе

Ю. Н. Кожевникова — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

Information of the author

Yu. N. Kozhevnikova — PhD (History), Senior Research Fellow.

Статья поступила в редакцию 04.04.2025; одобрена после рецензирования 12.04.2025; принята к публикации 20.04.2025.
The article was submitted 04.04.2025; approved after reviewing 12.04.2025; accepted for publication 20.04.2025.

Научная статья
УДК 94(47).08
doi:10.37614/2949-1185.2025.4.1.008

**«МОРЕПЛАВАНИЕ ЕСТЬ ЧЕРНОЗЕМНОЕ ПОЛЕ ДЛЯ РОССИИ...»:
ХРИСТИАН МАРТЫНОВИЧ ВАЛЬДЕМАР (1825–1891) И НАЧАЛО СОЗДАНИЯ В 1867 ГОДУ
СИСТЕМЫ РОССИЙСКОГО МОРЕХОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

Татьяна Валерьевна Хромцова

*Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия,
khromtsovat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7261-1324>*

Аннотация

На основе публицистических произведений Х. М. Вальдемара периода 1860–1870-х годов в статье раскрываются идеи и предложения этого общественного деятеля по вопросам организации мореходного образования в Российской империи. Х. М. Вальдемар был сторонником развития отечественного торгового флота как важнейшего фактора улучшения жизни населения прибрежных территорий страны. Он был убежден, что для решения данной проблемы в России необходимо создать за государственный счет целый ряд доступных навигационных учебных учреждений, в которых жители морских побережий могли бы получить соответствующее профессиональное образование. Предложения Х. М. Вальдемара легли в основу решений, принимаемых на самом высоком уровне. Особое внимание в данной работе уделено тому, как представленные идеи были реализованы на практике при организации деятельности морских образовательных учреждений, открытых на Севере страны в Архангельской губернии.

Ключевые слова:

история профессионального образования, мореходное образование, торговый флот, Х. М. Вальдемар, «Положение о мореходных классах», мореходные классы, шкипер, штурман

Для цитирования:

Хромцова Т. В. «Мореплавание есть черноземное поле для России...»: Христиан Мартынович Вальдемар (1825–1891) и начало создания в 1867 году системы российского мореходного образования // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2025. Т. 4, № 1. С. 89–94. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.1.008.

Original article

**“SEAFARING IS A BLACK EARTH FIELD FOR RUSSIA...”: CHRISTIAN MARTYNOVICH WALDEMAR
(1825-1891) AND THE ESTABLISHMENT OF THE RUSSIAN MARITIME EDUCATION SYSTEM IN 1867**

Tatyana V. Khromtsova

*St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia,
khromtsovat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7261-1324>*

Abstract

On the basis of H. M. Valdemar's publicistic works of the period of 1860–1870s the article reveals the ideas and proposals of this public figure on the reform of maritime education in Russia. X. M. Waldemar was a supporter of the development of the merchant marine as the most important factor in improving the lives of the population of the country's coastal territories. He was convinced that in order to solve this problem, it was necessary to create in Russia, at the state expense, a network of accessible navigational educational institutions, where the inhabitants of the sea coasts could receive appropriate professional education. His proposals formed the basis of decisions taken at the highest level. Special attention in this paper is paid to how his ideas were put into practice when organizing the work of maritime institutions opened in the North of the country in Arkhangelsk province.

Keywords:

history of vocational education, merchant navy, maritime education, H. M. Waldemar, «Regulations on Maritime Classes», maritime classes, skipper, navigator

For citation:

Khromtsova T. V. “Seafaring is a black earth field for Russia...”: Christian Martynovich Waldemar (1825–1891) and the establishment of the Russian maritime education system in 1867 // Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities. 2025. Vol. 4, No. 1. P. 89–94. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.1.008.

В 2025 году исполняется 200 лет со дня рождения Христиана Мартыновича Вальдемара (1825–1891) — латышско-русского общественного деятеля, экономиста-практика, публициста, писателя, признанного знатока русского торгового флота. Х. М. Вальдемар стоял у истоков создания отечественной системы подготовки судоводителей. Его идеи, взгляды, практический опыт легли в основу преобразований в области мореходного образования, начатых российским правительством в 1867 году. Итогом этих перемен стало то, что на территории страны были открыты более сорока учебных заведений готовивших судоводителей для торгового флота. В публикациях, освещающих становление и развитие российского

морского образования во второй половине XIX века, основное внимание уделяется практической стороне преобразований: открытию и функционированию мореходных учебных заведений, организации процесса обучения в них, проблемам прохождения воспитанниками плавательной практики [1–3]. Ряд исследований посвящен истории отдельных учебных заведений, подготовке и роли педагогов в развитии мореходного образования [4, 5]. Между тем личность человека, вложившего в подготовку и реализацию данных перемен свою энергию, знания и практический опыт, остается незаслуженно забытой.

Прежде чем рассмотреть взгляды Х. М. Вальдемара, обратимся к ситуации, сложившейся в стране к середине XIX века в области торгового мореходства. В этот период основными путями транспортировки грузов внутри страны и за рубеж были водные магистрали как самый доступный и дешевый вариант перемещения. Большую часть товаров в страну привозили и вывозили из нее иностранные предприниматели на своих судах. Крымская война 1853–1856 годов показала общую отсталость Российской империи по сравнению со странами Европы. Серьезные недостатки в ходе военной кампании выявились и в области торгового мореходства. Русский торговый флот находился в слабо развитом состоянии по численности судов и их техническому оснащению [4: 137]. По официальным данным на 1 января 1858 года он состоял из 286 судов дальнего плавания с общим водоизмещением 46 тысяч тонн и 813 судов каботажного плавания с водоизмещением 58 тысяч тонн¹. Между тем состав коммерческого флота ближайших морских соседей был следующим: Франция — 15 тысяч судов с водоизмещением около 1,5 млн тонн; Англия — 37 тысяч судов с общим водоизмещением 5,5 млн тонн; Германия — 8500 судов с водоизмещением 1,4 млн тонн; Норвегия — 5470 судов с водоизмещением 570 тысяч тонн². В такой ситуации Россия не могла конкурировать с партнерами в области морских торговых перевозок.

С выходом страны на международные торговые рынки в правительственных кругах стал актуален вопрос о необходимости проведения реформы в области организации торгового судоходства и морского образования. Учрежденный в 1856 году «Комитет для изыскания средств к возрождению в России купеческого флота» пришел к выводу, что одной из главных проблем, препятствовавших развитию отрасли, стал недостаток квалифицированных командных кадров — шкиперов и штурманов³. В этот период на русских судах командные должности занимали большей частью шкиперы-практики без морского образования или моряки иностранного происхождения. Это не было проблемой для кораблей, перемещавшихся между портами России. Сложнее было с организацией дальних морских плаваний. Чтобы гарантировать безопасность пассажиров и грузов во время транспортировки, на каждом судне требовалось иметь не менее одного дипломированного судоводителя. Таковы были требования международного судоходства [4: 137]. К середине XIX века в стране было лишь шесть учебных заведений, готовивших кадры для торгового флота: в Архангельске, Кемь, Херсоне, Кронштадте, Риге и Либаве⁴. Выпускников данных учреждений не хватало для всей страны. В этом контексте чрезвычайно актуальны стали идеи о развитии русского торгового флота, озвученные Х. М. Вальдемаром.

Родился Х. М. Вальдемар 15 ноября 1825 года в крестьянской семье, проживавшей в Курляндской губернии на побережье Балтийского моря. В 1850–1854 годах обучался в Либавской прогимназии. В Дерптском университете в 1854–1858 годах прослушал курс экономики и получил степень кандидата камеральных наук⁵. Убеденный, что развитие судоходства и судостроения на родном балтийском побережье может значительно улучшить жизнь местного населения, он активно публиковал статьи в периодических изданиях на эту тематику⁶. В 1859 году, переехав в Санкт-Петербург, стал помощником редактора «Санкт-Петербургских немецких ведомостей» и сотрудником Комиссии погашения государственных долгов в Министерстве Финансов⁷. В столице продолжил публикационную активность на тему развития народного образования и отечественного мореходства, чем привлек внимание самых высокопоставленных лиц. По поручению великого князя Константина Николаевича⁸ в 1860–1861 годах объехал побережье Балтийского моря. За короткий период он исследовал возможности развития флота на Балтике, тщательно проанализировал опыт европейских стран в вопросах международной торговли, организации морских перевозок, обучения кадров и подготовил предложения о развитии морского дела на Балтике и в стране⁹.

Х. М. Вальдемар с сожалением отмечал, что в Российской империи большая часть международных торговых перевозок сосредоточена в руках иностранных торговцев. До начала массового строительства железных дорог в России они остро нуждались в посредничестве русских купцов, которые собирали

различные товары по регионам обширной империи и привозили их в портовые города, передавая затем эти товары для отправки на зарубежных судах на европейские рынки. С постройкой в Российской империи сети железных дорог, по мнению Х. М. Вальдемара, баланс вскоре нарушится. Иностранные купцы перестанут нуждаться в услугах русских предпринимателей, ведь легкость перемещения грузов внутри страны позволит им сосредоточить в своих руках еще и внутреннюю торговлю. Единственный выход избежать такого результата — развитие российского морского торгового флота. Вывоз товаров морем за границу необходимо в кратчайшие сроки сосредоточить в руках отечественных мореплавателей, иностранные купцы должны покинуть этот рынок. Для решения данной стратегической задачи требуется развивать судостроение и обучать российских судоводителей¹⁰.

Первая задача, по его мнению, была не так сложна, как кажется: в стране имелся давний опыт кораблестроения. Для его развития необходимо лишь изыскать средства. Наибольший интерес у Х. М. Вальдемара вызвал опыт Мекленбурга — региона на севере Германии. Мекленбургский флот в Балтийском и Северном морях уверенно выдерживал конкуренцию с торговыми флотами других стран и заменял в этих акваториях российских перевозчиков. Причиной процветания этой немецкой провинции Х. М. Вальдемар видел в том, что моряки здесь, объединяя свои капиталы, участвовали в постройке и владении одним или несколькими кораблями. Такой подход способствовал ускоренному строительству судов. Более того, капитан, заинтересованный в постройке судна привлекал пайщиков из числа местных жителей — торговцев провиантом. Далее, готовясь к плаванию, он закупал у них всю необходимую для рейса продукцию. Такой опыт, по мнению Х. М. Вальдемара, можно использовать как образец для создания будущего судостроительства в России¹¹.

Гораздо сложнее было решить вопрос с подготовкой российских судоводителей — шкиперов и штурманов. В своих взглядах на их обучение Х. М. Вальдемар учитывал мировой опыт и отмечал, что малообразованные матросы и юнги, работающие на российском флоте, не могут получить качественное специальное образование из-за отсутствия государственной поддержки в этом вопросе¹².

Во второй половине XIX века в Российской империи еще не сложилась система профессионального образования. Заботы правительства о развитии специального образования ограничивались поощрением усилий частных лиц и общественных организаций в открытии и содержании профессиональных учебных заведений. Немногочисленные училища открывались без определенной системы, под влиянием возникшей необходимости. Не было утвержденных учебных планов и сроков освоения программ. Государство финансово поддерживало лишь отдельные виды профессиональных школ, в деятельности которых оно было наиболее заинтересовано, например, военные [1: 13, 16].

Х. М. Вальдемар отстаивал идею о том, что основную нагрузку по организации и финансированию мореходных школ должно нести правительство, если оно заинтересовано в успехе мероприятия. Купеческое сословие, извлекающее выгоду из морской торговли, стоит привлекать к финансированию, но это должно быть лишь вспомогательной мерой¹³. Все усилия по развитию русского торгового флота окажутся безуспешными до тех пор, пока в России не будет создана сеть доступных навигационных школ для подготовки профессиональных судоводителей за счет государства¹⁴. Такая идея в стране, где еще не было сложившейся системы профессионального образования, была исключительно передовой.

Учебные заведения, по его мнению, необходимо открывать в тех прибрежных селениях и небольших городах, где население издавна занимается морскими промыслами. По образцу аналогичных школ в Дании, Норвегии, Англии учителями и руководителями в них должны стать опытные, имеющие соответствующее образование моряки. Именно они должны составлять программу преподавания во вверенном им учреждении. Со временем в эти учебные планы с улучшением кораблестроительного дела и появлением новых инструментов стоит вносить изменения, улучшая методы преподавания. В навигационных школах необходимо обучать и грамоте, ведь не многие желающие получить морскую профессию умеют читать, писать, считать. Для распространения современных знаний о мореходстве в среде жителей прибрежных районов страны Х. М. Вальдемар предложил печатать небольшие брошюры с актуальными сведениями о морской практике¹⁵.

Еще одной идеей, которую он почерпнул из опыта устройства морского дела в Германии, была мысль об организации специальных экзаменационных комитетов для приема испытаний или экзаменов на получение звания судоводителя. Не выдержавшие данных испытаний моряки не могли быть допущены

к работе на командных должностях. Кроме того, чтобы занять командные должности, они должны были иметь определенный опыт плавания на морских судах¹⁶. Эти условия, по мнению Х. М. Вальдемара, должны обеспечить высокий уровень профессиональной подготовки и гарантировать безопасность морских перевозок.

Стремясь воплотить свои идеи в жизнь, он хлопотал об открытии хотя бы одной такой навигационной школы, планируя учредить ее на родном Балтийском побережье. Наконец, по его проекту в 1864 году в селении Гайнаж на берегу Рижского залива по инициативе местных жителей была открыта небольшая мореходная школа [4: 164]. Опыт работы этого учебного заведения оказался успешным, с его открытием в Гайнаже наблюдался значительный экономический подъем¹⁷.

В 1864 году при Министерстве Финансов была организована «Комиссия для принятия мер к преобразованию существующих учебных заведений торгового мореплавания». Она разработала законодательную базу для внедрения изменений в области мореходного образования¹⁸. 27 июня 1867 года император Александр II утвердил «Положение о мореходных классах» и мнение Государственного совета «О преобразовании учебных заведений по части торгового мореплавания». В тот же день были приняты документы «О порядке признания шкиперов и штурманов в сих званиях и о правилах для производства испытаний на звание шкипера и штурмана» и «Правила для производства испытаний на звание шкипера и штурмана»¹⁹. Идеи Х. М. Вальдемара получили отражение в утвержденных документах и реализованы на практике при организации работы мореходных учреждений в стране.

1867 год стал отправной точкой для организации общероссийской системы подготовки судоводителей для торгового флота. Она была двухуровневой, состояла из правительственных испытательных комиссий, принимавших экзамены на судоводительские звания и сети навигационных образовательных учреждений, которые называли «мореходными классами» [6: 10]. С этого времени, управлять морским судном можно было только после сдачи экзамена государственной испытательной комиссии и получения диплома судоводителя. Исключением являлись лишь те шкиперы и штурманы, которые до 27 июня 1867 года уже управляли морскими судами. Утвержденные документы предусматривали открытие по всей стране мореходных классов. В них жители прибрежных территорий могли бесплатно получить необходимые знания по мореходному делу. Инициаторами открытия учреждений должны были стать городские, купеческие или иные общества²⁰.

Мореходные классы, в соответствии с идеей реформы мореходного образования, открывались в тех населенных пунктах, где в них ощущалась наибольшая потребность²¹. На Севере страны в Архангельской губернии в дополнение к уже работающим с 1842 года Архангельским и Кемским шкиперским учебным курсам открылись четыре мореходных класса для подготовки шкиперов и штурманов каботажного плавания: в селе Сумской посад Кемского уезда, селе Патракеевка Архангельского уезда, городе Онега и селе Кушерека Онежского уезда²². В соответствии с утвержденными документами в учебные заведения принимали желающих всех сословий и возрастов. Из государственного бюджета на содержание каждого учреждения ежегодно выделялось по 1 тысяче рублей²³. Обучали юношей шкиперы торгового флота или отставные военные моряки²⁴. На момент проведения реформы мореходного образования в России еще не были разработаны единые программы преподавания в мореходных классах [6: 9]. В таких условиях практические навыки наставника определяли качество обучения. Воспитанникам предстояло освоить математику, географию, лоцию, а также теорию и практику судовождения. Нередко преподаватель начинал обучение не с морских дисциплин, а с освоения грамоты, поскольку уровень общеобразовательной подготовки у слушателей был невысоким. Самыми информативными для обучающихся были практические занятия: такелажная работа, шитье парусов, обучение управлению судном в море под парусом и на якоре²⁵. Обучение в мореходных классах не давало права занимать должности судоводителей на морских торговых судах. Для этого требовалось сдать экзамены, набрать необходимый стаж работы в море (плавательный ценз) и, в итоге, получить диплом. Поэтому после завершения курса обучения в мореходном учреждении выпускники отправлялись на суда в море, чтобы набрать необходимый стаж морских плаваний. На Севере издавна считалось, что «только судно и море составляют действительную школу моряков»²⁶. Во время плаваний воспитанники использовали морские карты и навигационные приборы. Эти новшества местными моряками ранее не применялись²⁷. К 1899 году 205 выпускников мореходных классов в Архангельской губернии успешно выдержали экзамены в государственных испытательных комиссиях и получили дипломы судоводителей²⁸.

Х. М. Вальдемар рано и очень прозорливо увидел огромный, еще не раскрытый потенциал в сфере, которая ожидала своего развития, — в российском торговом флоте. На посту основателя и делопроизводителя учрежденного в 1873 году Императорского Общества для содействия русскому торговому мореходству он курировал работу мореходных классов, составлял учебные программы, издавал «Известия Общества

для содействия русскому торговому мореходству». Разработанная система мореходного образования просуществовала более тридцати лет (с 1870-х годов до начала XX века). В 1860 году Х. М. Вальдемар писал: «Мореплавание есть черноземное поле для России; нужно лишь обработать его, то есть, дать народу необходимейшее образование; нужен посев, то есть, распространение сведений о морском деле»²⁹. Данное утверждение и сегодня остается актуальным.

Список сокращений

ГААО — Государственный архив Архангельской области

ПСЗРИ — Полный свод законов Российской империи

РГИА — Российский государственный исторический архив

СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Академии наук

Примечания

¹ Мельницкий В. Русский коммерческий флот по 1-е января 1858 года (окончание) // Морской сборник. Санкт-Петербург, 1859. № 6. С. 347–348. Каботажное плавание — перемещение судов между портами в пределах одной страны.

² Вальдемарс К. Русский торговый флот, в особенности Балтийский, его состояние, развитие и будущность. Санкт-Петербург: типография Императорской Академии наук, 1860. С. 22–23.

³ РГИА. Ф. 95. Оп. 18. Д. 1. Л. 1–2. Шкипер — капитан торгового судна, штурман — его помощник.

⁴ Филиппов Ю. Д. История русского торгового флота со второй половины XIX в. Санкт-Петербург: типография Редакции периодических изданий Министерства Финансов, 1908. С. 31.

⁵ СПбФ АРАН Ф. 35. Оп. 1. Д. 364. Л. 2.

⁶ Woldemar C. *Über die Heranziehung der Letten und Esten zum Seewesen*. Dorpat. 1857; Вальдемарс К. Русский торговый флот, в особенности Балтийский... 32 с.

⁷ СПбФ АРАН Ф. 35. Оп. 1. Д. 364. Л. 2.

⁸ Великий князь Константин Николаевич (1827–1892) — сын императора Николая I, с 1855 года — генерал-адмирал, управляющий флотом и Морским ведомством на правах министра.

⁹ СПбФ АРАН Ф. 35. Оп. 1. Д. 364. Л. 2–2 об.; Вальдемарс К. М. Извлечение из отчета исследований Х. М. Вольдемара об устройстве по бережьям Петербургской губернии мореходных школ. Санкт-Петербург: типография товарищества «Общественная польза», 1889. С. 31–32.

¹⁰ Вольдемар Х. М. Россия и мореплавание // Беседа. 1871. № 4. С. 291.

¹¹ Вальдемарс К. М. Мекленбургское судохозяство, как образец для создания будущего судохозяства в России // Морской сборник. 1862. № 9. С. 16–17, 21.

¹² Вальдемарс К. М. Чем должны и чем могут наши низшие морские училища содействовать развитию нашего морского дела. Санкт-Петербург: типография Морского министерства, 1862. С. 2.

¹³ Вальдемарс К. О мнимых препятствиях к развитию нашего торгового флота, преимущественно в Балтийском море. Санкт-Петербург: типография Морского министерства, 1861. С. 21–22.

¹⁴ Там же. С. 21–22; Вальдемарс К. Русский торговый флот, в особенности Балтийский... С. 41.

¹⁵ Вальдемарс К. М. Чем должны и чем могут наши низшие морские училища содействовать развитию... С. 2, 3, 6; его же. Россия и мореплавание // Беседа. 1871. № 4. С. 300; его же. Как обеспечить будущность нашего морского дела. Москва: типография Т. Рис у Мясницких ворот, 1870. С. XIII, XV–XVII.

¹⁶ Вальдемар Х. М. О морских училищах торгового флота в Германии // Морской сборник. 1862. № 4 (апрель). С. 277–279.

¹⁷ Вальдемарс К. М. Извлечение из отчета исследований Х. М. Вольдемара об устройстве по бережьям Петербургской губернии мореходных школ... С. 60; СПбФ АРАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 559. Л. 4.

¹⁸ Виноградов В. В. Торгово-мореходное образование в России. Санкт-Петербург: типография В. Киршбаума, 1912. С. 15–16.

¹⁹ Положение о мореходных классах // ПСЗРИ: Собрание второе (1825–1881). Санкт-Петербург, 1871. Т. 42 (1867), отделение 1, № 44771. С. 1048–1051; О порядке признания шкиперов и штурманов в сих званиях и о правилах для производства испытаний на звание шкипера и штурмана // ПСЗРИ: Собрание второе (1825–1881). Санкт-Петербург, 1871. Т. 42 (1867), отделение 1, № 44775. С. 1054; Правила для производства испытаний на звание шкипера и штурмана // ПСЗРИ: Собрание второе (1825–1881). Санкт-Петербург, 1871. Т. 42 (1867), отделение 2. Штаты и табели к № 44775. С. 574–575.

- ²⁰ РГИА. Ф. 741. Оп. 1. Д. 173. Л. 49, 50, 51; О порядке признания шкиперов и штурманов в сих званиях... С. 1054; Положение о мореходных классах... С. 1049.
- ²¹ Положение о мореходных классах... С. 1049.
- ²² Историко-статистический очерк общего и специального образования в России: [составлен по поручению Комиссии по устройству Всероссийских промышленно-художественных выставок в Москве, 1882] / под ред. А. Г. Небольсина. Санкт-Петербург: типография В. Кишбаума. 1884. С. 172–174; РГИА. Ф. 741. Оп. 1. Д. 173. Л. 55–56.
- ²³ Положение о мореходных классах... С. 1049; РГИА. Ф. 565. Оп. 4. Д. 14458. Л. 6 об.
- ²⁴ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 630. Л. 115.
- ²⁵ Протоколы собраний по вопросам, касающимся мореходных школ Архангельской губернии // Архангельские губернские ведомости. Архангельск. 1876. № 9. С. 3.
- ²⁶ Беломорские шкиперские курсы // Архангельские губернские ведомости. Архангельск. 1875. № 69. С. 3.
- ²⁷ Беломорские шкиперские учебные курсы // Архангельские губернские ведомости. Архангельск, 1875. № 68. С. 2.
- ²⁸ РГИА. Ф. 565. Оп. 4. Д. 14458. Л. 100, 101, 101 об.
- ²⁹ Вольдемар Х. М. Россия и мореплавание... С. 307.

Список источников

1. Кузьмин Н. Н. Низшее и среднее специальное образование в дореволюционной России. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1971. 280 с.
2. Бордученко Ю. Л. Мореходное образование в России. 1867–1919 гг.: спец. 07.00.02 «Отечественная история»: дис. ... на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. СПб., 1998. 264 с.
3. Зуев А. В. Проблемы прохождения плавательской практики учениками мореходных классов в России во второй половине XIX века // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2012. № 6 (21). С. 39–42.
4. Барбашев Н. И. К истории мореходного образования в России. М.: Издательство Академии наук СССР, 1959. 216 с.
5. Бурсин К. М. Старейшее мореходное: (краткий исторический очерк Архангельского мореходного училища) / К. М. Бурсин, Г. П. Попов. Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1976. 256 с.
6. Зуев А. В. Проблемы подготовки кадров морского торгового флота во второй половине XIX века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2012. № 149. С. 7–15.

References

1. Kuz'min N. N. Nizshee i srednee special'noe obrazovanie v dorevolucionnoj Rossii. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 1971. 280 s.
2. Borduchenko Yu. L. Morekhodnoe obrazovanie v Rossii. 1867–1919 gg.: spec. 07.00.02 «Otechestvennaya istoriya»: dis. ... na soisk. uchen. step. kand. istor. nauk. Sankt-Peterburg, 1998. 264 s.
3. Zuev A. V. Problemy prohozhdeniya plavatel'skoj praktiki uchenikami morekhodnyh klassov v Rossii vo vtoroj polovine XIX veka // Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2012. № 6 (21). S. 39–42.
4. Barbashev N. I. K istorii morekhodnogo obrazovaniya v Rossii. Moskva: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1959. 216 s.
5. Bursin K. M. Starejshee morekhodnoe: (kratkij istoricheskij ocherk Arhangel'skogo morekhodnogo uchilishcha) / K. M. Bursin, G. P. Popov. Arhangel'sk : Severo-Zapadnoe knizhnoe izdatel'stvo, 1976. 256 s.
6. Zuev A. V. Problemy podgotovki kadrov morskogo trgovogo flota vo vtoroj polovine XIX veka // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena. 2012. № 149. S. 7–15.

Информация об авторе

Т. В. Хромцова — научный сотрудник.

Information about the author

T. V. Khromtsova — research fellow.

Статья поступила в редакцию 11.03.2025; одобрена после рецензирования 02.04.2025; принята к публикации 20.04.2025.
The article was submitted 11.03.2025; approved after reviewing 02.04.2025; accepted for publication 20.04.2025.

Научная статья
УДК 908
doi:10.37614/2949-1185.2025.4.1.009

**МОРЕХОДНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ЛИЧНОГО ХАРАКТЕРА КАК ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ РЫБОПРОМЫШЛЕННОСТИ МУРМАНА В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД
(ИЗ ФОНДОВОГО СОБРАНИЯ МУРМАНСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ)**

Дмитрий Александрович Панов¹, Виктория Николаевна Дмитренко²

¹Независимый исследователь, Мурманск, Россия, dmipanov@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-0879-4130>

²Мурманский областной краеведческий музей, Мурманск, Россия, viktoriadmitrenok@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена малоизученному аспекту истории рыбной промышленности на Севере. История делопроизводственных исторических источников, связанных с рыбной промышленностью, не относится к разработанным темам. Изучая данный вид исторических источников можно с достоверностью установить довольно широкий аспект исторических фактов: ФИО конкретного исторического лица (капитана), точное название судна, принадлежность судна тому или иному порту, социально-экономические аспекты определенной эпохи.

Ключевые слова:

мореходная книжка, рыбная промышленность, Мурман, Севгосрыбтрест, капитан

Для цитирования:

Панов Д. А., Дмитренко В. Н. Мореходные документы личного характера как источник по истории рыбопромышленности Мурманска в советский период (из фондового собрания Мурманского областного краеведческого музея) // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2025. Т. 4, № 1. С. 95–99. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.1.009.

Original article

**PERSONAL MARITIME DOCUMENTS AS A SOURCE ON THE HISTORY
OF THE MURMANSK FISHING INDUSTRY DURING THE SOVIET PERIOD
(FROM THE STOCK COLLECTION OF THE MURMANSK REGIONAL MUSEUM OF LOCAL LORE)**

Dmitry A. Panov¹, Victoria N. Dmitrenok²

¹Independent researcher, Murmansk, Russia, dmipanov@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-0879-4130>

²Murmansk Regional Museum of Local Lore, Murmansk, Russia, viktoriadmitrenok@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to a little-studied aspect of the history of the fishing industry in the North. The history of record-keeping historical sources related to the fishing industry does not relate to the developed topic. By studying this type of historical sources, it is possible to reliably establish a fairly broad aspect of historical facts: the full name of a particular historical person (captain), the exact name of the vessel, the ship's affiliation to a particular port, and socio-economic aspects of a particular era.

Keywords:

Nautical book, fishing industry, Murmansk, Sevgosrybtrest, captain.

For citation:

Panov D. A., Dmitrenok V. N. Personal maritime documents as a source on the history of the Murmansk fishing industry in the Soviet period (from the stock collection of the Murmansk Regional Museum of Local Lore) // Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities. 2025. Vol. 4, No. 1. P. 95–99. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.1.009.

В фондах Мурманского областного краеведческого музея хранится комплекс документов личного характера, связанный с известными на Севере капитанами рыболовных судов. Это «Книжка для внесения сведений о плаваниях на парусных и паровых судах» (здесь и далее — Книжка) (рис. 1) и «Мореходная книжка» (здесь и далее — МК) (рис. 2). Первый документ выдавался в дореволюционный период, второй — в советское время. В «Книжку» вносились название судна, владелец судна, грузовая вместимость, порт приписки, назначение груза, род судна, должность владельца Книжки, дата принятия и увольнения с судна, район или маршрут плавания. «Книжка оформлялась по всем правилам делопроизводства со всеми записями и печатями. В МК вносились те же данные, но специфика того времени (отсутствие четкой нормативно-правовой базы делопроизводства, отсутствие наработанной практики

делопроизводства, нехватка материалов — бумаги, чернил и т. д.) накладывала определенный отпечаток на документы. На них меньше печатей, если их и ставили, то отпечатки были более блеклые; дополнительные записи на страницах, как правило, отсутствовали. Книжка не являлась документом, удостоверяющим личность, она служила исключительно как документ, учитывающий плавательный ценз, и основа для начисления заработка. МК являлась полноценным документом, который заменял внутренний паспорт, мог служить документом для прописки на жительство, оформления юридических формальностей и действий. Причем Книжка могла продолжаться вестись и в советский период. Нередко у капитанов было два документа: и Книжка, и МК. Оба вида документов были размером в диапазоне по ширине от 10,5 до 12 см, по высоте от 15,5 до 17,5 см, отпечатаны типографским способом, скреплены скрепкой в виде книжки, как правило, в обложке из твердого картона, иногда покрытого коленкором.

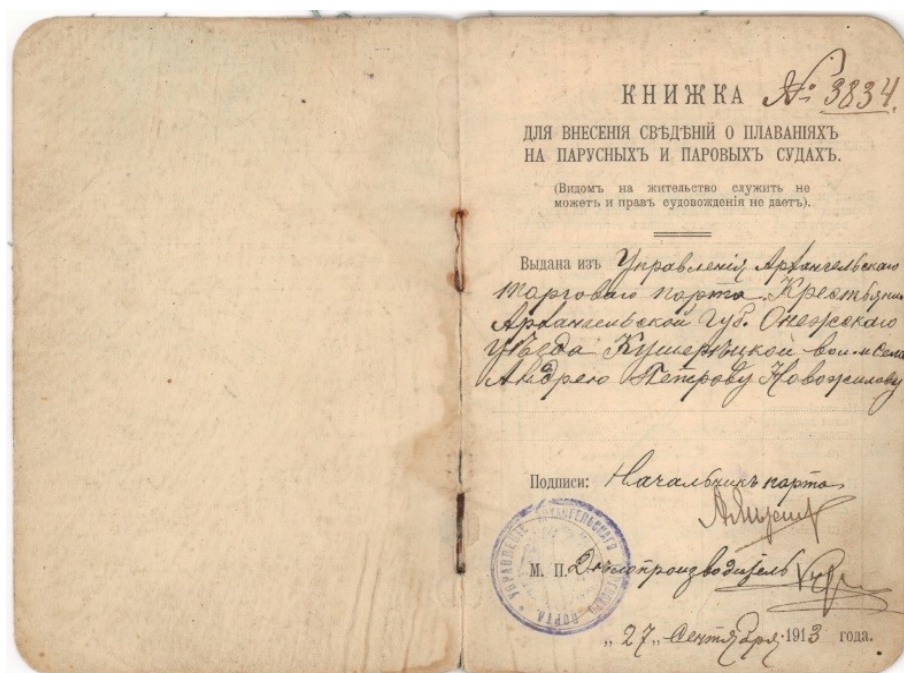

Рис. 1. Книжка для внесения сведений о плаваниях на парусных и паровых судах. MOM ОФ – 3141

Рис. 2. Мореходная книжка. MOM ОФ – 2625

Все капитаны-рыболовы начинали свою деятельность еще в дореволюционный период. Часто первой ступенькой в карьере была должность зуйка, по сути, разнорабочего по всем видам дел на промыслах. Это было приготовление пищи, уборка, уход за снастями, транспортировка рыбы, участие в обработке улова и т. д. По прошествии нескольких лет, если позволяла финансовая и семейная ситуация, юноши могли поступать в Сумскую мореходную школу, окончив которую, они получали диплом штурманов и шкиперов каботажного плавания, могли устроиться на суда, ходившие в Норвегию с грузом рыбы, только простыми матросами [1: 38] с перспективой наплавать необходимый ценз и стать штурманами малого плавания с получением командных должностей. Данный путь прошли практически все известные капитаны-рыболовы¹.

В советский период, когда рыбопромышленная сфера стала исключительно государственной, эти люди стояли у истоков ее образования на Мурмане и в Архангельске. Записи и штампы в МК могут это подтвердить, и по ним можно проследить историю становления рыбной отрасли на Севере.

Пришедшие к власти большевики проявили значительный интерес к рыбным вопросам Мурмана не только из-за угрозы голода в Петрограде, но и для организации снабжения рыбой армии и остального населения страны. С целью оживления промыслов Мурмана Центросоюз прислал своих уполномоченных. Представителю Центроснаббарма И. И. Подвойскому с помощью представителей мурманской кооперации удалось организовать промысловые артели, фактории [2: 55].

5 января 1918 года по декрету Совета Народных Комиссаров (СНК) был национализирован морской и речной флот. В собственность государства отошли суда И. В. Беззубикова, К. Ю. Спаде, Е. В. Могучего, имущество Северного пароходства «Котлас – Архангельск – Мурманск» [3: 117]. На побережье Мурмана все фактории перешли в собственность государства и находились под контролем местных органов власти. Непосредственное управление деятельностью факторий осуществлялось специальными агентами, имущество факторий описывалось.

Естественно, что мурманские рыбные промыслы развивались не стихийно и не вне какого-либо юридического поля. Советское государство уделяло большое внимание юридической стороне своей деятельности в отношении мурманских промыслов. В первые годы советской власти был разработан и принят ряд нормативно-правовых актов, которые позволили создать базу для проведения мероприятий, направленных на создание рыбной промышленности в масштабах всей страны.

Непосредственное зарождение рыбной промышленности Мурмана произошло не на самом Мурмане, а в Архангельске. После освобождения Архангельска от интервенции, 3 марта 1920 года, было созвано совещание по рыбо-звериным промыслам из представителей всех заинтересованных ведомств. 10 марта правлением Губревкома (в Архангельске) было создано Управление по рыбо-звериным промыслам при Архгубсовнархозе, вскоре переименованное в Беломорско-Мурманское областное управление рыбо-зверинными промыслами (Областьрыба) согласно Декрету СНК от 26 февраля 1920 года «О реорганизации Государственного управления по рыболовству и рыбной промышленности в Республике и его органов на местах»².

В дальнейшем в Мурманске было создано Мурманское районное управление рыбо-зверинными промыслами («Райрыба»), подчинявшиеся Областьрыбе. В ведение мурманского райуправления входили рыбные и звериные промыслы Мурманского побережья от границы с Норвегией до мыса Орлова со всеми прилегающими к побережью реками и озерами, включая озеро Имандра³.

В дальнейшем в целях развития мурманских рыбных и морского тюленьего промысловых хозяйств и на основании Приказа Наркомпрода РСФСР № 146 от 21 декабря 1920 года «Об образовании Мурманского областного управления рыбных и звериных промыслов» Мурманское районное управление рыбо-зверинных промыслов с центром в городе Александровске, ранее бывшее в ведении Беломорско-Мурманского областного управления, преобразовывалось 24 февраля 1921 года в Мурманское областное управление рыбных и звериных промыслов (Муробластьрыба) в административном центре Александровске, в дальнейшем переведенное в Мурманск⁴.

Мурманское областное управление существовало по апрель 1924 года — до времени слияния Архангельской и Мурманской Областьрыбы, на базе которых был создан Северный государственный рыбопромышленный трест — Севгосрыбтрест со сферой деятельности от Вайда-губы до Печоры [4: 44].

Северный государственный рыбопромышленный трест был организован Постановлением СТО от 19 апреля 1924 года.⁵ Он подчинялся Наркомпроду, потом Наркомвнешторгу, а впоследствии — ВСНХ СССР. Трест имел следующую структуру: 1) две промысловые конторы

в Мурманске и Архангельске; 2) агентства — в Сороке, Вологде, в Новгороде — торговый пункт; управление находилось в Ленинграде.

1 января 1929 года бывшая Мурманская контора треста была ликвидирована и взамен ее организованы две конторы: контора промфлота, охватывающая операции по улову до момента сдачи на берег добытой продукции с самостоятельной отчетностью; контора Траловой базы, охватывающая операции по выгрузке, обработке и затариванию добытой продукции с самостоятельной отчетностью⁶. Эти конторы входили в состав Севгосрыбтреста.

В дальнейшем, чтобы успешно решать задачи пятилетнего плана по развитию рыбной промышленности, Севгосрыбтрест был реорганизован. 22 августа 1931 года в Мурманске были созданы Севтралтрест и Мургосрыбтрест.

На таком историческом фоне происходило заполнение книжек. Советский период истории позволил их владельцам кардинально поменять и свою историю. Социальные лифты сработали, и вчерашние матросы-каботажики смогли стать теми, кем их запомнила история. Стоит отметить, что они получали свои должности капитанов абсолютно заслуженно. Если по какой-то причине они не имели образования, то практика и постоянное самообразование давали им возможность руководить судном. Конечно, по мере усложнения техники и расширения районов плавания требовались более углубленные знания, но это уже другая история. Книжки являются недооцененным источником для установления микрорегиональных фактов, связанных с историей рыбной промышленности Севера: с названием судов, принадлежностью судов (Мурманск или Архангельск), системой оформления судов на промысел, историей делопроизводства.

Список сокращений

Архгубсовнархоз — Архангельский губернский Совет народного хозяйства
ВСНХ СССР — Высший совет народного хозяйства СССР
Губревком — Губернский революционный комитет
Книжка — Книжка для внесения сведений о плаваниях на парусных и паровых судах
МК — Мореходная книжка
Наркомпрод — Народный комиссариат продовольствия
СНК — Совет народных комиссаров
СТО — Совет Труда и Оборона
Центроснабarm — Центральное управление по снабжению армии

Примечания

¹ Новожилов Андрей Петрович, Бурков Константин Лаврентьевич, Бурков Дмитрий Афанасьевич, Кононов Иосиф Егорович, Леонтьев Спиридон Петрович, Демидов Иван Николаевич, Копытов Степан Дмитриевич и мн. др.

² Государственный архив Мурманской области (ГАМО). Ф. Р. – 69. Оп. 1. Д. 216. Л. 43.

³ ГАМО. Ф. Р.-69. Оп. 1. Д. 16. Л. 15.

⁴ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 9. Оп. 1. Д. 576. Л. 47 Об.

⁵ ГАМО. Ф. Р.-534. Оп. 8. Д. 2. Л. 1-1об.

⁶ ГАМО. Ф. Р. 534. Оп. 8. Д. 2. Л. 11.

Список источников

1. Попов Г. П. Сумский мореходный класс. К истории мореходного образования на Севере. Архангельск: Поморский государственный университет им. В. М. Ломоносова, 2000. 57 с.
2. Пятковский В. П. Преображенный Север. Ленинская программа развития производительных сил Европейского Севера СССР в действии. Мурманск, 1974. 416 с.
3. Сорокин В. В. Экономические данные о проведении на Мурмане национализации хозяйств крупных капиталистов-рыбопромышленников // Ученые записки Мурманского государственного педагогического института. Кафедра марксизма-ленинизма и истории. 1965. Т. 8. 130 с.
4. Киселев А. А., Краснобаев А. И. История мурманского тралового флота. 1920–1970. Мурманск, 1973. 304 с.

References

1. Popov G. P. Sumskij morekhodnyj klass. K istorii morekhodnogo obrazovaniya na Severe [Sumy seaworthy class. Towards the history of maritime education in the North]. Arhangel'sk, Pomorskiy gosudarstvennyj universitet im. V.M. Lomonosova, 2000, 57 p.
2. Pyatovskij V. P. Preobrazhennyj Sever. Leninskaya programma razvitiya proizvoditel'nyh sil Evropejskogo Severa SSSR v dejstvii [The transformed North. Lenin's program for the development of the Productive Forces of the European North of the USSR in action]. Murmansk, 1974, 416 p.
3. Sorokin V. V. Ekonomicheskie dannye o provedenii na Murmane nacionalizacii hozyajstv krupnyh kapitalistov-rybopromyshlennikov [Economic data on the nationalization of farms of large fishing capitalists in Murmansk]. Uchenye zapiski Murmanskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Instituta. Kafedra marksizma-leninizma i istorii. [Scientific notes of the Murmansk State Pedagogical Institute. Department of Marxism-Leninism and History], T. 8, 1965, 130 p. (In Russ.).
4. Kiselev A. A., Krasnobaev A. I. Istoriya murmanskogo tralovogo flota. 1920-1970 [The history of the Murmansk trawling fleet. 1920-1970]. Murmansk, 1973, 304 p.

Информация об авторах

Д. А. Панов — кандидат исторических наук;

В. Н. Дмитренко — хранитель музейных предметов.

Information about the authors

D. A. Panov — Candidate of Historical Sciences;

V. N. Dmitrenok — curator of museum objects.

Статья поступила в редакцию 11.03.2025; одобрена после рецензирования 02.04.2025; принята к публикации 20.04.2025.
The article was submitted 11.03.2025; approved after reviewing 02.04.2025; accepted for publication 20.04.2025.

Научная статья
УДК 327(304.5) (001) (316.4)
doi:10.37614/2949-1185.2025.4.1.010

ПОЛТОРА ВЕКА ГЛОБАЛЬНОГО НАУЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В РАМКАХ ПРОГРАММЫ «МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПОЛЯРНЫЙ ГОД» (1882–2025): УРОКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Юлия Валерьевна Заика

*Институт экономических проблем имени Г. П. Лузина Федерального исследовательского центра
«Кольский научный центр Российской академии наук», Апатиты, Россия, y.zaika@ksc.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9609-1167>*

Аннотация

В статье представлен сравнительный обзор истории глобальной научной программы «Международный полярный год» (МПГ) с 1882 года до настоящего момента. Отмечается, что с каждым годом программа только расширялась, увеличивалось число стран-участниц. Рассматриваются основные научные направления полярных исследований, результаты четырех программных этапов МПГ, обсуждаются перспективы организации предстоящего в 2032–2033 годах Пятого МПГ.

Ключевые слова:

«Международный полярный год», научное сотрудничество, Арктика, перспективы исследований

Благодарности:

статья подготовлена в рамках государственного задания Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук» в части проведения НИР Института экономических проблем им. Г. П. Лузина по теме «Научные основы управления социальным развитием регионов российской Арктики в условиях новых глобальных вызовов» (гос. рег. № 123012500053-2).

Для цитирования:

Заика Ю. В. Полтора века глобального научного сотрудничества в рамках программы «Международный полярный год» (1882–2025): уроки и перспективы // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2025. Т. 4, № 1. С. 100–107. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.1.010.

Original article

A CENTURY AND A HALF OF GLOBAL SCIENTIFIC COOPERATION UNDER THE INTERNATIONAL POLAR YEAR PROGRAM (1882–2025): LESSONS AND PERSPECTIVES

Yulia V. Zaika

*Luzin Institute for Economic Studies of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Apatity, Russia,
y.zaika@ksc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9609-1167>*

Abstract

The article presents a comparative review of the history of the global scientific program - International Polar Year (IPY) - from 1882 to the present. It is noted that with each year the program only expanded, the number of participating countries increased. The main scientific directions of polar research, the results of the four program periods of IPY are considered, and the prospects of organizing the forthcoming Fifth IPY in 2032–2033 are discussed.

Keywords:

International Polar Year, scientific cooperation, Arctic, research perspectives

Acknowledgments:

the article was prepared within the framework of the state assignment of the Federal Research Centre “Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences” as part of the research work of the Luzin Institute for Economic Studies on the topic “Scientific bases for managing social development of the Russian Arctic regions in the context of new global challenges” (state reg. № 123012500053-2).

For citation:

Zaika Y. V. A century and a half of global scientific cooperation under the International Polar Year program (1882–2025): lessons and perspectives // Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities. 2025. Vol. 4, No. 1. P. 100–107. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.1.010.

Арктический регион в глобальном контексте с существующими институтами международного сотрудничества всегда позиционировался в различных политических и научных дискурсах как модель успешного взаимодействия и площадка для мирного диалога между государствами, культурами и сферами влияния. Тем не менее Арктика проявляется в своей двойственности в рамках определенной модальности, которая постоянно трансформируется, чередуя периоды конкуренции и сотрудничества. В научной сфере

взаимодействие разных стран в Арктике осуществлялось через тесные научные связи и совместные международные инициативы, а до недавнего времени — функционирование Арктического совета как успешной платформы сотрудничества для всех стран Арктической восьмерки и модели для других регионов) [1].

Для России Арктика всегда играла особую важную роль ведь около 70 % ее территорий — это Север и приравненные к нему территории. Здесь сосредоточено две трети российских природных ресурсов — разведанных запасов нефти и газа, гидроресурсов, алмазов, леса, биоресурсов. Проблемы Арктики и Севера в целом для России имеют первостепенное значение хотя бы потому, что большинство населения Арктического региона планеты — граждане Российской Федерации. Зависимость благополучия России от своих полярных и заполярных окраин очевидна. Фактически ни одна отрасль экономики, как и социальная сфера страны, не могут действовать и развиваться без ресурсов, добываемых и производимых в северных регионах [2].

Как отмечают исследователи, сейчас Арктика находится на переднем крае глобальных изменений как экологических, так и геополитических [3]. В 2032–2033 годах мировое научное сообщество, вовлеченное в изучение полярных регионов Арктики и Антарктики, в пятый раз объединится для проведения совместных экспедиций, проектов и исследований в самых отдаленных и таинственных уголках планеты. В истории международных научных полярных исследований важной программой, очертившей рамки и сформировавшей понимание важности научного исследования полярных регионов стал — Международный полярный год. История этой программы начинается с далеких 1882–1883 годов, когда был организован Первый Международный полярный год (МППГ1), за ним последовал Второй МППГ в 1932–1933 годах (МППГ2), а затем Третий, который носил название Международного геофизического года (МГГ), ввиду основных направлений своих исследований, но так как география исследований все же в большей степени была связана с полярными регионами, его принято считать МППГ3, который охватил период с 1957 по 1958 год. В 2007–2008 годах прошел Четвертый МППГ (МППГ4). И в настоящий момент научное сообщество устремилось к МППГ5, который пройдет в следующем десятилетии.

Несмотря на то, что каждый из пяти годов очень сильно отличался один от другого наполненностью научной программы, технологическими возможностями проведения научных изысканий, многие из организационно-административных аспектов (полярная логистика, финансирование, организационное управление и др.) их проведения откликаются в каждом из них и имеют общие черты.

Первый Международный полярный год (1882–1883)

Первые экспедиции на Русский Север были организованы еще за 150 лет до МППГ1. Впервые в 1727–1730 годах Академия наук организует астрономическую экспедицию для определения широт и долгот важнейших географических пунктов Севера России. Она включала в себя проведение барометрических, термометрических и астрономических наблюдений. Множество других экспедиций включали в себя исследования по проблемам мореплавания в Арктике и экономического освоения богатств северных морей, метеорологические наблюдения, изучение геологического строения, морской и наземной флоры и фауны. В 1850-х годах проводились первые этнографические исследования¹.

Начиная с 1875 года, в течение нескольких лет интерес к теме полярного региона был относительно небольшим, но позже Международный метеорологический комитет пригласил заинтересованное мировое сообщество к более широкому обсуждению, организовав ряд международных полярных конференций, одна из которых проходила в Санкт-Петербурге в Академии наук (1–4 августа 1881 года).

В работе Первого МППГ принимали участие более 700 человек из 12 стран. Было организовано 14 полярных станций: 12 в северном полушарии и 2 в южном. Наблюдения также проводились на 35 существующих магнитных и метеорологических обсерваториях по всему миру. Подробное описание планов и составов экспедиций России и разных стран, включая Германию, Австро-Венгрию, Великобританию, Канаду, Швецию, Норвегию и Францию, можно найти в книге Михаила Александровича Рыкачёва (1841–1919) «Первая международная полярная экспедиция», написанной автором во время проведения МППГ [4]. Главной вехой Первого МППГ стала попытка унифицировать процедуры измерений, которая рассматривалась как первый шаг в истории международных скоординированных исследований в полярных областях. Большое влияние на практики международного сотрудничества в Арктике

оказала Русско-Шведская градусная экспедиция на Шпицберген (1898–1901), в ходе которой впервые происходило активное взаимодействие государственных и академических структур России и Швеции [5]. Публикация результатов, полученных в 1898 году, позволила получить первый набор метеорологических данных, описывающих климат Арктики.

Второй Международный полярный год (1932–1933)

После окончания Первого МПГ многие активные участники экспедиций указывали на недостаточность данных, краткосрочность наблюдений, постепенно инициируя обсуждения о возобновлении полярного года. Эти обсуждения активно велись на уровне Международной метеорологической организации (она же в период МПГ1 — Международный метеорологический комитет, и в последующем — Всемирная метеорологическая организация).

Летом 1928 года было принято постановление советского правительства об усилении научных исследований в Арктике и организована специальная комиссия по планированию этих исследований. К 1930 году советские ледоколы и авиация доказали свою мощь и эффективность для проведения исследований в Арктике [6]. Тогда, с периода «ледокольного бума» (1891–1910), который послужил основой ледокольного флота страны, в Арктике уже активно работал ледокол «Ермак» [7]. Для СССР результаты МПГ были особенно важны в связи с работами по освоению Северного морского пути, и СМП занял центральное место в планах и приоритетах программы Второго международного полярного года для Советского Союза.

В работах года приняли участие ученые из 44 стран. Работы осуществлялись более чем на 100 станциях, половина которых находилась в северных и южных высокоширотных областях. Советский Союз являлся лидером среди активнейших участников Второго МПГ. Изобретение радиозонда позволило провести исследования стратосферы и ионосферы, расширив изучение полярной атмосферы [8]. Экспедиционные работы охватывали метеорологические, геофизические и океанографические наблюдения.

Результаты МПГ2 значительно превосходили итоги МПГ1 благодаря наибольшему масштабу выполненных работ. Научные и практические результаты были бесценны: это создание первых карт погоды северного полушария, показывающих ее состояние каждые шесть часов в течение года, измерения глубин Северного Ледовитого океана, открытие ряда закономерностей возникновения полярных сияний и их связи с солнечной активностью, установлена скорость протекания геомагнитных явлений. Однако в дальнейшем полное использование и сохранение материалов МПГ2 было прервано Второй мировой войной, остановившей сотрудничество ученых. К ее началу не все собранные данные были опубликованы, многие были утрачены [4].

Третий Международный полярный год/Международный геофизический год (1957–1958)

Международная программа 1957–1958 года исследований включала в себя 13 научных дисциплин, большая часть которых относилась к отраслям солнечно-земной физики, которая охватывала не только полярные районы планеты. Именно поэтому эта программа получила название Международного геофизического года как более глобальная. Однако основные экспедиционные и исследовательские работы проводились в Арктике и Антарктике, что относилось к ряду годов в рамках инициативы МПГ — Третий Международный полярный год по счету, организованный через 75 лет после Первого МПГ.

В этот период в Арктике на постоянной основе работали 50 станций разных стран, из них 33 были советскими, в том числе дрейфующие станции «Северный полюс» на льдинах СП-7 и СП-8. В работах над программой МПГ/МПГ3 принимали участие 67 стран. Во время проведения МПГ в СССР и США были запущены первые искусственные спутники Земли серии «Спутник-1» (4 октября 1957 год) и «Эксплорер» (1 февраля 1958 год) [4]. Техническое развитие возможностей исследований стало важной вехой в расширении не только знаний человечества о полярных регионах и физических процессах, но и для совместного международного взаимодействия.

Важным нововведением также стало создание трехступенчатой системы Мировых центров данных (МЦД), разделенных между США, Советским Союзом и группой европейских и тихоокеанских

стран. Все наблюдения МГГ должны были направляться хотя бы в один МЦД, который затем обязан был копировать их в другие.

Программа МГГ в сравнении с предыдущими годами была значительно расширена, учитывая печальный опыт МПГЗ (1932–1933), значительные усилия были направлены на сохранение полученных данных и их публикацию. Процесс планирования научных исследований также был значительно расширен, и ученые готовились к МГГ почти семь лет, в три раза больше, чем к предыдущим полярным годам. Стоит учесть, что период МГГ был непрост и в политическом отношении. Эта международная инициатива была настолько свободна от политики в тот период, насколько это было возможно в условиях холодной войны.

Четвертый Международный полярный год (2007–2008)

Четвертый Международный полярный год (МПГ4), организованный по прошествии 50 лет со времени проведения Международного геофизического года и 125 лет со времени организации Первого Международного полярного года, объединил усилия десятков тысяч полярных ученых и исследователей из более чем 63 стран и, безусловно, может быть отнесен к разряду исторических событий в области полярных исследований².

Главными организационными институтами МПГ4 стали Международный арктический научный комитет (МАНК, IASC), Научный комитет по антарктическим исследованиям (СКАР, SCAR), Международный совет научных союзов (МСНС/ICSU, сейчас — Международный научный совет, ISC) и Всемирная метеорологическая организация (WMO). Было сформировано порядка 40 офисов национальных комитетов в разных странах, включая все страны БРИКС и Россию, которая стала основным инициатором идеи в лице Артура Николаевича Чилингарова (1939–2024).

В 2002 году Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (Росгидромет) совместно с Министерством иностранных дел РФ, Институтом Арктики и Антарктики (АНИИ) и Российской академией наук начали разработку концепции участия России в Четвертом Международном полярном году. Уже в 2004 году был дан официальный старт МПГ в России с организацией офиса Национального комитета под кураторством Росгидромета, а конференция открытия МПГ4 проходила в Санкт-Петербурге.

Активная фаза МПГ проходила в период с 1 марта 2007 года по 1 марта 2009 года. За это время было проведено 159 морских и сухопутных российских экспедиций в Арктике и Антарктике. Наиболее масштабные исследования выполнены в арктических морях и высокоширотной зоне Северного Ледовитого океана [9]. Комплексная программа МПГ4 включала в себя более 27 различных дисциплин и позволила уточнить гидрометеорологические и гелиогеофизические условия полярных областей, строение и историю геологического развития литосферы полярных районов, состояние наземных и морских экосистем Арктики и Антарктики, укрепила развитие наблюдательной сети, информационных систем, управление данными. Значительно расширились исследования по социальным и гуманитарным направлениям, особенно в понимании качества жизни населения Арктики и Севера и социально-экономического развития полярных регионов, ускорилось наращивание образовательного и научного потенциала в области полярных исследований и распространение знаний среди широкой общественности.

В рамках международной программы МПГ4 было проведено более 460 международных проектов разной дисциплинарной направленности, включая междисциплинарные и различные образовательные проекты в Арктике, Антарктике и включающие оба полюса.

Пятый Международный полярный год (2032–2033)

Предстоящий Международный полярный год представляет большие возможности для сотрудничества, фокусируясь в том числе на текущих трендах и направлениях полярных исследований таких, как изменение климата, изучение высокогорных систем Азии, расширение исследований полярных морей и океанов. Как заявляют эксперты, участвующие в Десятилетии науки об океане в интересах устойчивого развития, «о космосе мы знаем больше, чем о глубинах Мирового океана»³. Важным фактором расширения научного знания станет применение возможностей искусственного интеллекта (ИИ) в полярных исследованиях. Несмотря на то, что в этом вопросе международное научное сообщество разделилось в оценках эффекта участия ИИ в научных изысканиях, многие сходятся в одном, что никакой ИИ не сможет заменить натурные экспедиционные исследования и наблюдения.

Для реализации главной и первоначальной идеи МПГ, которая заключалась в необходимости международной координации и сотрудничества между национальными и институциональными партнерами для комплексного изучения полярных регионов, на каждом историческом этапе требовались

различные стратегии и тактики, которые прямо или косвенно зависели от политических, экономических и технических условий. Предстоящий Пятый МПГ 2032–2033 также будет строиться в рамках концептуальных подходов научной дипломатии с учетом текущей геополитической ситуации.

Сравнительный анализ этапов МПГ

Краткий сравнительный анализ МПГ (4 прошедших и 1 предстоящий) с 1882–1883 года по настоящее время показал, что по многим задачам и приоритетам, все года отражают не только экспоненциальный рост своих показателей в зависимости от технологического уклада и возможностей инновационно-технологического развития общества в каждый конкретный период, но и системное поступательное развитие даже на фоне активно меняющейся внешней среды от эндогенных (внутренних, национальных) до экзогенных (внешних, глобальных) факторов. Общими чертами всех МПГ можно назвать: 1 — административно-организационная среда; 2 — финансовые ресурсы; 3 — географическое присутствие; 4 — человеческий капитал; 5 — технологический капитал; 6 — программное расширение.

Например, административно-организационная среда в рамках международных организаций сотрудничества и национальных институтов часто выражалась в перераспределении научных интересов и паритете взаимодействия при выделении финансовых ресурсов, что часто приводило к соперничеству между организациями более локального характера, образованию новых и роспуску старых. Организации более глобального характера, например, Всемирное метеорологическое общество, принимая на себя своего рода «медиативную» функцию, оказывались более гибкими в организационных вопросах и сохранили свою ведущую роль до настоящего времени, закладывая фундаментальную основу наследия МПГ.

Также финансовые ресурсы, закладываемые отдельной страной, участвовавшей в каждый период МПГ, а также международным сообществом в целом, были одним из самых весомых факторов организации и проведения МПГ. На возможности выделения ресурсов всегда влияли национальные приоритеты, а также общая экономическая ситуация в мире, поэтому одним из самых непредсказуемых и самых весомых факторов существования МПГ являлся экономический (финансовый).

Со времени организации Первого Международного полярного года в программу включалось все больше стран, расширялась научная программа. Так, в МПГ1 приняли участие 11 стран, тогда как в МПГ4 уже более 80. Новый МПГ5 ожидает значительной экспансии своих географических возможностей.

Важным аспектом развития программы можно назвать раскрытие и укрепление человеческого капитала и потенциала. Это можно наблюдать в каждый период МПГ от первой программы, когда она воплощалась в качестве идеи немногочисленной группой энтузиастов, до вовлечения большого научного сообщества в реализацию программы, вовлечения коренных народов Арктики в натурные исследования и программные обсуждения, а также развитие межпоколенческих стратегий и вовлечения сообщества молодых ученых в планирование исследований для обеспечения преемственности поколений и знаний.

Каждый МПГ характеризуется наращиванием технологического капитала, развиваясь на новом витке технологического уклада и социально-экономического прогресса [10], формируется на сломе структурной трансформации экономик и хозяйственных укладов мира от Второй промышленной революции, Эпохи нефтяных освоений, научно-технической революции с развитием компьютерной техники и телекоммуникационных систем до нанотехнологий и новых когнитивных исследований с развитием искусственного интеллекта.

Все вышеуказанные аспекты в совокупности не только сформировали облик программы МПГ, но и оказывали активное влияние на планирование и программное обеспечение процесса. Программное расширение МПГ прослеживается на всех этапах — от глобальных планов в рамках МПГ до привлечения высокогорных систем как индикаторов активного изменения климата в предстоящий год МПГ5.

Сравнительные характеристики этапов МПГ, представленные в таблице, показывают развитие программы от сугубо полярной к программе, имеющей мировое значение.

В настоящее время технологический прогресс обуславливает важность философско-антропологических аспектов взаимодействия человека и ИИ, изучение которого ориентировано на понимание влияния этой технологии на человеческое существование и его опыт [12]. Международное арктическое научное сообщество активно обсуждает вопросы этики, безопасности, конфиденциальности и практического применения искусственного интеллекта в научных исследованиях.

Общие сравнительные характеристики МПГ: 150 лет существования программы⁴

Международный полярный год — 150 лет истории					
	МПГ1	МПГ2	МПГ3 МГГ	МПГ4	МПГ5
Год	1882–1883	1932–1933	1957–1958	2007–2008	2032–2033
Страны-участницы	11	44	67 (+33)	>80	Большинство с акцентами на азиатские страны и международные институты
Дисциплины	3	4	14	Ок. 25 более 460 международных проектов реализовано по арктическим, антарктическим и биполярным направлениям	Междисциплинарные исследования, когнитивные науки, антропология искусственного интеллекта, изменение климата
Исследования на расстоянии от Земли	Наземные ок. 0,1 км	Аэростат ок. 10 км	Спутник ок. 100 тыс. км	Космический аппарат ок. 72 млн км	Космос и океан (исследование вглубь)
Регион исследований	Арктика и Антарктика	Арктика	Глобальный	Арктика и Антарктика	Арктика, Антарктика, высокогорные системы. Потенциально Глобальный характер (ввиду экстраполяции изменений климата на другие регионы)

Выводы

Под воздействием внутренних и внешних факторов система международного научного сотрудничества активно меняется, но в то же время обладает и определенной резистентностью. Одним из ярких примеров такой устойчивости является программа «Международный полярный год». Сравнительная характеристика четырех программных этапов МПГ, которые существовали и реализовывались в различных геополитических, экономических и технологических условиях, позволила выявить как существенные различия, так и фундаментальные основы программы (административно-организационная среда; финансовые ресурсы; географическое присутствие; человеческий капитал; технологический капитал; программное расширение), которые являются, на наш взгляд, философско-методологическим базисом формирования МПГ не просто как международной, но и глобальной программы, которая тяготеет к эволюции своих составляющих от сугубо полярной парадигмы к общемировой.

В рамках подготовки к Пятому Международному полярному году, который состоится в 2032–2033 годах, а также учитывая текущую значительную разобщенность и фрагментацию международного научного сообщества, особенно в арктическом секторе, Российская Федерация может занять активную объединяющую роль в процессе всесторонней научной коммуникации в Арктике, учитывая ее ведущую интегрирующую роль в арктических и антарктических исследованиях на протяжении всей истории МПГ.

Список сокращений

МПГ — Международный полярный год (1, 2, 3, 4, 5)
СССР — Союз Советских Социалистических Республик
СМП — Северный морской путь
США — Соединенный Штаты Америки
МЦД — Мировой центр данных
МГГ — Международный геофизический год
МАНК — Международный арктический научный комитет
IASC — International Arctic Science Committee
СКАР — Научный комитет по антарктическим исследованиям
SCAR — Scientific Committee on Antarctic Research
МСНС — Международный совет научных союзов

ICSU — International Council for Science Unions

ISC — International Science Council

WMO — World Meteorological Organization

БРИКС — объединение государств: Бразилии, России, Индии, Китайской народной республики, Южной Африки

ААНИИ — Арктический и антарктический научно-исследовательский институт

ИИ — искусственный интеллект

Примечания

¹ История ФИЦ КНЦ РАН. Электронный ресурс. URL: <https://www.ksc.ru/o-tsentre/istoriya/> (дата обращения: 26.02.2025).

² Серия книг «Международный полярный год». Электронный ресурс. URL: <https://www.rgo.ru/ru/article/seriya-knig-mezhdunarodnyu-polyarnyy-god> (дата обращения: 21.02.2025).

³ Международное Десятилетие наук об океане в интересах устойчивого развития (2021–2030 гг.). Электронный ресурс. URL: <https://oceandecade.org/> (дата обращения: 26.02.2025).

⁴ Таблица дополнена и исправлена по П. Беркман. Berkman, PA (2020b) Polar science diplomacy. In Scott, KN and Vander Zwaag, D (eds), Research Handbook on Polar Law. London: Edward Elgar, pp. 105–123[11].

Список источников

1. Sellheim N., Zaika Y. V., Kelman I. (Eds) Arctic Triumph: Northern Innovation and Persistence. Springer Nature Cham, Switzerland, 2019. — 206 p.
2. Николаев М. Е. Россия и третий Международный полярный год // Современная Европа. 2006. № 4 (28). С. 51–56.
3. Smithsonian at the poles: contributions to International Polar Year science / Igor Krupnik, Michael A. Lang, and Scott E. Miller, editors. Smithsonian Institution Scholarly Press ISBN 978-0-9788460-1-5 (pbk.: alk. paper) 2009 URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/GOVPUB-SI-PURL-LPS111698/pdf/GOVPUB-SI-PURL-LPS111698.pdf>
4. Парыгина Д. В. Международный полярный год: истоки, экспедиции, результаты (по материалам фонда Президентской библиотеки) // Полярные чтения – 2022. Международное сотрудничество в Арктике и Антарктике: история и современность: мат-лы X науч.-практ. конф. с междунар. участием. М.: Паулсен, 2023. С. 143–154.
5. Shabalina O. V., Kazakova K.S. Inter-academic cooperation in the Arctic during the 1898-1901 Swedish-Russian Arc-of-Meridian expedition: Based on materials from the Russian Academy of Sciences Archives // Polar Record. 2022. Vol. 58, No. 55. P. 14. DOI 10.1017/S0032247422000146.
6. Tammiksaar, E., Sukhova, N.G., Lüdecke, C. The International Polar Year 1882–1883. In: Barr, S., Lüdecke, C. (eds) The History of the International Polar Years (IPYs). From Pole to Pole. Springer, Berlin, Heidelberg. Springer, Berlin, Heidelberg. 2010. P. 7-33 2010. https://doi.org/10.1007/978-3-642-12402-0_2
7. Андриенко В. Г. Первые русские ледоколы // Полярные чтения на ледоколе «Красин». 2013–2014. Материалы международных научно-практических конференций (Санкт-Петербург, ледокол «Красин», 1 ноября 2013 г. и 29–30 апреля 2014 г.). М.: Издательство «Паулсен», 2015. С. 93–106.
8. Lüdecke, C., Lajus, J. The Second International Polar Year 1932–1933. In: Barr, S., Lüdecke, C. (eds) The History of the International Polar Years (IPYs). From Pole to Pole. Springer, Berlin, Heidelberg. 2010. P. 135-173 https://doi.org/10.1007/978-3-642-12402-0_6
9. Чилингаров А. Н., Бедрицкий А. И., Фролов И. Е., Данилов А. И., Дмитриев В. Г., Клепиков А. В. Результаты МПГ 2007/08 и их развитие // Проблемы Арктики и Антарктики. 2010. № 1(84). С. 26–41.
10. Глазьев С. Ю. Формирование новой институциональной системы в условиях смены доминирующих технологических укладов // Научные труды Вольного экономического общества России. 2015. № 1. С. 37–45.
11. Berkman, PA (2020b) Polar science diplomacy. In Scott, KN and Vander Zwaag, D (eds), Research Handbook on Polar Law. London: Edward Elgar, P. 105–123.
12. Глуздов Д. В. Философско-антропологический анализ противоречий развития искусственного интеллекта // Философская мысль. 2023. № 10. С. 106–123. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.10.40062.

References

1. Sellheim N., Zaika Y. V., Kelman I. (Eds) Arctic Triumph: Northern Innovation and Persistence. Springer Nature Cham, Switzerland, 2019. — 206 p.
2. Nikolaev M. E. Rossiya i tretiy Mezhdunarodny polyarniy god [Russia and the third International Polar Year]. Sovremennaya Evropa. 2006. № 4 (28). P. 51-56/ (In Russ.)
3. Smithsonian at the poles: contributions to International Polar Year science / Igor Krupnik, Michael A. Lang, and Scott E. Miller, editors. Smithsonian Institution Scholarly Press ISBN 978-0-9788460-1-5. 2009 URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/GOVPUB-SI-PURL-LPS111698/pdf/GOVPUB-SI-PURL-LPS111698.pdf>
4. Parygina D. V. Mezhdunarodny polyarniy god: istoki, ekspeditsii, rezultaty (po materialam fonda Prezidentskoi biblioteki [International Polar Year: beginning, expeditions, results (by the materials from fund of Presidential Library). Polyarnie chteniya na ledokole Krasin [Polar Readings at the Krasin Icebreaker]. 2022. Moscow: Paulsen, 2023. P. 143-154(In Russ.)
5. Shabalina O. V., Kazakova K. S. Inter-academic cooperation in the Arctic during the 1898-1901 Swedish-Russian Arc-of-Meridian expedition: Based on materials from the Russian Academy of Sciences Archives // Polar Record. 2022. Vol. 58, No. 55. P. 14. DOI 10.1017/S0032247422000146.
6. Tammiksaar, E., Sukhova, N.G., Lüdecke, C. The International Polar Year 1882–1883. In: Barr, S., Luedecke, C. (eds) The History of the International Polar Years (IPYs). From Pole to Pole. Springer, Berlin, Heidelberg. 2010. P. 7-33 https://doi.org/10.1007/978-3-642-12402-0_2
7. Andrienko V. G. Pervie russkie ledokoly [First Russian icebreakers] // Polyarnie chteniya na ledokole Krasin [Polar Readings on the icebreaker “Krasin”. 2013-2014. Materials of international scientific conferences]. Moscow: Paulsen Publishing House, 2015. P. 93-106 (In Russ.)
8. Lüdecke, C., Lajus, J. The Second International Polar Year 1932–1933. In: Barr, S., Luedecke, C. (eds) The History of the International Polar Years (IPYs). From Pole to Pole. Springer, Berlin, Heidelberg. 2010. P. 135-173 https://doi.org/10.1007/978-3-642-12402-0_6
9. Chilingarov A. N., Bedritsky A. I., Frolov I. E., Danilov A. I., Dmitriev V. G., Klepikov A. V. Rezultaty MPG 2007/08 i ikh razvitie [Results of IPY 2007/08 and their development]. Problemy Arktiki i Antarktiki [Problems of Arctic and Antarctic]. № 1 (84), 2010. P. 26-41(In Russ.)
10. Glaziev S. Yu. Formirovanie novio institucionalnoy systemy v usloviakh smeny dominiruyuschikh tekhnologicheskikh ukладov [Formation of a new institutional system in the context of changing dominant technological modes]. Nauchnie Trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii [Scientific Proceedings of the Free Economic Society of Russia]. 2015. №1. P. 37-45(In Russ.)
11. Berkman, PA (2020b) Polar science diplomacy. In Scott, KN and Vander Zwaag, D (eds), Research Handbook on Polar Law. London: Edward Elgar, pp. 105–123.
12. Gluzdov D. V. Filosofsko-antropologicheskii analiz protivorechii razvitiya iskustvennogo intellekta [Philosophical and anthropological analysis of contradictions in the development of artificial intelligence]. Filosofskaya mysl' [Philosophical thought]. 2023. № 10. P. 106–123 DOI: 10.25136/2409–8728.2023.10.40062

Информация об авторе

Ю. В. Заика — старший научный сотрудник.

Information about the author

Y. V. Zaika — Senior Researcher.

Статья поступила в редакцию .01.03.2025; одобрена после рецензирования 15.04.2025; принята к публикации 20.04.2025.
The article was submitted 01.03.2025; approved after reviewing 15.04.2025; accepted for publication 20.04.2025.

Научная статья
УДК 091.5 : 069 : 55 (470.21)
doi:10.37614/2949-1185.2025.4.1.011

МЕМОРИАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС ГОРНОГО ИНЖЕНЕРА-ГЕОЛОГА В. И. НАМОЮШКО ИЗ СОБРАНИЯ МАУК «КОВДОРСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ»: ИЗУЧЕНИЕ, СОХРАНЕНИЕ, АКТУАЛИЗАЦИЯ

Елена Абуезидовна Бисаева

Ковдорский краеведческий музей, Ковдор, Россия, elena-bisaeva@mail.ru

Аннотация

Статья представляет собой обзор мемориального комплекса ветерана труда Мурманской геолого-разведочной экспедиции, участника Великой Отечественной войны Владислава Ивановича Намоюшко из собрания Ковдорского краеведческого музея. Ценность исследования заключается в изучении и представлении неопубликованной ранее ретроспективной документной информации в целях эффективного использования музейных фондов в интересах общества и исторической науки. Публикация представляет интерес для историков, исследователей-краеведов, архивных и музейных работников.

Ключевые слова:

В. И. Намоюшко, геолог, месторождение, экспедиция, Кольский полуостров, Монче-тундра, Ковдор, Ёна, история, краеведение, документы личного происхождения, персональный фонд, музейное собрание

Для цитирования:

Бисаева Е. А. Мемориальный комплекс горного инженера-геолога В. И. Намоюшко из собрания МАУК «Ковдорский краеведческий музей»: изучение, сохранение, актуализация // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2025. Т. 4, № 1. С. 108–120. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.1.011.

Original article

MEMORIAL COMPLEX OF MINING ENGINEER-GEOLOGIST V. I. NAMOYUSHKO FROM THE COLLECTION OF THE KOVDORSKY MUSEUM OF LOCAL LORE: STUDY, PRESERVATION, UPDATING

Elena A. Bisaeva

Kovdorsky Museum of Local Lore, Kovdor, Russia, elena-bisaeva@mail.ru

Abstract

The article is an overview of the memorial complex of Vladislav Ivanovich Namoyushko, a veteran of the Murmansk geological exploration expedition, a participant in the Great Patriotic War, from the collection of the Kovdorsky Museum of Local Lore. The value of the research lies in the study and presentation of previously unpublished retrospective documentary information in order to effectively use museum funds in the interests of society and historical science. The publication is of interest to historians, local history researchers, archivists and museum workers.

Keywords:

V. I. Namoyushko, geologist, deposit, expedition, Kola Peninsula, Monche-tundra, Kovdor, Yona, history, local lore, documents of personal origin, personal fund, museum collection

For citation:

Bisaeva E. A. Memorial complex of mining engineer-geologist V. I. Namoyushko from the collection of the Kovdorsky museum of local lore: study, preservation, updating // Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities. 2025. Vol. 4, No. 1. P. 108–120. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.1.011.

Введение

История и перспективы развития окраинных арктических территорий России — это и про исследование недр земли Кольской. А, значит, про людей — созидателей, геологов-первооткрывателей, первопроходцев.

В 1977 году в Мончегорске установлен монумент с емким и очень точным названием «Покорителям Монче-тундры» [1: 48] (рис. 1). Найденная ими руда, содержащая цветные металлы, стала в середине 30-х годов прошлого века определяющим моментом в принятии решения о строительстве комбината «Североникель». В этом есть и заслуга высококлассного горного инженера-геолога, ветерана труда Мурманской геологоразведочной экспедиции, участника Великой Отечественной войны Владислава Ивановича Намоюшко (рис. 2), 115 лет со дня рождения которого исполнилось 22 августа 2024 года. Это имя объединяет геологоразведочные работы в Заимандровских тундрах и Ковдорском массиве.

Рис. 1. Монумент «Покорителям Монче-тундры» (город Мончегорск). Из открытых источников

В. И. Намоюшко

Рис. 2. В. И. Намоюшко. КРКМ ОФ 3168/1 ПИ

Ковдорский краеведческий музей

Постоянная экспозиция «Геология и разведка Ковдорского (Ёнского) комплексного месторождения» создана в музее в 1988 году. Здесь представлены мемориальные вещи геологов К. М. Кошица, О. М. Римской-Корсаковой, В. И. Тернового, И. В. Белькова, А. И. Шалимова. Есть и комплекс В. И. Намоюшко (рис. 3). Значительную часть личного архива Владислава Ивановича передала в дар музею вдова геолога, Б. Е. Намоюшко.

Рис. 3. Мемориальный комплекс В. И. Намоюшко в постоянной экспозиции МАУК ККМ «Геология и разведка Ковдорского (Ёнского) комплексного месторождения» (фото Е. А. Бисаева)

Мне как специалисту учетно-хранительской службы МАУК ККМ к геологии не имеющей никакого отношения, интересно проследить профессиональный путь горного инженера-геолога с точки зрения изучения, сохранения и актуализации этих материалов. Де-юре все — из собраний как нашего, так и Мурманского областного краеведческого музеев. Структуризация экспонатов по типам фондов и видам предметов позволяет говорить о двух коллекциях.

Первая коллекция — историко-бытовая. В нее входят документы личного происхождения: билет военный АВ № 13344 (1938 год), удостоверение личности начальствующего состава Красной Армии (1942 год), книжка трудовая (1934–1970 годы), удостоверение о награждении знаком «Ветеран труда Мурманской геологоразведочной экспедиции» (1973 год), Почетные грамоты Мурманского обкома КПСС и облисполкома в связи с 25-летием КФАН СССР (1955 год), а также ЦК профсоюзов и Министерства геологоразведочных работ в связи с 50-летием Великой Октябрьской социалистической революции (1967 год); фотографии: «В. И. Намоюшко — начальник Ёнской ГРП в 1948–1950 гг.», «В. И. Намоюшко в период Великой Отечественной войны» и др., печатная продукция, предметы техники (угломерный прибор — компас горный № 33297).

Вторая коллекция — нумизматическая. Речь о фалеристике: медаль «За оборону Ленинграда», знак нагрудный «Ветеран труда Мурманской ГРЭ», значки «Отличный сапер», «25 лет Геологической службе», «200 лет Ленинградского горного института»¹.

История формирования мемориального комплекса В. И. Намоюшко

Все началось в 1989 году с обычного рукописного письма, отправленного 5 декабря из Ковдора по адресу: г. Ленинград, ул. Шевченко, дом 27/ 72, кв. 5, Намоюшко. Тогда Альбина Николаевна Каверина, комплектуя фондовое собрание, обратилась с просьбой к родным геолога о передаче на постоянное хранение предметов из семейного архива (в набранных текстах документов сохранены авторские орфография, пунктуация, написание имен собственных. — Е. Б.):

«Здравствуйте! Пишу без обращения и прошу меня за это извинить, так как не знаю ни имени, ни отчества.

Пишет Вам Каверина Альбина Николаевна - руководитель Ковдорского краеведческого музея. 2-го ноября 1989 г. открыт наш музей. В музее богатый материал о ленинградских геологах Кошице Константине Михайловиче, Римской-Корсаковой О. М., Терновом В. И.

Знаем, что Владислав Иванович работал в 40-41 годах в Ковдоре по железорудному месторождению.

Наш музей обращается к Вам с просьбой, если сохранились фотографии, документы, вещи Владислава Ивановича, то, пожалуйста, пришлите нам. Будем Вам благодарны. Мы думаем, что обязательно обо всех, кто работал по Ковдорскому месторождению, должны в Ковдоре знать. Мы уже ведём экскурсии в музей. И дети, и взрослые с большим интересом слушают о геологах.

Семья Кошица передала в музей очень много: фотографии, диплом, трудовую книжку, награды военные, диплом и медаль лауреата Сталинской премии, чернильный прибор и др. Также и семьи Ольги Михайловны и Владимира Ивановича.

Убедительно просим, всё что можно, пришлите всё, это будет дорого.

А так же напишите о Владимире Ивановиче, его биографию.

Может, сохранились отчёты о работе по Ковдору, карты?

Очень ждём ответа.

4.12.89 г.

А. Каверина (курсив — Е. Б.)»².

Переписка с родственниками геолога продолжилась и в следующем году. Из письма А. Н. Кавериной от 02.01.1990 г.:

«Здравствуйте! Опять пишу без обращения к Вам, очень неудобно мне, но вы не написали мне, как зовут Вас. Обязательно напишите, ладно?

Очень рады, что Вы откликнулись на нашу просьбу. Прислать всё можно посылкой.

Так посылали Ольга Викторовна - жена Владимира Ивановича и дочь Ольги Михайловны Римской-Корсаковой. А семья Кошица Константина Михайловича при личных встречах передавали в музей.

Много о них есть у нас - дипломы и медали Сталинской премии (Кошица К. М.), Ленинской премии (Тернового В. И.), боевые награды, диплом об окончании университета, фотографии, компас (О. М.),

именные часы (К. М.), его полевая сумка, чернильный прибор, много фотографий, отчёт (К. М.) об открытии месторождения (за 1934 г.) и др. (газеты тех лет).

Убедительно просим, всё, что можно, что найдёте возможным, прислать нам в музей. У нас есть одна фотография Владислава Ивановича (вместе с Михеичевым А. С.). Это Ольга Михайловна при жизни делала альбом «Ковдор. Страницы истории»³ (рис. 4, 5).

В.И. Намоюшко (справа) и А.С. Михеичев

Рис. 4. В. И. Намоюшко и А. С. Михеев. КРКМ ОФ 3168/ 1 ПИ

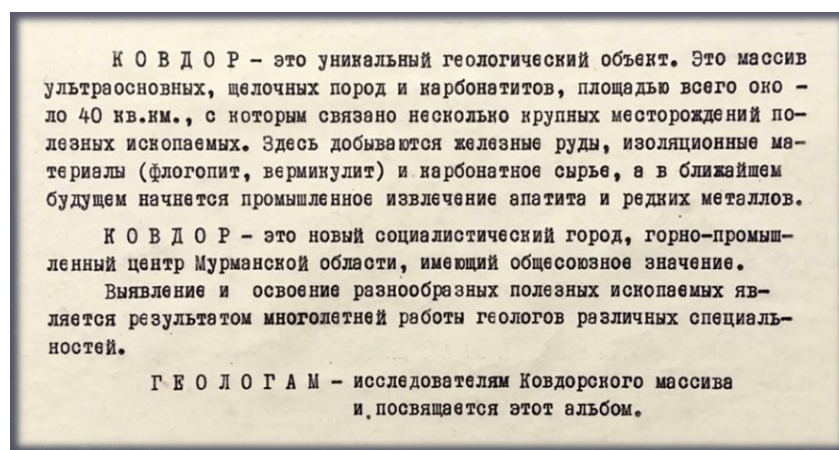

Рис. 5. Лист из фотоальбома «Ковдор. Страницы истории». МУК «Районный краеведческий музей» (далее — МУК РКМ). РКМ ОФ 610/КФ 178

Когда веду экскурсии, говорю, что после открытия Кошицем месторождения, в 40-41 гг. работали по этому месторождению В. И. Намоюшко и Михеичев А. С. Кстати, не знаете ли Вы о нём что либо? Где он, откуда, может родственники где есть?

Просьба к Вам будет и такая - напишите о Владиславе Ивановиче поподробнее. Хочется обо всех геологах знать и иметь в музее о них всё, что возможно.

Музей наш молодой, только получили статус музея, были на общественных началах (не помню, может я уже писала об этом в первом письме). Экскурсии уже идут у нас, даже из Кандалакии

приезжают. Как оформим всё окончательно, если будет у Вас возможность, приезжайте к нам. Прошлый год были у нас дочери Константина Михайловича.

До свидания. С искренним уважением Альбина Николаевна (курсив — Е. Б.)»⁴.

Всего через заведующую Ковдорским отделом Мурманского областного краеведческого музея (до 2000 года — Е. Б.) А. Н. Каверину по АП от 30 мая 1990 года № 7579 в постоянное пользование принят 51 предмет музейного значения:

«Здравствуйте, уважаемые Берта Ефимовна и Елена Владиславовна! Из всего, что Вы прислали, я отобрала для постановки в фонды всё, что включила в акты, остальное пойдёт в архив музея. Может, выслать назад?

Акты оформила на Вас, Елена Владиславовна, знаю, что маме уже трудно отправлять, так что простите меня, если не так что сделала» (курсив — Е. Б.)⁵.

Дополнение мемориального комплекса

В 2023 году мемориальный комплекс Намоюшко пополнился новыми материалами. Их передала в дар музею его младшая дочь, Елена Владиславовна, проживающая в Санкт-Петербурге (всего 135 ед. хр.). Процесс цифровизации и первичного учета подлинников позади. На очереди — принятие в фонды, использование уникального архива в качестве документальной базы для научных и учебных исследований, подготовки докладов/публикаций/презентаций/выставок.

Общая типологизация документальных (рукописных и машинописных) материалов 1940–1990-х годов такова: автобиографии/характеристики (гражданские, воинские), доверенности/разрешения, приглашения, приказы/выписки из приказов, телеграммы, справки, расписки, пропуска, трудовые договоры/личные листки по учету кадров/анкетные листы, удостоверения, ученые труды и отзывы на них, личная и рабочая переписка (рис. 6).

Рис. 6. Часть экспонатов мемориального комплекса В. И. Намоюшко из собрания МАУК «Ковдорский краеведческий музей» (фото Е.А. Бисаевой)

Из ретроспективных документов становится понятно, каким образом заполярные «страницы» (разделенные на два периода: до- и послевоенный) появились в биографии Намоюшко. В данной статье последовательно проанализированы 23 письменных источника.

1909–1930 годы

Логично начать изучение поступивших материалов с рукописной автобиографии (при передаче текстов этого и последующих документов сохранены авторские орфография, пунктуация и написание топонимов — Е. Б.):

«Родился я в 1909 году в небольшом уездном городке бывш. Самарской губ. Новоузенске.

Отец мой из крестьянской семьи. Оставшись в раннем детстве сиротой, он сначала работал в батраках, затем самостоятельно занимался крестьянством и в последние годы своей жизни, не отрываясь от крестьянства, служил на складе сельскохозяйственных машин. Умер в 1909 году.

Семья наша состояла из девяти человек, поэтому мать занималась домашним хозяйством. В 1922 году мать умерла, после чего я и две мои сестрёнки были определены Отделом народного образования в детский дом в Новоузенске. В детском доме я занимался в школе, а в летней период работал в летней колонии.

В 1925 году был переведён, для продолжения учёбы, в детский дом в г. Сызрань, где и закончил среднюю школу в 1927 г. До 1929 г. работал учеником слесаря в учебно-промышленных мастерских, а по вечерам занимался на курсах иностранных языков, куда был направлен обкомом комсомола. В 1929 году поступил в Ленинградский горный институт, который и окончил в 1934 году (по специальности «Геологическая съёмка и поиски».⁶ — Е. Б.) и Наркомтяжромом был направлен на постоянную работу в Ленинградское геологическое управление. В 1936 году был зачислен в число аспирантов Ленинградского горного института по кафедре петрографии (курсив — Е. Б.)⁷.

«В пору студенческих практик были и скалы Памира, где Владислав понял, что романтическая страсть к разгадыванию тайн недр должна сочетаться с твёрдым характером, упорством, терпением, а главное, — выдержкой. И он выработал такой характер в себе. После Памира молодой геолог очутился в Забайкалье, и тут, в долинах таёжных рек, увлёкся золотоносными песками. По крутым обрывам, по звериным тропам добирался он до истоков рек и здесь искал золото, искал и находил.

На последнем курсе института Намоюшко уже был зрелым геологом. Коренастый, с потемневшим от ветра и солнца лицом, он познал недра земли не только по учебникам, а научился читать увлекательную книгу природы.

В 1933 году, перед окончанием Ленинградского горного института, Владислав Иванович избирает тему дипломной работы: «Основные и ультраосновные породы Мончегундры и связанные с ними медно-никелевые месторождения». И в качестве прораба принимает участие в первой геологической экспедиции, посланной Сергеем Мироновичем Кировым вглубь Кольского полуострова» [2: 2].

Вот как позднее он сам писал об этом: «В большинство горнорудных предприятий, действующих на Кольском полуострове, вложена частица и моего труда. Работал главным образом в должности начальника и главного геолога экспедиций.

Я начал работать в Заполярье в 1933 году, когда в составе комсомольской геолого-поисковой партии принял участие в поисках медно-никелевых месторождений в Монче-тундре, где в настоящее время действует комбинат «Североникель» (курсив — Е. Б.)⁸.

«Медно-никелевая руда была найдена в горах с непонятными саамскими названиями Кончуайвенч, Ньюдайвенч... <...> Под ударами молотка откалывалась порода, покрытая ржавым налётом и блестящими зёрнами. <...> Но — сколько её, какого эта порода качества, каким методом лучше отделить ценный металл от ненужных примесей? Горы сделались предметом тщательнейших исследований. Признаки руды были обнаружены по обоим их склонам. Намоюшко задумался: не значит ли это, что в глубине под массивом скал таятся рудоносные чащи? Он написал об этом своему учителю Александру Алексеевичу Полканову. И академик ответил: “Мысль замечательная, дерзайте, ищите!...”

...Бурильные станки врезались в недра и оттуда извлекли на поверхность маленькие кусочки бесценного сокровища, спрятанного в глубинах. Догадка молодого исследователя оправдалась.

Так, в 1934 году ленинградский студент блистательно защитил диплом на звание горного инженера. А вскоре страна узнала о строительстве грандиозного никелевого комбината в далёкой тундре за Полярным кругом.

Множество раз отправлялся после этого в экспедиции на Север Владислав Иванович. Он разведывал здесь минералы, которые в обилии таил в себе край, не зря прозванный Монче-тундрой, что значит по-саамски — красивая тундра» [2: 2].

1940–1941 годы

«Наконец, в 1940 г., Ленинградское Геологическое управление получило ответственное правительственное задание в течение двух лет произвести детальную разведку Ёнского месторождения по промышленным категориям со значительным объёмом буровых работ, а также составить геологическую карту рудного тела в масштабе 1:1000, произвести топографическую и геологическую съёмку в окружающем районе в масштабе 1:25000, выполнить гидрогеологические исследования и таким образом подготовить все необходимые материалы для проектирования рудника и промышленного посёлка.

В связи с этим заданием была организована Ёнская комплексная геолого-разведочная экспедиция и её начальником назначили Д. В. Шифрина, питомца Ленинградского Горного института, одного из первооткрывателей Заимандровской группы железорудных месторождений. Основная часть

экспедиции занималась разведкой на железорудном месторождении, а для изучения окружающего района был создан геолого-поисковый отряд. Заброска снаряжения, оборудования и продуктов началась ещё зимой. В связи с развернувшимся к этому времени строительством железнодорожной ветки от ст. Пинозеро, появилась грунтовая дорога и стали возможны перевозки грузов от Уполокши на автомашинах. Также начали использоваться самолёты — маленькие гидропланы Ш-2 грузоподъёмностью до 200 кг.

Экспедиция разместилась на северном берегу Ковдор-озера в палатках и нескольких бараках... <...> Около г. Железородной, неподалёку от посёлка пограничников, расположились кернохранилище и мехмастерские. <...> ... главным геологом был В. И. Намоюшко⁹.

“Геолог НАМОЮШКО, Владислав Иванович рождения 1909 года в ближайшее время командировается на Кольский п/о для выполнения правительственного задания по разведке железорудных месторождений”¹⁰ (рис. 7).

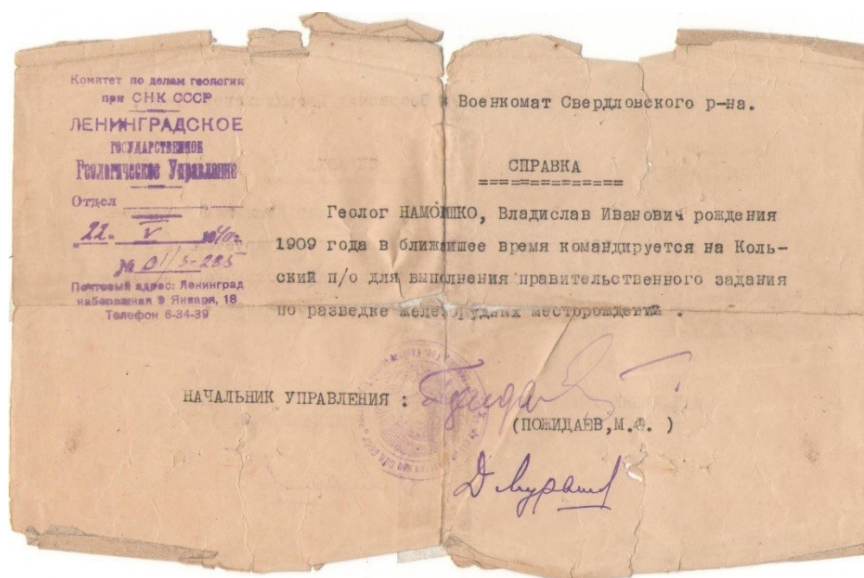

Рис. 7. Документ (подлинник) из собрания МАУК «Ковдорский краеведческий музей». КKM BX 1296/ 33

И снова — отсылка к автобиографии: «<...> Весь кандидатский минимум был сдан мною с отличной оценкой, но диссертацию не защищал, т.к. имел намерение обработать обширный материал, полученный мною при работе на Ёнском железорудном месторождении Кольского полуострова. Подготовленная, в основном, диссертация погибла во время войны. Будучи аспирантом, одновременно преподавал петрографию в течение 2-х лет в Горном институте (курсив — Е. Б.)» (7: 1).

«Здесь, среди топких болот, где не найти и оленьей тропы, нужно было мужество не меньшее, чем когда-то на Памире. Увлечённый поисками, Намоюшко один, захватив с собой лишь геологический молоток и компас, да немного еды, уходил на целые дни в разведку» [2: 2].

«Работа всё время шла очень напряжённо, ударными темпами. В связи с рядом организационных трудностей, разведка развернулась в полном объёме только в сентябре 1940 г., а между тем всю программу, включая подсчёт запасов, требовалось завершить к концу 1941 г. <...> Интересуясь ходом выполнения правительственного задания, осенью 1940 г. экспедицию посетил нарком геологии И. И. Малышев.

К началу 1941 г. Шифрин и Намоюшко составили промежуточный отчёт, в котором изложили основные результаты разведки и сделали подсчёт запасов железных руд на I/I-1941 г.» (9: 1). «<...> Охарактеризовали железорудное месторождение и отнесли его к инъекционно-метасоматическому типу» [3: 8]. Под руководством Владислава Ивановича была составлена детальная геологическая карта месторождения [4: 10].

«Великая Отечественная война застала меня в Ковдоре. А что такое Ковдор в то время? Это мы — руководство экспедиции, — а также 40 человек студентов Ленинградского университета. Мы

даже в шутку называли “Университетская набережная” наш посёлок, состоящий из нескольких палаток и бараков, расположившихся на берегу реки В. (Верхняя — Е. Б.) Ковдора.

Я тогда был назначен главным геологом экспедиции, начальником — Д. В. Шифрин, главным инженером — М. В. Романов. У меня было два основных помощника — это прораб по документации Я. Х. Еселев и прораб по оборудованию А. С. Михеичев.

Основным перевалочным пунктом оставался посёлок Ёна, куда на больших самолётах поступали грузы, в том числе и горюче-смазочные материалы для буровых вышек и машин экспедиции. Далее снаряжение и оборудование шло к нам волоком на лошадях или на волокушах. Мелкие грузы и почту доставляли непосредственно на озеро Ковдор (маленьким самолётом). Как-то в шутку мы с Михеичевым написали на фанерной дощечке, что здесь будет аэропорт будущего города, и прикрепили эту дощечку к дереву на берегу озера...

Железной дороги тогда ещё не было. К началу работ её не закончили. Рабочие поезда стали ходить позже. Торжественное открытие железной дороги намечалось на 22 июня 1941 года. Но, к сожалению, война перечеркнула все эти планы.

А в начале работ, в 1940 году, при наступлении холодов сразу же возникали трудности. Хорошо ещё, что восемь километров дороги для автомашин мы успели сделать до морозов и снежных заносов. Помню, кто с лопатой, кто с ломом, с песнями и комсомольским задором шли работники экспедиции на субботники.

Много забот в то время у нас было с обеспечением буровых вышек водой. Дело в том, что летний водопровод, не достигая вершины сопки, замерзал. А вышки находились именно там и на склонах. И вот, не помню, чья это идея, кажется, главного инженера М. В. Романова, поступило предложение, чтобы воду по утеплённому опилками жёлобу подавать на вершину горы. Там в контрольной будке предполагалось установить большую цистерну. Вода в ней подогревалась и далее самотёком подавалась к местам потребления. Осуществлялась эта идея опять-таки в порядке субботников» [5: 2].

«Узнав от пограничников о начале войны с немецко-фашистскими захватчиками, мы вначале не очень встревожились. Жизнь шла своим чередом. Однако вскоре те из нас, кто имел призывной возраст, отправились в посёлок Ёнский на призывной пункт. Здесь большую часть взяли сразу, а меня отправили обратно, так как я имел бронь, и мне сказали, что в Москве лучше знают, кого брать. Так я остался в Ковдоре.

Потом мы неоднократно запрашивали своё управление, как нам быть, но ответа не получали. Вскоре В. Д. Шифрин выехал в Мурманск, в обком партии, чтобы решить этот вопрос. Я остался за начальника экспедиции.

Через несколько дней мы получили указание, чтобы основные материалы и оборудование, а также взрывчатку мы вывезли в Ленинград, а остальное оборудование зарыли в шурфах. Весь день и ночь мы грузили вагон, а под утро я прямо на мешках прилёг отдохнуть. Было ветрено и, по-видимому, меня прохватило ветром. Началось воспаление среднего уха. Но заниматься лечением было некогда. Вместе с вывозимым оборудованием и материалами мы выехали в Ленинград» [6: 2]. Разведка Ёно-Ковдорского железорудного месторождения так и осталась незавершённой... Вернувшись в Ленинград, и начальники, и рядовые сотрудники Ёнской экспедиции ушли на фронт, кто по мобилизации, кто добровольцем — в народное ополчение [7: 3].

1941–1945 годы

«В 1941 году добровольцем вступил в ряды Красной армии. Вначале был послан, по решению партийной организации, политбойцом в армию, действовавшую в районе Невской Дубровки Ленинградского фронта, позднее был назначен командиром отдельной части инженерных войск.

В 1945-ом, по окончании войны, по ходатайству Комитета по делам геологии при СНХ СССР, был демобилизован и направлен для работы на прежнее место.

<...> За время пребывания на фронте награждён двумя орденами и двумя медалями (курсив — Е. Б.)» (7: 2). В том числе орденом Красного Знамени [8: 1].

1945–1948 годы

Новое дело ждало Владислава Ивановича в Ленинграде. На Кольском полуострове начатые им изыскания продолжили другие геологи, а его отправили в новые малоисследованные края — в южную Карелию [2: 2]. Там Комитет по делам геологии при Совнаркоме ССР уже летом 1945 года начал крупные поисковые работы на территории Карело-Финской ССР. Для поисков железных руд Ленинградским государственным геологическим управлением была создана комплексная Карельская железорудная экспедиция (<...>, старший геолог В. И. Намоюшко) [9: 2].

Из почти нечитательной расписки 1946 года: *«Выдана настоящая главному геологу Карельской железорудной экспедиции т. Намоюшко В. И. в том, что я, Еселев Я. Х., получил от него*

для Гимольского поисково-разведочного отряда карты масштаба 1:100000... (курсив — Е. Б.)»¹¹
(Я. Еселев — начальник Гимольской горнобуровой партии. — Е. Б.).

1948–1980 годы

И снова Кольский полуостров.

В 1948 году на Ёно-Ковдорском железорудном месторождении начался новый этап разведки. Заработали буровые станки, с кайлами и лопатами появились проходчики канав и шурфов. На три года здесь вновь поселилась Ёнская экспедиция Ленинградского геологического управления, получившая задание завершить геологоразведочные работы, прерванные войной, и увеличить запасы железных руд бурением более глубоких скважин (до 200–250 м). Требовалось также пройти дополнительные горные выработки в пределах главного рудного тела, отобрать пробы для обогащения, провести гидрогеологические исследования, уточнить геологические карты, продолжить поиски рудных залежей.

<...> Начальником экспедиции теперь был Владислав Иванович Намоюшко¹².

Из приказа по Ленинградскому государственному геологическому управлению от 12 февраля 1949 года № 35: «И. Директора Геологической службы III ранга тов. НАМОЮШКО В. И. назначить на должность начальника Ёнской геолого-разведочной железорудной экспедиции с окладом в Ленинграде — 1450 руб., в поле 2000 руб. в месяц. 2. Возложить на тов. НАМОЮШКО В. И. с 12 февраля сего года руководство по составлению проекта и сметы на разведочные работы железорудного месторождения»¹³.

Доверенность, выданная сроком по 31 декабря 1950 года, уполномочивала его, начальника ЁГЭ № 5, «... в том, что ему доверяется в порядке единоначалия осуществлять техническое и административно-хозяйственное руководство работами и аппаратом вышеуказанной экспедиции, в пределах утвержденного плана работ, сметы и плана финансирования, для чего ему предоставляется право от имени Северо-Западного Геологического Управления совершать следующие действия...»¹⁴.

«Под моим руководством от начала до конца проводилась разведка Ковдорского железорудного месторождения. Мною оно было передано в эксплуатацию промышленности. На базе этого месторождения работает Ковдорский ГОК (курсив — Е. Б.)» (8: 1).

После защиты отчета и утверждения новых запасов месторождения В. И. Намоюшко перешел на разведку медно-никелевых руд (так пишет О. М. Римская-Корсакова 20 ноября 1979 года — Е. Б.) [10: 28]. Однако, согласно выписке из приказа по Северо-Западному Геологическому Управлению об организации Приладожской экспедиции 1951 года, оказывается следующее: «Назначить с 1 июня 1951 г. начальником экспедиции тов. НАМОЮШКО ВЛАДИСЛАВА ИВАНОВИЧА с окладом 2100 руб. в месяц»¹⁵. Итак, 1951-й — Карелия.

Затем: «<...> В 19... мною проводилась геологическая съёмка и поиски апатитовых месторождений на одном из участков Хибинского щелочного плутона, с которым связаны огромные месторождения апатита, на базе которых работает комбинат “Апатит”».

За период работы в должности главного геолога Печенгской экспедиции, под моим руководством были выявлены новые медно-никелевые месторождения - Промежуточное, Семилетка и Восток, кроме того произведена переоценка некоторых ранее известных месторождений.

Мною проводилась также разведка Ловозерского медно-никелевого месторождения.

На Воронье-тундровском редкометальном месторождении мною были заложены первые две буровые скважины» (8: 2).

Из воспоминаний М. М. Калинкина: «В ... 50-е годы В. И. Намоюшко работал главным геологом Кольской комплексной экспедиции № 6 (ККЭ-6), расположенной в Тик-губе (Кировского района Мурманской области. — Е. Б.). Затем с 1956 по 1967 г. (?) до пенсии ... возглавлял Печенгскую ГРЭ, работал в ней в качестве главного геолога, потом - начальника экспедиции.

Всю свою сознательную жизнь В. И. Намоюшко связал с поисками и разведкой медно-никелевых руд - важнейшего стратегического сырья.

Я впервые встретился с Владиславом Ивановичем в 1955 году, когда он был главным геологом ККЭ-6. Мы, студенты геофака Петрозаводского университета впервые приехали на производственную практику на Кольский п-в. Владислав Иванович встретил нас в своём обширном кабинете, на II этаже экспедиции вполне доброжелательно. Одобрил нас и распределил по геологическим партиям, проводившим

геологическую съёмку и поиски никеля м-ба 1:50 000 на территории Русской Лапландии. Для меня это было первое геологическое крещение (курсив — Е. Б.)»¹⁶.

О работе Намоюшко в ПГЭ в исследуемом мемориальном комплексе есть любопытный документ: «Предъявителю сего тов. Намоюшко Владиславу Ивановичу действительно предоставлен очередной отпуск на 42 рабочих дней с 12 августа по 28/ IX — 1983 г. По окончании отпуска тов. Намоюшко Владислав Иванович обязан возвратиться к месту работы в Печенгскую геологическую экспедицию СЗГУ, находящуюся в пос. Горном Печенгского р-на, Мурманской обл.»¹⁷.

Показательна и служебная переписка главного геолога В. Намоюшко с начальником Печенгской геологической экспедиции тов. Ю. Ф. Киселёвым: «Несмотря на ряд приказов по экспедиции и устных указаний начальникам и старшим геологам партий о своевременном вывозе керна со скважин и упорядочении его хранения, до сих пор этому вопросу не уделяется должного внимания в партиях.

Так, по Котсельваарской партии / по сведениям ст. геолога ХУСНУЯРОВА А. / в настоящее время не вывозится даже рудный керн с 10 скважин, подлежащий опробованию.

При проведении сокращения и ликвидации керна последний часто остаётся не захороненным. Особенно нетерпимое положение создано в кернохранилищах на Ждановке. Вместо захоронения сокращённого и ликвидированного керна / работы проводились геологом Паронян С. / последний растащен бульдозером по территории хранилища или свален в кучи.

Прошу обязать начальников партий незамедлительно навести порядок в хранении кернового материала. На Ждановском кернохранилище считаю необходимым восстановить охрану (курсив — Е. Б.)»¹⁸. Чётко, объективно, требовательно!

Профессиональный «вес» Владислава Ивановича в геологических кругах страны подтверждает характеристика на офицера запаса т. НАМОЮШКО Владислава Ивановича: «<...> За время работы в Ленинградском и Северо-Западном Геологическом Управлениях Министерства геологии СССР, т. Намоюшко проявил себя как разносторонне развитый специалист и хозяйственный руководитель. Хорошо знает методику разведки рудных месторождений, геолого-съёмочных и геолого-поисковых работ.

Экспедиции, руководимые т. Намоюшко, как правило, являлись передовыми и в системе Северо-Западного Геологического управления (СЗГУ) и отмечались премиями во Всесоюзном соревновании геологических организаций Министерства геологии СССР.

Отчёты по геолого-разведочным работам, составленные т. Намоюшко, в ВКЗ получали отличные оценки.

Т. Намоюшко дисциплинирован, идеологически выдержан, морально устойчив. Пользуется заслуженным авторитетом среди коллектива работников Управления <...>»¹⁹.

Этой характеристике вторит и отзыв канд. геол. мин. наук В. Г. Загородного на отчёт ст. геолога В. В. Намоюшко по теме «Инtruзивы ультраосновных и основных пород нижних горизонтов печенгской серии и их никеленосность»: «Рассматриваемый отчёт состоит из одного тома — 368 стр. машинописи с 64 рисунками и микрофотографиями, содержит 5 таблиц химических анализов и физических свойств горных пород. В текстовой части отчёта даны: введение, краткие сведения из истории изучения района, краткий геологический очерк Печенгского горно-рудного района, положение низких горизонтов печенгской серии в общей структуре синклиория, пространственное размещение инtruзивов ультраосновных и основных пород в нижних горизонтах печенгской серии, геолого-петрографическая характеристика и петрохимические особенности ультраосновных инtruзивов, никеленосность ультраосновных инtruзивов, основные выводы и заключение, список литературы.

Не останавливаясь подробно на рассмотрении введения и первых трёх глав, составленных в основном по литературным данным, следует лишь отметить, что автору, длительное время руководившему геологическими исследованиями в Печенгском районе, следовало бы более определённо выразить своё мнение по поводу схемы стратиграфии и структуры региона. Особенно это замечание относится к схеме стратиграфии, предложенной Э. А. Поляк и содержащей существенные недостатки. Главный из которых: несоответствие в ряде случаев географических названий, присвоенных свитам печенгской серии, месту их распространения и объёму, влечёт за собой неправильное понимание других особенностей серии. Правильное понимание структуры Печенги также тесно связано с вопросами локализации никеленосных инtruзий, являющемуся (так у В. Г. Загородного. — Е. Б.) чуть ли не главным в рассматриваемом отчёте.

Остальным главам отчёта следует отдать должное. В них подробно рассмотрено пространственное положение никеленосных инtruзивов, дана их геолого-петрографическая характеристика. На большом фактическом материале показана аналогия изученных инtruзивов с распространёнными в пределах

основного рудного поля Печенги. Показано сходство их минералогического состава и петрологических характеристик. Детально рассмотрено сульфидное медно-никелевое оруденение связанное с ними. Установлено, что ранее существовавшее представление о распространении никеленосных интрузивов лишь в пределах продуктивной полосы Печенги неверно. Также правильно показано, что локализация и размеры сульфидных медно-никелевых рудопроявлений не зависят от размеров и степени дифференциации никеленосных интрузий. <...>

В целом отчёт заслуживает хорошей оценки»²⁰.

А вот еще одно свидетельство компетентности геолога и признания его заслуг: «Карело-финская База Академии Наук СССР просит Вас принять участие в работе научной сессии геологического сектора. Намечающейся на 10–12 июня 1947 г. При этом весьма желательна была бы постановка Вашего доклада по железнодорожным сланцам Карелии (орфография сохранена — Е. Б.) <...>»²¹.

Сколько подобных этому было приглашений «поставить» доклад! Хотя, как помним, ученого звания у Владислава Ивановича не было.

Из анкетного листа явствует, что с 1977 года Намоюшко по совместительству был младшим научным сотрудником Карело-финской базы Академии наук СССР в Петрозаводске²², а также членом Экспертной комиссии секции рудных месторождений Научно-технического Совета Государственного производственного геологического комитета РСФСР по вопросу «Состояние изученности, направление и методика геологоразведочных работ на никель в районах Бурятской АССР»²³.

В октябре 1984 года, когда Намоюшко умер, бывшие коллеги, поддерживая вдову, прислали в Ленинград телеграмму: «ДОРОГАЯ БЕРТА ЕФИМОВНА КОЛЛЕКТИВ ПЕЧЕНГСКОЙ ГЕОЛОГОРАЗВЕДОЧНОЙ ПАРТИИ ВЫРАЖАЕТ ИСКРЕННЕ СОБОЛЕЗНОВАНИЕ ВАМ ВАШИМ РОДНЫМ И БЛИЗКИМ ПО ПОВОДУ БЕЗВРЕМЕННОЙ КОНЧИНЫ ВЛАДИСЛАВА ИВАНОВИЧА ТЧК ГЕОЛОГИ ПЕЧЕНГИ НАВСЕГДА СОХРАНЯТ ПАМЯТЬ О ВЛАДИСЛАВЕ ИВАНОВИЧЕ ТИРЕ НАШЕМ ТОВАРИЩЕ РУКОВОДИТЕЛЕ ГЕОЛОГЕ ЧЕЛОВЕКЕ = КОЛЛЕКТИВ ПЕЧЕНГСКОЙ ГРП -»²⁴.

Заключение

Впервые в историческом краеведении Мурманской области подготовлен содержательный аналитический обзор архивных материалов о разведчике уникальных геологических объектов СССР В. И. Намоюшко. Наряду с уже включенными во ФГИС «Госкаталог Музейного фонда Российской Федерации» МП, систематизированы и проанализированы ранее неопубликованные документы личного происхождения, управленческая и техническая документация, дана характеристика персонального фонда геолога, являющегося источником биографических сведений. Из них, в частности, становятся понятны функционал и должностные обязанности начальника экспедиции (от условий работы в районах Крайнего Севера до количества дней отпуска) и прочие фактические сведения.

На примере рассматриваемого мемориального комплекса выявлена также специфика геологического изучения Мурманской области как окраинной арктической территории нашей страны.

Список сокращений

КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза

ЦК КПСС — Центральный комитет КПСС

СССР — Союз Советских Социалистических Республик

ССР — Советская Социалистическая Республика

РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

АССР — Автономная Советская Социалистическая Республика

КФАН СССР — Кольский филиал Академии наук СССР

МАУК ККМ — Муниципальное автономное учреждение культуры «Ковдорский краеведческий музей»

КРКМ — Ковдорский районный краеведческий музей

РКМ — районный краеведческий музей

АП — акт приема

ОФ — основной фонд (музейного собрания)

КФ — кинофотодокументы (группа хранения)

ПИ — письменные источники (группа хранения)

ВКЗ — Всесоюзная комиссия по запасам полезных ископаемых

СНХ — Совнархоз, Совет народного хозяйства

Совнарком — Совет Народных Комиссаров
ГРП — геологоразведочная партия
ГРЭ — геологоразведочная экспедиция
Наркомтяжпром — Народный комиссариат тяжелой промышленности
ЁГЭ № 5 — Ёнская геологическая экспедиция № 5
ККЭ-6 — Кольская комплексная экспедиция № 6
ПГЭ — Печенгская геологическая экспедиция
ФГИС — Федеральная государственная информационная система
МП — музейный предмет

Примечания

- ¹ МАУК «Ковдорский краеведческий музей» (далее — МАУК ККМ). Охранно-топографическое описание мемориального комплекса В. И. Намоюшко в экспозиции «Геология и разведка Ковдорского (Ёнского) комплексного месторождения» от 01.02.2011 г.
- ² Временное (дофондовое) хранение (далее — ВХ). Письмо рукописное А. Н. Кавериной от 04.12.1989 родным В. И. Намоюшко в Ленинград. ККМ ВХ 1296/ 131.
- ³ МУК «Районный краеведческий музей» (далее — МУК РКМ). Основной фонд (далее — ОФ). Фотоальбом «Ковдор. Страницы истории». Автор-составитель — О. М. Римская-Корсакова. РКМ ОФ 610/ КФ 178.
- ⁴ Письмо рукописное А. Н. Кавериной от 02.01.1990 г. родным В. И. Намоюшко в Ленинград. ККМ ВХ 1296/135.
- ⁵ Письмо рукописное А. Н. Кавериной (?) родным В. И. Намоюшко в Ленинград. ККМ ВХ 1296/134.
- ⁶ Удостоверение о выдаче взамен утраченного диплома № 190 на имя В. И. Намоюшко. Машинописный текст. Копия от 11 декабря 1946 г. ККМ ВХ 1296/25.
- ⁷ Автобиография В. И. Намоюшко. Рукописный текст на одном листе. Без даты. Без подписи. ККМ ВХ 1296/26. В дальнейшем ссылки на текст приводятся в статье по этому документу после цитат в круглых скобках (7: 1), (7: 2) и т. д.
- ⁸ Ходатайство в бюро партийной организации КПСС Котсельваарской ГРП от члена КПСС с 1942 г. В. И. Намоюшко об установлении персональной пенсии. Рукописный текст на одном листе. Без подписи. Без даты. ККМ ВХ 1296/19. В дальнейшем ссылки на текст приводятся в статье по этому документу после цитат в круглых скобках (8: 1), (8: 2) и т. д.
- ⁹ Очерк 2. «Накануне войны». Автор — О. М. Римская-Корсакова. 12/V-79, г. Ленинград. Машинописный текст. РКМ ОФ 678 ПИ 362. С. 2–3, 6–7. В дальнейшем ссылки на текст приводятся в статье по этому документу после цитат в круглых скобках (9: 1), (9: 2) и т. д.
- ¹⁰ Справка в Военкомат Свердловского р-на от 22.V.1940 г. № 01 (?)/3-23(?)5. Машинописный текст. ККМ ВХ 1296/33.
- ¹¹ Расписка рукописная Я. Х. Еселева от 11.4.46 г. ККМ ВХ 1296/35.
- ¹² Очерк 4. «Подготовка». Автор — О. М. Римская-Корсакова. 20/XI-79. Машинописный текст. РКМ ОФ 680 ПИ 364. С. 1.
- ¹³ Приказ по Ленинградскому Государственному Геологическому Управлению от 12 февраля 1949 года № 35. Машинописный текст. ККМ ВХ 1296/52.
- ¹⁴ Доверенность на имя тов. Намоюшко Владислава Ивановича, начальника Ёнской геологической экспедиции № 5. Машинописный текст. ККМ ВХ 1296/47.
- ¹⁵ Выписка из приказа по Северо-Западному Геологическому Управлению от 19 мая 1951 г. № 81-к. Машинописный текст. ККМ ВХ 1296/32-1.
- ¹⁶ Документ «КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ о трудовой деятельности Владислава Ивановича Намоюшко в системе «СЗГУ — Севзапгеология» от 20.04.99 г. за подписью ведущего геолога М. М. Калинкина. Компьютерный текст на 1 листе. ККМ ВХ 1296/23.
- ¹⁷ Удостоверение отпускное от 12 августа 1963 г. за подписью и. о. начальника Печенгской экспедиции. Подпись неразборчива. Типографский банк (?). ККМ ВХ 1296/14.
- ¹⁸ Записка служебная (?) главного геолога Печенгской экспедиции В. Намоюшко от 10.VIII.63 г. Машинописный текст на 1 листе. ККМ ВХ 1296/15.
- ¹⁹ Характеристика на офицера запаса НАМОЮШКО Владислава Ивановича за подписью нач. Лен. Камеральной группы Северо-Западного Геологического Управления. Подпись неразборчива. Без даты. Машинописный текст на 1 листе. ККМ ВХ 1296/24.

²⁰ Отзыв канд. геол. мин. наук Загородного В. Г. на отчет ст. геолога В. В. Намоюшко по теме «Интрузивы ультраосновных и основных пород нижних горизонтов печенгской серии и их никеленосность». Машинописный текст на 2 листах. Без даты. Подпись. КKM BX 1296/5.

²¹ Телеграмма геологу НАМОЮШКО от 25 апреля 1947 г. № 241. Подпись неразборчива. Машинописный текст. КKM BX 1296/ 28.

²² Лист анкетный мл. научного сотрудника Карело-финской базы Академии Наук СССР Намоюшко В. И. Без даты. Без подписи. На 5 л. В наличии — 1, 2, 5 л. Типографский бланк. КKM BX 1296/16.

²³ Приказ по Государственному производственному геологическому комитету РСФСР от 13 июля 1965 г. № 319. Машинописный текст на 2 листах. Без подписи. КKM BX 1296/48.

²⁴ Телеграмма из Никеля с соболезнованиями по поводу смерти В. И. Намоюшко от 30.10.84. Типографский бланк. КKM BX 1296/27.

Список источников

1. Киселёв А. А. На перекрестках памяти / А. А. Киселёв, А. С. Марченко, М. Г. Орешета. Мурманск: Книжное издательство, 1985. 208 с.
2. Итигин А. В поисках сокровищ / А. Итигин // Вечерний Ленинград. 1946. 1 апр. (№ 78(94)). С. 2.
3. Терновой В. И. Геология и разведка Ковдорского вермикулито-флогопитового месторождения / В. И. Терновой, Б. В. Афанасьев, Б. И. Сулимов. Л.: Недра, 1969. 288 с.
4. Римская-Корсакова О. М. Геология месторождений Ковдорского массива / О. М. Римская-Корсакова, Н. И. Краснова; под ред. Г. Ф. Анастасенко. СПб.: СПбГУ, 2002. 142. [2] с.
5. Намоюшко В. Как начинался Ковдор / В. Намоюшко // Знамя пятилетки. 1982. 2 сент. (№ 106). С. 2.
6. Намоюшко В. Как начинался Ковдор / В. Намоюшко // Знамя пятилетки. 1982. 7 сент. (№ 108). С. 2.
7. Римская-Корсакова О. М. 2. Накануне войны / О. М. Римская-Корсакова // Рудный Ковдор. 1979. 22 июня (№ 49–50). С. 3.
8. Награждение орденами и медалями Союза ССР (о награждении орденом Красной Звезды капитана НАМОЮШКО Владислава Ивановича) // Вперед за Родину! 1944. 14 апр. (№ 89). С. 1.
9. Еселев Я. Гимолы / Я. Еселев // Ленинское знамя. 1946. 2 окт. (№ 197). С. 2.
10. Симфония камня: к 100-летию О. М. Римской-Корсаковой. М., 2014. 71 с.

References

1. Kiselyov A. A. At the crossroads of memory / A. A. Kiselyov, A. S. Marchenko, M. G. Oresheta. Murmansk: Book Publishing House, 1985. 208 p.
2. Itigin A. In search of treasures / A. Itigin // Evening Leningrad. 1946. April 1 (No. 78(94)). S. 2.
3. Ternovoy V. I. Geology and exploration of the Kovdorsky vermiculite-phlogopite deposit / V. I. Ternovoy, B. V. Afanasyev, B. I. Sulimov. Leningrad: Nedra Publ., 1969. 288 p.
4. Rimskaya-Korsakova O. M. Geology of deposits of the Kovdorsky massif / O. M. Rimskaya-Korsakova, N. I. Krasnova; edited by G. F. Anastasenko. Saint Petersburg: St. Petersburg State University, 2002. 142, [2] p.
5. Namoyushko V. How Kovdor began / V. Namoyushko // Banner of the five-year plan. 1982. September 2. (No. 106). p. 2.
6. Namoyushko V. How Kovdor began / V. Namoyushko // Banner of the five-year plan. 1982. September 7. (No. 108). p. 2.
7. Rimskaya-Korsakova O. M. 2. On the eve of the war / O. M. Rimskaya-Korsakova // Rudny Kovdor. 1979. June 22 (No. 49–50). p. 3.
8. Awarding of orders and medals of the USSR (on awarding the Order of the Red Star to Captain NAMOYUSHKO Vladislav Ivanovich) // Forward for the Motherland! 1944. April 14 (No. 89). S. 1.
9. Yeselev Y. Gimoly / Ya. Yeselev // Lenin's banner. 1946. October 2 (No. 197). P. 2.
10. Symphony of stone: on the 100th anniversary of O. M. Rimskaya-Korsakova. Moscow, 2014. 71 p.

Информация об авторе

Е. А. Бисаева — специалист, главный хранитель фондов.

Information about the author

E. A. Bisaeva — specialist of the Kovdorsky Museum of Local Lore, chief curator of the funds.

Статья поступила в редакцию 28.02.2025; одобрена после рецензирования 19.03.2025; принята к публикации 20.04.2025.
The article was submitted 28.02.2025; approved after reviewing 19.03.2025; accepted for publication 20.04.2025.

Научная статья
УДК 94(47)«1920»(470.21):329.78
doi:10.37614/2949-1185.2025.4.1.012

**«ПЬЕСУ “БЕДНОСТЬ НЕ ПОРОК” СНЯТЬ С АНОНСА»:
ВОПРОСЫ МАТЕРИАЛЬНО-ДУХОВНОГО РАЗВИТИЯ МОЛОДЕЖИ СТАНЦИИ ИМАНДРА
В ПРОТОКОЛАХ ЗАСЕДАНИЙ ПЕРВИЧНОЙ ЯЧЕЙКИ РКСМ (АПРЕЛЬ – МАЙ 1920 ГОДА)**

Евгений Олегович Сушко

*Центр гуманитарных проблем Баренц региона Федерального исследовательского центра
«Кольский научный центр Российской академии наук», Апатиты, Россия, Eugene55611@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-0262-4856>*

Аннотация

Подготовленная публикация протоколов заседаний общего собрания и бюро первичной ячейки комсомольской организации железнодорожной станции Имандра весной 1920 года после окончания Гражданской войны под руководством Российского коммунистического союза молодежи (РКСМ) представляет ранее неизвестные источники для исследования процесса материально-духовного развития молодого поколения, реконструкции механизмов идеологической обработки и просветительской деятельности большевиков на окраинах Советской России, в частности, на территории Кольского полуострова у подножия Хибинского горного массива. Этот район в то время характеризовался малой плотностью населения и достаточно слабым уровнем развития как в экономической, так и в социально-культурной сферах. В результате анализа представленных источников возможно выявить специфику модернизационных процессов на Кольском полуострове в области идеологии и роль юношества в этой модернизации. Публикуемые протоколы отложились в фонде П467 Государственного архива Мурманской области.

Ключевые слова:

Север России, Хибины, комсомол, Гражданская война, культура

Благодарности:

статья выполнена в рамках темы НИР FMEZ-2024-0002 «Динамика социокультурного облика Кольского Севера в контекстах истории освоения арктического фронта России».

Для цитирования:

Сушко Е. О. «Пьесу “Бедность не порок” снять с анонса»: вопросы материально-духовного развития молодежи станции Имандра в протоколах заседаний первичной ячейки РКСМ (апрель – май 1920 года) // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2025. Т. 4, № 1. С. 121–132. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.1.012.

Original article

**“REMOVE THE PLAY «POVERTY IS NO VICE» FROM THE ANNOUNCEMENT”:
COMPREHENSIVE MATERIAL AND CULTURAL DEVELOPMENT OF YOUTH AT THE IMANDRA STATION
BASED ON RCUY MEETING PROTOCOLS (APRIL – MAY 1920)**

Eugene O. Sushko

*Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Apatity,
Russia, Eugene55661@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0262-4856>*

Abstract

The prepared publication of meeting minutes from the general meeting and bureau of the primary cell of the Komsomol organization at the Imandra railway station in spring 1920, after the end of the Civil War under the guidance of the Russian Communist Union of Youth (RCYU), presents previously unknown sources for research into the process of material and cultural development of the young generation, as well as for reconstruction of mechanisms of ideological processing and enlightenment activities of the Bolsheviks on the outskirts of Soviet Russia, particularly in the territory of the Kola Peninsula at the foot of the Khibiny Mountain range. This region at that time was characterized by low population density and a fairly weak level of development both economically and in socio-cultural spheres. Through analysis of these sources, it is possible to identify the specifics of modernization processes on the Kola Peninsula in the field of ideology and the role of youth in this modernization. The published protocols are stored in collection P467 of the State Archives of the Murmansk Region.

Keywords:

Russian North, Khibiny, komsomol, Russian Civil War, culture

Acknowledgments:

The article was prepared as part of the research project FMEZ-2024-0002 «The Dynamics of the sociocultural landscape in the Kola North within the contexts of Russia's Arctic frontier development history».

For citation:

Sushko E. O. “Remove the play «Poverty Is No Vice» from the Announcement”: Comprehensive material and cultural development of youth at the Imandra station based on RCUY meeting protocols (April-May 1920) // Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities. 2025. Vol. 4, No. 1. P. 121–132. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.1.012.

На протяжении долгого времени Великая Русская революция остается в центре внимания историков. Именно в период с 1905 по 1920 год в России случился коренной слом традиционных устоев в экономической, культурной и социально-политических сферах, наступил полный развал «старого порядка» и сложилась совершенно новая революционная государственно-политическая система на основе идей Карла Маркса, Фридриха Энгельса и их последователя — Владимира Ильича Ленина. На всей территории, охватывающей миллионы квадратных километров, развернулись кровопролитные сражения отдельных политических групп, армий и иностранных государств с вовлечением сотен тысяч людей.

Происходящие события, конечно, затронули все районы России, не стал исключением и Александровский уезд Архангельской губернии. Первоначально на Мурмане возникли советы в рамках буржуазно-демократической революции 1917 года [1: 24–25], была установлена советская власть в октябре 1917 года [1: 94–96]. С 1 июля 1918 года Мурман попал под контроль союзнических сил после свержения власти большевиков [2: 44–46] (в августе 1918 года произошло окончательное отторжение Архангельской губернии от Советской России [3: 80–81]). И, наконец, в августе – октябре 1918 была начата и завершена интеграция Мурманского края¹ в состав белогвардейской Северной области [4]. С лета 1918 года по февраль 1920 года конфликт, охвативший как весь Север, так и Мурман, развивался в сложных условиях английской, французской и американской интервенции, внутренних политических конфликтов, диверсий большевистских партизан и социально-экономического кризиса.

Завершение Гражданской войны на Мурмане было связано с несколькими событиями: окончательным выводом последних оккупационных иностранных сил с территории Кольского полуострова 13 октября 1919 года [5: 80] и ликвидации белого режима после восстания 21 февраля 1920 года в Мурманске [6: 195]. Таким образом, весной 1920 года на всей территории бывшего Александровского уезда Архангельской губернии была вновь установлена советская власть.

После этого на территории Мурмана началась охватывающая все сферы жизни реформаторская деятельность большевиков: проводилась ликвидация безграмотности, возрождалась деятельность профсоюзов, создавались партийные ячейки, были вновь организованы советы различных уровней. Все это делалось в первую очередь с целью укрепления северного форпоста советской власти, который должен был отразить вторжение «сил мирового капитала» в любой момент. Одну из главных ролей здесь играла Мурманская железная дорога со всеми многочисленными станциями, разъездами и полустанками. Как в населенных пунктах Мурмана, так и на железной дороге, требовалось не только обеспечить идеологический порядок, восстановить прежнюю советскую бюрократическую систему, но и заняться материальным и духовным развитием местного населения, так как без этого невозможно было бы дальнейшее возрождение окраинных территорий, разоренных Гражданской войной и интервенцией.

Не обошла вниманием советская власть и станцию Имандра. Расположена она на берегу одноименного озера и около вершины Малый Маннепахк, входящей в состав Хибинского горного массива с севера. Станция появилась в 1915 году [5: 11], когда на всей территории Александровского уезда шло строительство новой Мурманской железной дороги для обеспечения перемещение военных грузов для России из Франции и Великобритании — союзников по Антанте. Летом 1918 года она была взята под контроль интервентами. 21 февраля 1920 года на территории станции местными рабочими была восстановлена советская власть, вновь стал функционировать исполнительный комитет², а 13 марта того же года станция была официально занята РККА³.

В данной публикации представлены протоколы заседаний общего собрания и Бюро ячейки Российского коммунистического союза молодежи (РКСМ) станции Имандра за период с 20 апреля по 28 мая 1920 года, которые наглядно представляют комплекс вопросов, направленных на материально-духовное развитие проживавшей на железнодорожной станции Имандра советской молодежи, которые поднимались на этих заседаниях. Большая часть участников молодежной имандровской организации были работниками Мурманской железной дорог или связаны с ней. Свою роль в функционировании комсомольской ячейки играли: отсутствие необходимой ресурсной базы, малочисленность местного населения и отдаленность от крупных населенных пунктов. Несмотря на все эти трудности, советская организация поставила перед собой достаточно амбициозные цели в деле поддержки молодежи. Публикуемые протоколы подшиты в одном деле № 10 и отложились в фонде П467 «Мурманский уездный комитет РКСМ» Государственного архива Мурманской области (ГАМО).

Материально-духовное развитие представляет собой процесс гармоничного взаимодействия материальной и духовной культуры на благо отдельного индивида или всего общества. Это развитие

возможно, как на самостоятельном уровне (то есть саморазвитие), так и под влиянием других субъектов (государства, школ, институтов, политических партий, различных организаций). Под материальной культурой мы понимаем совокупность созданных человеком объектов различного технологического уровня (то есть осязаемый результат человеческой деятельности), которые служат средствами удовлетворения человеческих потребностей и отражают определенный уровень развития цивилизации. А под духовной культурой мы понимаем систему ценностей, идей, норм и традиций, а также совокупность нематериального творчества, которые формируют мировоззрение человека и всего общества, регулируют их поведение и обеспечивают развитие интеллектуально-нравственной сферы жизни.

Большевистскими властями ставилась не просто задача всестороннего классического материально-духовного развития молодежи в рамках мероприятий по модернизации, но и развития молодежи в соответствии с задачами новой идеологической системы, что требовало особых установок. Подобное происходило и на станции Имандра у подножья Хибинских гор. Тексты публикуемых протоколов заседаний ячейки молодежной организации помогают определить решение каких вопросов под руководством большевиков формировало на станции «интеллектуальную повестку» и обеспечивало первичную ячейку РКСМ технологическими средствами культурного значения.

При подготовке публикуемых материалов была сохранена авторская орфография и особенности форматирования текста, оставлена авторская терминология. Вместе с тем в некоторых случаях для удобства восприятия текста были внесены корректировки в пунктуацию и расположение текста, а также исправлена перестановка букв.

№1

Протокол организационного собрания станции Имандра о создании ячейки РКСМ
ст. Имандра *24 апреля 1920 года*

Протокол А1.
Организационного собрания Р.К.С.М. от 24 апреля 1920 года, ст. Имандра

На общее организационное собрание избран председателем тов. Соловьев, секретарем тов. Мирошников.

Повестка дня:

1. Текущий момент.
2. Выборы президиума (бюро) союза молодежи.
3. О выделении музыкально-вокального подотдела при союзе Молодежи.

СЛУШАЛИ:

ПОСТАНОВИЛИ:

Доклад ответственного Рагушина о текущем моменте. Организовать союз Молодежи.

О избрании организатора Союза Молодежи, а также
бюро союза. Организатором С.[оюза] М.[олодежи]
большинством голосов избран тов. Евсютенко,
председателем тов. Соловьёв, тов. председателя
Чуприк Ксения, секретарём Мирошников.

О выделении соответствующих лиц для работы
в музыкально-вокальном подотделе⁴. Режиссер тов. Соловьёв, организатор оркестра тов.
Мирошников, организатор хора пения тов. Чугунов.

Председатель Соловьев
Секретарь Мирошников

ГОКУ ГАМО. Ф. П467. Оп. 1. Д. 10. Л. 1. Копия. Рукопись.

№ 2

Протокол заседания Бюро ячейки РКСМ станции Имандра

ст. Имандра

10 мая 1920 года

Протокол №2

Заседание Бюро Союза молодежи от 10 мая 1920 года

Открыто заседание тов. Соловьевым в 21 час.

Повестка дня:

1. Устройство митинга во вторник 11 мая на тему: Ликвидация неграмотности в Советской России.
2. О найме сторожа при рабочем клубе.
3. Постановка спектакля в воскресенье 17 мая.
4. Текущие дела.

СЛУШАЛИ:

1. О выделении ораторов на митинг 11 мая.
 2. Заявление товарища Соловьёва о найме сторожа при рабочем клубе.
 3. О постановке спектакля 17 мая.
 4. Заявление товарища Евсютенко об устройстве вечера Союза молодежи.
- Заявление товарища Евсютенко о конфискованных вещах инж[енеров] Андропова и Вишнева.
- Заявление тов. Мирошнякова о неправильных выборах ревизионной комиссии.

ПОСТАНОВИЛИ:

1. Выделить 3 ораторов, тов. Евсютенко, Соловьёва и Кисилева высказаться на тему: Ликвидация неграмотности и малограмотности в Советской России⁵.
 2. После прений вопрос этот оставить открытым до выяснения.
 3. Устроить спектакль 17 мая, поставив пьесы: «Стрекоза и муравей»⁶ и «Роковой дебют»⁷. О чем предложить товарищу режиссёру озаботиться своевременно.
 4. Организовать вечерник 15 мая для устройства мостков и уборки вокруг здания клуба.
- Просить коллектив войти с ходатайством перед райполит[отделом] 5 о возвращении конфискованных вещей в союз молодёжи ст. Имандра, который в этих вещах очень нуждается. Члена ревизионной комиссии Делегойдину, т.к. она, состоя библиотечаршей, не может сама себя контролировать и <поэтому надо> заместить её кандидатом первым по счёту голосов.

Заседание закрыто в 23 часа

Председатель Соловьёв,
тов. Председателя Чуприн
Организатор Евсютенко

С подлинным верно: Секретарь Мирошников.
С копией верно: [подпись] Делопроизводитель: [подпись]

Мурманский Райполит[отдел] 5 № 471
14/V-20 г.

ГОКУ ГАМО. Ф. П467. Оп. 1. Д. 10. Л. 4-4 об. Копия. Машинопись. Подписи - автографы.

№ 3

Протокол общего собрания ячейки РКСМ станции Имандра

Ст. Имандра

Копия

Протокол №3

Общего собрания Коммунистического Союза Молодежи. На собрании присутствовало 21 членов. Под председательством товарища Комалеяева при секретаре Делегойдиной Лидии. Собрание открыто в 20 1/2 час[ов]⁸ <на> ст. Имандра.

Порядок дня:

1. Выборы ревизионной комиссии и ее права.
2. Уширение клуба.
3. Организация школы грамотности.
4. Об утверждении союза молодёжи.

СЛУШАЛИ:

1. Выборы ревизионной комиссии в количестве 3 членов и 3 заместителей.

2. Доклад тов. Соловьева и расширение клуба.

3. Об организации школы грамотности сделал доклад тов. Соловьёв, который пояснил о той возможности существовавшей школы для безграмотных, заканчивая свою речь следующими словами: «В Советской России не должно быть неграмотных, потому что в знании есть сила».

4. Об утверждении союза молодёжи.

ПОСТАНОВИЛИ:

Большинством голосов членами ревизионной комиссии избраны нижеследующия: тов. Сигавкина, тов. Лидия Делегойдина и тов. Анна Тягина. И их заместители: Острецов, Питеримов и Радиош.

Единогласно постановили ходатайствовать перед КЭР5 через Агитпросвет⁹ 5[-ого] района об отпуске материалов и исходатайствовании добавочного пайка для рабочих по достройке клуба за сверхурочные часы.

Единогласно постановили расклеить объявления на видных местах о записи в школу и открытии таковой 12 мая с. г. 11 мая в 8 часов вечер назначить митинг на тему о ликвидации безграмотности в Советск[ой] России. Учителем избран товарищ Слунский, в помощь которого будет назначен один из членов <Российского коммунистического> союза молодежи.

Единогласно постановили ходатайствовать перед Райполит[отделом] 5 об скорейшем утверждении <ячейки Российского> союза коммунистической молодёжи при станции Имандра, дабы не задерживать дальнейшую работу союза.

Текущие дела:

А. Чтением программы и устава Российского Коммунистического союза молодёжи сделал тов. Мирошников.

Б. О членских взносах с членов союза постановили брать вступительных 5 руб. и месячный 1 % с получаемого оклада содержания.

Председатель Комалеяев
Секретарь Делегойдина

Верно:

Делопроизводитель: райполита 5 [подпись]

ГОКУ ГАМО. Ф. П467. Оп. 1. Д. 10. Л. 5. Копия. Машинопись. Автограф.

№ 4

Протокол общего собрания ячейки РКСМ станции Имандра

ст. Имандра

22 мая 1920 года

ПРОТОКОЛ №4

Общего собрания членов союза молодежи при ст. Имандра от 22-ого мая 1920 года.

Собрание открыто в 22 часа 15 минут

ПОВЕСТКА ДНЯ:

1. О работе Бюро Союза [Молодежи].
2. О переноске гиган.
3. О школе грамотности.
4. Текущие дела.

СЛУШАЛИ:

1. Доклад товарища Мирошников о работе союза молодежи.

2. Доклад товарища Соловьёва о переноске гиган¹⁰.

3. Заявление товарища Соловьёва о разделении школы грамотности на две группы.

4 а. О воскреснике на 23 мая с.г.

4 б. Халатные отношение членов союза молодежи товар. Соловьёвой и Тягиной к членским своим обязанностям.

4 в. Оглашение и обсуждение протокола заседания Бюро коллектива № 1 от 21/V с.г.

4 г. О снятии председательства с товарища Соловьёва.

ПОСТАНОВИЛИ:

Попросить коллектив уступить занимаемое им помещение, подыскав себе другое, и поместить в это помещение секретаря, так как работа секретариата, библиотеки и читальни протекает очень плачевно.

Большинством голосов оставить гиганов на этом месте, на каком <ранее> они стояли.

Предоставить Бюро союза выбрать помощника товарищу Слунскому, который будет ему помогать в учении грамотными малограмотных, а также ходатайствовать об освобождении от прямых своих обязанностей, желающих обучаться по 2 часа ежедневно.

Принять участие в воскреснике и приветствовать такового.

Обсудив халатное отношение товарищей Соловьёвой и Тягиной, большинством <просим> вынести порицание товар. Соловьёвой и Тягиной и проси[м] женскую Секцию повлиять на этих товарищей.

Единогласно избрать товарища Кисилева представителем в коллективе.

Оставить этот вопрос открытым.

Председатель А. Сигавкин
Секретарь Мирошников

ПРИСУТСТВОВАЛИ:

П. Киселёв, А. Соловьёв, В. Плеханова, М. Чугунова, Л. Делегойдина, А. Исаева, Югансон, Репеньчук, Шилов, Манаев.

ГОКУ ГАМО. Ф. П467. Оп. 1. Д. 10. Л. 6. Копия. Машинопись.

№ 5

Протокол заседания Бюро ячейки РКСМ станции Имандра

ст. Имандра

25 мая 1920 года

Копия

Протокол № 3–й.

Заседание бюро коммунистического союза молодёжи при ст. Имандра от 25 мая 1920 года.

Присутствовали: товарищ Соловьёв, товарищ Мирошников и т. Киселёв.

Повестка дня:

- 1) О смете на второе полугодие 1920 года.
- 2) Устройство летнего сада.
- 3) Об очередных собраниях.
- 4) Текущие дела.

СЛУШАЛИ:

1) Заслушали возвратившагося из Мурманска тов. Фёдорова, из доклада которого выяснилось, что смету составить и послать на утверждение нужно в полном объёме по всем работам, которые намечены к исполнению в 1920-ом году.

На основании сказанного председатель союза докладывает, что им сделана смета только к тому проекту, какой он подал на уширение театрального зала согласно просьбы организатора, товарища Евсютенко.

2) Доклад т. Соловьёва о необходимости летнем саде и гимнастическом городском¹¹ и театром.

3) Об очередных общих собраниях и заседаниях бюро.

4) <От> библиотекаря словесное заявление о снятии обязанности таковой с тов. Делегойдиной.

5) Согласно высказанного предложений на последнем общем собрании тов. Мирошников вносит предложение об отводе бесплатных мест.

Заседание закрывает

Председатель Соловьёв
Товарищ Председателя Чуприн
Секретарь Мирошников
Член Киселёв

ПОСТАНОВИЛИ:

Просить товар. Соловьёва сделать такую смену на 2-е полугодие 1920 года, включив сюда устройство летнего сада. Его содержание и все расходы какие могут произойти по проведению в жизнь намеченных вопросов по внешкольному образованию и передать их едущему товарищу Иванову в Петроград.

2) В субботу устроить митинг

на тему о летних садах, детских площадках¹² и летнего спорта в воскресник 30-ого V.

Устроить воскресник «Закладка летнего сада» с древонасаждением. Коллектив П.Я.Т. просит оказать свое содействие, тов. Соловьёву поручить разбивку и технический надзор за устройством летнего сада.

3) Очередные общие собрания назначать аккуратно каждого 5ого числа, а заседания бюро <проводить> 2 раза в неделю по понедельникам и пятницам; для продуктивности и успешности работ в бюро необходимо дополнить пятого члена бюро от общего собрания.

4) Удовлетворить просьбу тов. Делегойдиной и возложить обязанности библиотекаря на товар. Зубарева.

5) Отвести два ряда бесплатных мест для членов союза молодёжи пятый и шестой ряды полностью.

ГОКУ ГАМО. Ф. П467. Оп. 1. Д. 10. Л. 2-2 об. Копия. Машинопись.

№ 6

Протокол заседания Бюро ячейки РКСМ станции Имандра

ст. Имандра

28 мая 1920 года

Протокол №4-й

копия
Дело №3

Заседание бюро союза молодёжи от 28 мая 1920 года

Присутствовали: товарищ Соловьёв, т. Яковлев и кооптированный¹³ член союза т. Югансон.

Повестка дня:

- а) Устройство митинга 1 го июня.
- б) Постановка спектакля на 6-е июня.
- в) Библиотека и читальня.
- г) Текущие дела.

СЛУШАЛИ:

ПОСТАНОВИЛИ:

а) Заявление т. Соловьёва об отпадании митинга и проведения агитации с выпуском летучки ¹⁴ .	В виду отпадания митинга провести агитацию среди рабочих относительно Воскресника ¹⁵ с выпуском летучки. Агитаторами назначен товарищ Югансон, т. Евсютенко, Киселев, Артинин, Бурченко, Капитонов.
б) Режиссёр предлагал постановку «Бедность не порок» ¹⁶ ввиду малочисленности женских сил отменить, наметив что-либо другое.	Пьесу «Бедность не порок» снять с анонса и наметить к постановке на 6 июня пьесу «Каторжник» или «Женатый Мефистофель» ¹⁷ .

Председатель
секретарь
члены

ГОКУ ГАМО. Ф. П467. Оп. 1. Д. 10. Л. 3. Копия. Машинопись.

Список сокращений

Агитпросвет — агитационно-просветительский отдел
ГОКУ ГАМО — Государственное областное казенное учреждение «Государственный архив Мурманской области»
Ликбез — ликвидация безграмотности
Райполитотдел — районный политический железнодорожный отдел
РКСМ — Российский коммунистический союз молодежи
С. г. — сего года
Ст. — станция
Тов., т. — товарищ

Примечания

¹ Здесь под Мурманским краем понимается особое территориальное образование, объединявшее в себе Александровский уезд и часть Кемского уезда с 2 мая по 12 сентября 1918 года. Первоначально Мурманский край возник в качестве новой обособленной территории Советской России, когда территория Мурмана и некоторые районы Карелии благодаря согласию Совета Народных Комиссаров и В. И. Ленина прекратила быть в подчинении у властей Архангельска. Хотя новая административная единица не была даже автономной, излишняя самостоятельность мурманских властей сразу же привела к конфликту с архангельскими большевиками. После того, как в начале июля 1918 года мурманские большевики были свергнуты, край стал

де-факто особым государственным образованием с неясным статусом. После появления Северной области 2 августа Мурманский край вошел в ее состав 8 августа на правах автономии, 15 сентября автономия была ликвидирована с окончательным присоединением к Северной области.

² Борьба за установление и упрочение Советской власти на Мурмане: сб. документов и мат-лов // Партийн. арх. Мурман. обкома КПСС, Арх. отд. Мурман. облисполкома, Гос. арх. Мурман. обл. / сост. А. С. Мошкин (ред.) и др. Мурманск: Кн. изд-во, 1960. С. 397–398.

³ Красный фронт. Оперативная сводка от 13 марта // Известия ВЦИК Советов Рабочих, Крестьянских, Казачьих и Красноармейский Депутатов и Московского Совета Рабочих и Красноармейских депутатов. 1920. № 57 (904). С. 1.

⁴ В рамках реализации идеи народного просвещения большевики уделяли внимание музыке. Выражалось это в создании музыкальных подотделов, которые должны были взять на себя функции контролирующего революционного органа. На севере первый такой подотдел возник в августовские дни 1918 года в Олонецкой губернии. Эти подотделы должны были вести учет музыкальных инструментов, привлекать кадры для работы, составлять планы преподавания музыки для школ, заниматься печатанием нот, покупать инструменты и т. д. (См. Герасимова Е. В. Музыкальное образование в Олонецкой губернии в 1918–1920 гг. (по архивным документам) // Кижский вестник. № 12. Электронный ресурс. URL: <https://kizhi.karelia.ru/library/vestnik-12/1063.html>). Как мы видим, на станции Имандра такой подотдел начал функционировать после создания ячейки РКСМ. Здесь был не только оркестр, но и выступали певцы, то есть Имандровский подотдел выполнял функцию привлечения интеллектуальных кадров пения.

⁵ Ликвидация безграмотности (ликбез) являлась главной задачей большевиков, так как неграмотность была главным препятствием для распространения социалистической идеологии, была она препятствием и для дальнейшего экономического развития советского государства. В газете «Полярная правда» за осень 1920 года подтверждалась информация о наличии помещений на различных станциях Мурманской железной дороги, в том числе на станции Имандра, которые могут использоваться в качестве пространства для просвещения, то есть для обучения местных жителей. (Цит. по: Иванищева О. Н. Функционирование русского языка в трансграничном пространстве Арктики: кол. монограф. / О. Н. Иванищева, А. В. Коренева, А. В. Бурцева, Т. А. Рычкова; науч. ред. О. Н. Иванищева Мурманск: МАГУ, 2019. С. 56.). В апреле 1921 года сочувствующий Советской России британец посещал станцию Имандра на своем пути по всей Мурманской железной дороге. Он занимался распространением литературы различных жанров, при этом предварительно книги были специально отобраны для каждого населенного пункта (viz. Clarke J.S. Emancipation, Feigned and Real // Soviet Russia. A Weekly Journal of Information. 1921. Vol. IV. No. 17. P. 393–398). Таким образом, повышение интеллектуального уровня жителей станции Имандра шло и благодаря помощи иностранцев.

⁶ Написанная в 1808 году басня И. А. Крылова. Является одним из самых известных произведений баснописца.

⁷ Вероятнее всего, на станции была поставлена пьеса «Роковой дебют» за авторством драматурга Павла Дмитриевича Ленского. Представляла она из себя водевиль-шутку (См. Кутель А. Р. Театральные портреты / вступит. ст. и примеч. М. О. Янковского. Л.: Искусство, 1967. С. 376). Главной особенностью этого драматического произведения было участие в нем только двух молодых лиц (девушка и юноша), которые изображали подростковую любовь со всеми переживаниями и чувствами. Вот что писал об особенностях этой театральной постановки литературный критик А. Р. Кутель: «На сцене стояла зеленая скамейка — одна, — кругом кусты, и они были вдвоем — одни, кругом никого, и так они дебютировали! Это был дебют жизни, а игравшая пара была так молода, так заразительно, если можно выразиться, молода, что все, в конце концов, мешалось: дети ли дебютировали в роли взрослых или начинающие актеры дебютировали в театре». (Там же. С. 245). Этот водевиль очень хорошо подходил для комсомольской ячейки станции Имандра, так как требовал минимального количества лиц для участия в постановке.

⁸ Здесь не указана конкретная дата заседания ячейки РКСМ, однако если исходить из главной темы, связанной с ликвидацией неграмотности, то это, возможно, второе заседание от 10 мая 1920 года.

⁹ Агитационно-просветительский отдел. «Агитпросветы создавались обычно в узловых пунктах железных дорог и водного транспорта, где скапливалось много населения и воинских частей. Агитпросветы распространяли среди населения литературу, проводили беседы, митинги, лекции» (См. Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 гг.: Документы и материалы / Серия: «Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг.: Документы и материалы» / под ред. В. Данилова и Т. Шанина. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. С. 799.)

¹⁰ «Гиганты» или же «гигантские шаги» — детский аттракцион, распространенный в то время по всей России. Описание его следующее: «Это столб с нехитрым устройством наверху. Со столба спускаются веревки с петлей на конце. Сидишь в петлю и начинаешь бегать по кругу. В какой-то момент отрываешься от земли и — летишь! Потом на секунду касаешься земли — и опять в воздухе. Только бегать нужно обязательно вдвоем или втроем — словом, чтоб ты был не один. И останавливаться нужно всем сразу — иначе закрутит и — головой об столб!» (См. Лупанова И. П. «Минувшее проходит предо мною...»: Книга о пережитом. Федер. агентство по образованию, ПетрГУ. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2007. С. 59.). Однако сам термин «гиганты», без буквы «т», относится конкретно к диалектным понятиям в говорах жителей Вологодской и Архангельской областей (См. Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. Т. 3: Г–Ж. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. С. 23). В настоящий момент отсутствует информация о том, в какой конкретно период на станции Имандра появились гиганты.

¹¹ Гимнастический городок является комплексом спортивных снарядов и конструкций, предназначенных для занятий физической культурой и спортом. Как правило, такие городки устанавливаются на открытых площадках (дворах, школах, парках) или в спортивных залах.

¹² Если на тот момент детская площадка уже существовала, а не предполагалось ее построить силами местных рабочих и служащих, то гиганты могли располагаться именно там, так как считались они развлечением сугубо для детей и подростков.

¹³ Кооптация — это процесс включения новых членов в группу, организацию или коллектив на основе приглашения или утверждения действующими участниками, а не через выборные процедуры. Соответственно, кооптированный член ячейки РКСМ никем и никогда не избирался.

¹⁴ Летучкой называли короткую, оперативно изготовленную и распространяемую листовку, плакат. Данный вид документа должен быть емким и содержать важную информацию идеологического содержания. В годы Гражданской войны большевики активно использовали летучки не только для агитации среди сторонников (как в случае объявления на станции Имандра), но и для борьбы со своими противниками, так как это был наиболее массовый, дешевый и удобный способ распропагандировать врагов большевиков. Например, летучки были среди 635 тысяч агитационных материалов, направленных на восставших чехословаков (См. Из отчета Федерации иностранных групп РКП(б) за 1918 г. о работе ЦК чехословацкой группы // Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 1. Ноябрь 1917 г. – август 1922 г. М.: Наука, 1973. С. 202).

¹⁵ Воскресник — аналог субботника, только проводился в воскресенье, являлся культурно-трудовым мероприятием массового характера. Однако, как пишет О. В. Калюжна, воскресники не прижились из-за своей вторичности по отношению к субботникам и связи с религией в названии, воскресникам обычно придавался антирелигиозный характер, подчеркивалась сугубо атеистическая суть мероприятия (см. Калюжна О. В. Субботники и воскресники во Владимирской губернии в 1919–1921 гг. Как форма политической и антирелигиозной пропаганды (по материалам местной прессы) // Христианское чтение. 2017. № 4. С. 390–398.).

¹⁶ «Бедность не порок» — это комедия русского драматурга А. Н. Островского, написанная в 1853 году. Несмотря на «купеческо-мещанский» характер данной пьесы, отмечаемый советскими литературоведами на протяжении всего времени изучения его литературного творчества, — «Островский глубоко любит купечество как наиболее неиспорченный по своим моральным устоям класс дореформенного общества. Наиболее полно и всесторонне это сочувствие О. купеческому патриархализму выразилось в комедии «Бедность не порок». (См. Цейтлин А. Г. Островский // Литературная энциклопедия: В 11 т. [М.], 1929–1939. Т. 8. М.: ОГИЗ РСФСР, гос. словарно-энцикл. изд-во «Сов. Энцикл.», 1934. Стб. 349.) — ее продолжали ставить в театрах даже в годы Гражданской войны и после нее. Ставили ее на Кавказе среди военных (см. Амирханова-Кулиш. А. С. Красная Армия в социалистическом строительстве на Северном Кавказе в 1920–1923 гг. Даг. фил. АН СССР. Махачкала, 1976. С. 164.), в Харькове среди комсомольцев (см. Образование и деятельность комсомольской организации Харьковщины 1917–1920. Документы и материалы / ред. кол.: Н. К. Калюжная и др. Харьков: Харьковское кн. изд-во, 1961. С. 124.), в городском театре Симбирской губернии при разрешении подотдела, наряду с «Гамлетом», «Тартюфом» и другими выдающимися драматургическими произведениями

(см. Симбирская губерния в годы Гражданской войны (март 1919 г. – декабрь 1920 г.): сб. док. в 2 т. Т. II / Партархив Ульяновск. обкома КПСС, Арх. отд. Ульяновск. облисполкома, Гос. архив Ульяновск. обл.; сост. Г. А. Сазонтов и др. Ульяновск: Ульяновск. кн. изд-во, 1960. С. 249). В данном случае большевики взяли на свое вооружение не просто буржуазное произведение, но произведение, в котором явно восхвалялась дореформенная Россия, купеческое сословие, и направили его на становление театров во всех уголках России. Станция Имандра здесь не была исключением, она следовала общему направлению культурного развития, которое должно было быть обеспечено на любой населенной территории. Однако в отмене постановки этой пьесы сыграли свою роль объективные обстоятельства в виде банальной малочисленности населения станции.

¹⁷ Пьеса «Мефистофель в интересном положении, или Женатый Мефистофель» была поставлена российским и белорусским драматургом Евстигнеем Афиногеновичем Мировичем (Дунаевым) в 1909 году, в ней с пародией переосмысливалась трагедия Фауста (См. Нефагина Г. Л. Интерпретация традиционного сюжета в романе М. Зариня «Фальшивый Фауст» // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя У. І. Леніна. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. Псіхалогія. Мінск: Універсітэцкае. 1986. № 1. С. 22.). Однако если «Бедность не порок» и многие другие пьесы были поставлены в революционную и постреволюционную эпоху с особым удовольствием, без серьезной критики и протестов, то фарс «Женатый Мефистофель» ждала совершенно другая судьба. В городе Вытегра прошла постановка данной пьесы, а доход от нее должен был пойти женщинам-работницам. Критика была начата в безымянной публикации (вероятно, авторского коллектива) в газете «Звезда Вытегры» 6 апреля 1919 года: «1 апреля в городском театре шла комедийка Мировича “Женатый Мефистофель” <...>. Спектакль в пользу пролетариата. И вдруг преподносится фарс, развлекавший в свое время сытую петербургскую буржуазию и состряпанный в ее удовольствие. Неужели нет нужных пьес? <...> Культивируйте граждане серьезное искусство, а пошлость оставьте буржуазии». (Цит. по: Звезда Вытегры. Орган Вытегрского Уездн. Комитета РКП(б), Уездисполкома Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов и Политического Отдела 7-й армии. 1919. №3. С. 2. Электронный ресурс. URL: <https://synthesizer.livejournal.com/2074981.html>). Известный поэт новокрестьянского направления Николай Алексеевич Клюев в том же номере газеты дал свою рецензию на пьесу Е. А. Мировича. Пишет Н. А. Клюев об олонечских мужиках-сказителях, которые по-настоящему знают культуру, и противопоставляет он их старый (но расцветающий после революции) культурный багаж хоть и отвращающе-буржуазной, но все равной модной культуре, которая и была показана пролетариату. Сценической постановке он дает следующую характеристику: «Змеем в данном случае оказался “Женатый Мефистофель”, то есть то вонючее место, которое лишь самое черное невежество и “модный” вкус уездной закулисной накипи может выносить на Великое Народное Зрение как искусство». (Цит. по: Клюев Н. А. Словесное древо. Проза / вступ. статья А. И. Михайлова; сост., подготовка текста и примеч. В. П. Гарнина. СПб.: ООО «Издательство «Росток», 2003. С. 116–117.). Нельзя сказать, были ли имандровские представители большевистской партии знакомы с этими рецензиями, однако в эпоху первых лет советской власти вполне можно было представить критику с разных сторон.

Список источников

1. Киселев А. А., Климов Ю. Н. Мурман в дни революции и гражданской войны. Мурманск: Кн. изд-во, 1977. 224 с.
2. Голдин В. И. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. 1918–1920. М.: Изд-во МГУ, 1993. 200 с.
3. Новикова Л. Г. Провинциальная «контрреволюция»: Белое движение и Гражданская война на русском Севере, 1917–1920. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 384 с.
4. Сушко Е. О. Политические отношения между Мурманским краем и Северной областью: август 1918 – октябрь 1918 // Клио. № 6(186). 2022. С. 134–140.
5. Киселев А. А., Климов Ю. Н. Родное Заполярье: очерки истории Мурманской области (1917–1972 гг.). Мурманск: Мурманское книжное издательство, 1974. 511 с.
6. Герасимов Д. А. Мурман в начале 1920 года: между белыми и красными // 1920 год в судьбах России и мира: апофеоз Гражданской войны в России и ее воздействие на международные отношения: сб. мат-лов междунар. науч. конф. Архангельск. 2010. С. 193–197.

References

1. Kiselev A. A., Klimov Yu. N. Murman v dni revolyucii i grazhdanskoj vojny [Murman in the days of revolution and civil war]. Murmansk, Murmansk book publishing house, 1977, 221 p. (In Russ.).
2. Goldin V. I. Intervenciya i antibol'shevistskoe dvizhenie na Russkom Severe. 1918–1920 [Intervention and anti-Bolshevik movement on the Russian North. 1918–1920]. Moscow, Publishing House of Moscow State University, 1993, 200 p. (In Russ.)
3. Novikova L.G. Provincial'naja «kontrevoljucija»: Beloe dvizhenie i Grazhdanskaja vojna na russkom Severe, 1917–1920 [Provincial «counter-revolution»: The White movement and the Civil War on the Russian North, 1917–1920]. Moscow, New Literary Review, 2011, 384 p. (In Russ.).
4. Sushko E. O. Politicheskie otnoshenija mezhdru Murmanskim kraem i Severnoj oblast'ju: avgust 1918–oktjabr' 1918 [Political relations between the Murmansk Kraj and the Northern Oblast: August 1918–October 1918] // Clio. No. 6 (186), 2022, pp. 134–140. (In Russ.).
5. Kiselev A. A., Klimov Yu. N. Rodnoe Zapoljar'e: ocherki istorii Murmanskoj oblasti (1917–1972 gg.) [The Arctic Homeland: Essays on the history of the Murmansk region (1917–1972)]. Murmansk, Murmansk Book Publishing House, 1974, 511 p. (In Russ.).
6. Gerasimov D. A. Murman v nachale 1920 goda: mezhdru belymi i krasnymi [Murman at the beginning of 1920: Between the Whites and the Reds] 1920 god v sud'bah Rossii i mira: apofeoz Grazhdanskoj vojny v Rossii i ee vozdejstvie na mezhdunarodnye otnoshenija: sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [The year 1920 in the fates of Russia and the World: The Apotheosis of the Russian Civil War and its impact on international relations: Materials from an International Scientific Conference]. Arkhangelsk, 2010, pp. 193–197. (In Russ.).

Информация об авторе

Е. О. Сушко — старший лаборант сектора изучения и сохранения научного наследия.

Information about the author

E. O. Sushko — Senior Laboratory Assistant of the Sector for the Study and Preservation of Scientific Heritage

Статья поступила в редакцию 01.04.2025; одобрена после рецензирования 15.04.2025; принята к публикации 20.04.2025.
The article was submitted 01.04.2025; approved after reviewing 15.04.2025; accepted for publication 20.04.2025.

АРХЕОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 903.2(470.21)
doi:10.37614/2949-1185.2025.4.1.013

ОПЫТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО РАСЩЕПЛЕНИЯ КВАРЦА В КАРЕЛИИ

Марк Михайлович Шахнович

Центр гуманитарных проблем Баренц региона Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук», Апатиты, Россия, marksuk62@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0771-675X>

Аннотация

На территории Карелии в мезолите и неолите существовало несколько каменных индустрий: сланцевая, кварцевая и кремнево-лидитовая. Кварц как материал для изготовления орудий в каменном веке использовался на всей территории Северной Европы. В конце XX века в российской археологии сформировалось понимание, что кварц нельзя рассматривать по типологическим схемам, используемым для кремня, потому что они имеют разное кристаллическое строение. В 1992 и 1995 годах проводилось экспериментальное раскалывание кварца в Северной Карелии и на восточном берегу Онежского озера. В эксперименте использовали биполярную технику скола — самый простой вариант первичной работы с камнем, не требующий специальных навыков.

Отсутствие у кварца правильной кристаллической структуры делает ненужной традиционную для кремня схему подготовки камня к скалыванию. При ударе образуются осколки, которые по типологической схеме для кремневых орудий могут быть определены как проколки, ножи, долотовидные и геометрические микролиты. Большая часть осколков имела острые грани, которыми без дополнительной ретуши можно успешно делать разную работу. Возникает вопрос об объективности наших типологических схем для кварцевых находок.

Ключевые слова:

мезолит, Карелия, кварцевая индустрия, эксперименты, биполярная техника скола

Благодарности:

искренняя признательность за помощь А. Тарасову. Исследование выполнено в рамках госзадания Министерства науки и высшего образования РФ по теме НИР FMEZ-2024-0002 «Динамика социокультурного облика Кольского Севера в контекстах истории освоения арктического фронта России».

Для цитирования:

Шахнович М. М. Опыт экспериментального расщепления кварца в Карелии // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2025. Т. 4, № 1. С. 133–138. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.1.013.

ARCHEOLOGY

Original article

EXPERIMENTAL SPLITTING EXPERIENCE OF QUARTZ IN KARELIA

Mark M. Shakhnovitch

Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Apatity, Russia, marksuk62@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0771-675X>

Abstract

There were several stone industries in Karelia in the Mesolithic and Neolithic: slate, quartz, and flint-lidite. Quartz was used throughout Northern Europe as a material for making lithic tools in the Stone Age. At the end of the 20th century, an understanding was formed in Russian archaeology that quartz implements cannot be classified according to the typological schemes used for flint, because these rocks have different structures. In 1992 and 1995, experimental knapping of quartz was carried out in North Karelia and on the eastern shore of Lake Onega. In the experiment, the bipolar chipping technique was used — the simplest option for primary work with a stone that does not require special skills. Quartz's lack of a proper crystal structure makes the traditional flint stone preparation scheme unnecessary. Upon impact, fragments are formed, which, according to the typology developed for flint tools, may be defined as awls, knives, *pièces esquillées* and geometric microliths. Most of the fragments had sharp edges, which could be used for different tasks without additional retouching. The question arises about the applicability of our typological schemes for quartz artefacts.

Keywords:

Mesolithic, Karelia, quartz industry, experiments, bipolar chipping technique

Acknowledgments:

The authors express their sincere gratitude to A. Tarasov for their help. The article was supported by the federal budget to carry out the state task of the Federal Research Centre "Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences" No. FMEZ-2024-0002.

For citation:

Shakhnovitch M. M. Experimental Splitting Experience of Quartz in Karelia // Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities. 2025. Vol. 4, No. 1. P. 133–138. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.1.013.

Введение

На территории Карелии и Восточной Лапландии в мезолите и неолите одновременно существовало несколько каменных индустрий (сланцевая, кварцевая и кремнево-лидитовая), различающиеся по специфике использования разного сырья. Каждая горная порода имела свою стабильную «нишу» в наборе инвентаря.

Кварц как один из основных материалов для изготовления орудий в каменном веке из-за отсутствия местных выходов кремня применялся человеком на огромной территории Северной Европы: от восточного побережья Атлантического океана до Белого моря, Ладожского и Онежского озер. В различных культурных образованиях «бескремневой зоны» роль кварца как сырья в каменной индустрии неодинакова. Выделяются зоны «восприятия» древним человеком кварца при изготовлении орудий как второстепенной горной породы и как «дублера» кремня. На мезолитических памятниках Карелии, Финляндии и материковой Лапландии кварцевую индустрию можно охарактеризовать, как «классическую». В этих регионах Фенноскандии, из-за значительной удаленности (от 250 км и более) от зон месторождений кремня и изоляции социумов, способы обработки кварца формировались и развивались самобытно. Здесь изготовление кварцевых орудий основывается на оптимальном использовании разноплановых физических характеристик широкого спектра кварцевых пород. В кварцевой индустрии исчезают «инородные» приемы и остаются только те, которые можно охарактеризовать как вытекающие из осознания структурной специфики кварца как минерала¹.

М. М. Шахнович. Национальный парк Паанаярви. 1992 год. Фото И. С. Манюхина

Если рассматривать как первый углубленный опыт анализа кварцевого материала работы финляндского археолога В. Лухо², то изучению кварцевой индустрии около семидесяти лет. Основные отличия кремневой и кварцевой индустрий происходят из-за различий в кристаллическом строении этих двух минералов. Однако, до сих пор существует ситуация, что большинством исследователей каменного века кварц воспринимается как «дублер», вынужденный «заменитель» кремня. Такой методологический подход в работе приводит к «вставке» классификационной схемы обработки кварцевого материала в устоявшиеся типологические модели для кремня. Представленные подобным образом комплексы можно коррелировать в границах «бескремневой зоны», но при сравнении с «чистыми» кремневыми коллекциями выстраиваемые построения становятся во многом некорректными, создавая ложные типологические и культурные аналогии у специалистов из других регионов, знакомых с кварцевым материалом только по публикациям.

В середине 1990-х годов в российском «кварцеведении» сформировалось понимание неоднозначности этой ситуации. В качестве одного из способов выхода из исследовательского кризиса было предложено дополнить формальные типологические построения экспериментальными исследованиями. Эти работы осуществлялись во время экспедиций в 1992 году в поселок Тунгозеро (Лоухский район РК) и в 1995 году

на полуострове Кладовец на восточном берегу Онежского озера (Пудожский район РК). Цель проводившихся опытов по раскалыванию кварца — воспроизведение простейших технологических моделей и выявление основных принципов начального этапа расщепления кварцевого сырья³ (рис.).

В конце XX – начале XXI века археологами Швеции, Испании, Южной Африки проводились интересные исследования по изучению технологии расщепления кварца, позволившие выстроить основные технологические схемы для кварцевых индустрий каменного века⁴. В России эксперименты в Карелии в конце XX века остались единственным опытом в этом направлении. Из-за незначительности числа специалистов, занимающихся вопросами каменных индустрий Восточной Фенноскандии, в свое время они не вызвали особого интереса. Но в рамках исследовательской рефлексии мы считаем необходимым снова вернуться к этой обойденной вниманием теме. В тексте статьи сопоставление наблюдений по результатам экспериментов производится исключительно с каменной индустрией мезолитических памятников Западной и Северной Карелии.

Описание эксперимента

В процессе анализа результатов работ учитывались следующие аспекты:

- несомненно, что древний мастер обладал большим опытом в производстве орудий из камня. Из-за неустойчивости навыков раскалывания нам не удалось довести процесс до этапа изготовления орудия;
- нельзя идентифицировать результаты проводимого эксперимента с древним расщеплением.

Во время экспериментов рассматриваются только общие вопросы технологической достаточности⁵.

Избранная нами наиболее простая, доминирующая на мезолитических памятниках Карелии методика раскалывания кварца может быть охарактеризована как биполярная техника скола¹. Каменным отбойником наносятся отвесные удары по грани или вершине, расположенным близко к центру ядрища, с целью его разлома⁶. Она характеризуется одновременным созданием множества плоскостей расщепления и отсутствием задачи получения сколов заранее определенной формы.

При выборе стратегии раскалывания кварца, как и в ситуации с кремнем, кроме внутренней структуры камня, необходимо учитывать его морфологические характеристики: форму, вес, размеры, состояние поверхности, внутреннюю однородность и возможные дефекты⁷. В совокупности эти параметры оказывают значительное влияние на качество конечного продукта.

Для экспериментов использовались гальки диаметром 10–20 см с кардинально разной внутренней структурой: серый, крупнозернистый, трещиноватый кварц и высококачественный молочно-белый. Нужно отметить, что если во внутренних районах Карелии сбор кварцевого сырья в прибойной линии озер не представляет особой сложности, то на восточном побережье Онежского озера хорошие кварцевые желваки встречаются редко.

Как наковальня применялась плоская плита песчаника. Выбор камня в качестве отбойника оказался не простым. Выяснилось, что, помимо веса и удобной формы, необходимо также учитывать его структуру, которая должна быть достаточно плотной. Для отбойника отбирались породы, имевшие структуру более твердую, чем у раскалываемого образца. Куски и гальки песчаника, диабаз крошились после 3–5 минут работы, что существенно снижало эффективность удара. Износ рабочей части отбойника имел вид глубоких выломов галечной корки. Находки галек с подобного рода повреждениями единично встречаются при раскопках мезолитических стоянок. Для раскалывания кварца наиболее эффективными признаны как кварцевые желваки, так и куски без валунной корки. В случае, если вес отбойника недостаточен, то удар болезненно отдается в руку. Попытки использования посредника из дерева, в качестве которого использовалась свежесрубленная сосновая ветвь (длиной 12 см и диаметром 4 см) со скошенным на острый угол концом, не увенчалась успехом — его рабочая часть быстро деформировалась, что значительно снижало силу удара.

Около места раскалывания быстро возникает слой (диаметром около 0,2 м) мелкой кварцевой крошки. Чешуйки и осколки кварца густо рассеиваются на земле по окружности на расстояние 0,5–0,6 м, а отдельные экземпляры могут отлететь на 1,2 м. Формируется четко очерченное рабочее пространство, так называемый «точок», которое имеет форму неполного круга, поскольку дебитаж за спину мастера не распространялся. При разборке культурного слоя необходимо обращать внимание на плоские камни около подобных скоплений кварца, поскольку они могли использоваться в качестве наковален.

В ходе экспериментов сформировалось мнение, что если получение правильных пропорций пластинчатой заготовки при раскалывании кварца представляется затруднительным, то нет необходимости в предварительной оббивке кварцевого желвака с целью удаления галечной корки и подготовки ударной

площадки. Отсутствие у кварца правильной кристаллической структуры делает ненужной традиционную для кремня схему подготовки желвака к скалыванию. Этим обстоятельством, а также избытком сырья можно объяснить отсутствие в мезолитических коллекциях кварцевых нуклеусов «классических» форм.

При ударе галечная корка остается только на площадке проксимального конца скола. На дистальном конце отделенного куска возникают хорошо заметные выщербины — результат контрудара, которые часто интерпретируются как следы от использования, особенно применительно к «долотовидным орудиям».

Выдержать однонаправленность снятий удастся только при хорошем качестве используемого кварцевого сырья. Если кристаллическая структура становится менее упорядоченной, что является преимущественным состоянием кварцевых пород, то ориентация раскалывания может широко варьировать. Даже при направленном скалывании с кварцевого ядрища невозможно точно представить форму будущего скола, и фактически выбирается только направление удара. Зачастую сколы откалывались не в месте удара, а с противоположной стороны. То, что удар расходится по микротрещинам, даже если они располагались перпендикулярно к его вектору, приводит к образованию «выколошей» разных геометрических форм.

При ударе по кварцевой гальке диаметром до 15 см камнем большего размера образовывалось 3–5 крупных кусков, 30–40 чешуек (дебитаж менее 1 см) и 7–15 осколков (2,5–3 см), из которых около трети имели пропорции пластинчатых отщепов и характерные признаки намеренного скола: слабовыраженный ударный бугорок с отходящей от него волнообразной фаской и четкий контур. Таким образом, чешуйки являются результатом первичного расщепления, а не вторичной обработки. Их количество по отношению к более крупным отщепам составляет примерно 8:1.

Половина полученных осколков имела острые грани (чаще всего одну), достаточные, чтобы без дополнительной подработки рабочего края использовать их для выполнения функций резанья, прокалывания, скобления. Если по негативам снятий на кремневых сколах можно реконструировать предшествующую систему расщепления, то на кварцевых отщепах в большинстве случаев мы фиксируем только схему разлома ядрища. При использовании кварца, близкого по структуре к высококачественному горному хрусталу, возможен торцовый отжим пластин с помощью посредника с подготовленной ударной площадки.

Эксперимент, проведенный с целью исследования влияния термического воздействия на кварцевое сырье перед его раскалыванием, показал, что гальки, подвергшиеся воздействию открытого огня в течение 10–15 минут, значительно легче раскалываются. Однако при этом внутренняя структура камня претерпевает существенные изменения в худшую сторону, приобретая общую хрупкость и трещиноватость, что делает прошедший нагревание кварц непригодным для изготовления орудий.

По своим свойствам кварц, как и кремнь, хрупок и чувствителен ко всякому механическому воздействию. Процесс уплощения заготовки, снятие выступов с дорсальной плоскости может производиться с помощью техники пикетажа — легкими, точечными ударами, наносимыми под разными углами к поверхности. Скребок ретушь создается ударами с брюшка, и на формовку одного крутого скребкового лезвия из 5–6 фасеток затрачивается 1–2 минуты. На основе наших экспериментов можно сделать вывод, что ретушь на рабочем крае скребков чаще всего является результатом подправки затупленного лезвия, и изначально в работе использовался естественный, необработанный край отщепа.

К вопросу о кварцевой индустрии мезолита Восточной Фенноскандии

В типологических построениях для мезолитических памятников территории Восточной Фенноскандии различные модификации резцовых сколов и уплощающее скалывание рассматриваются как основные приемы изготовления кварцевых орудий⁸. Результаты экспериментов по первичному расщеплению кварца позволили по новому взглянуть на эти положения.

В процессе биполярного расщепления кварца образуются осколки, которые по своим морфологическим параметрам, согласно типологической схемы для кремневых орудий, могут быть идентифицированы как проколки, ножи, долотовидные и геометрические микролиты. Часто встречаются и экземпляры с наличием «резцовой кромки», образованной одним или двумя сходящимися «резцовыми сколами». Снова возникает вопрос о том, насколько объективны наши типологические построения.

Кварцевые сколы имеют не такие острые и ровные края, как у снятий с кремневого желвака, но они более прочные и поэтому вполне приемлемые для успешного выполнения операций резанья, скобления,

сверления. Они могли заменить и кремневые ножевидные пластины во вкладышевых орудиях. Например, знаменитая находка костяного ножа из Антреа Корпилахти имела вставки из кварцевых осколков⁹.

Таким образом, структурно-текстурные характеристики кварца, а также его широкое распространение на территории Фенноскандии привели к тому, что в кварцевой индустрии эпохи мезолита почти полностью отсутствуют такие приемы вторичной обработки, как ретуширование и резцовый скол. В массовом воплощении формующую ретушь можно наблюдать только на скребках, единично — на черешковых наконечниках стрел. В остальных случаях — это следы от использования, что подтверждается трасологическим анализом¹⁰.

Находки расколотого кварца, которые определяются как местонахождения материала без культурного слоя, часто встречаются на песчаных берегах внутренних озер. Орудия среди этих сборов с поверхности единичны. Число отщепов первичного снятия (с галечной коркой) в коллекциях раскопанных мезолитических памятников не значительно — около 1–2 % от общего количества отходов производства. Также нередко встречаются при разборке культурного пласта «клады» заготовленных оббитых желваков кварца. Компактное положение *in situ* предполагает их нахождение в несохранившейся емкости. Следовательно, первичное, «пробное» раскалывание кварца, ставившее своей целью выяснение внутренних дефектов отобранного сырья и снятие галечной корки для уменьшения веса продукции, производилось на месте сбора, вне границ стоянки. Отсортированное сырье затем перемещалось на место поселения для изготовления орудий.

Из кварцевых заготовок редко удастся получить крупные орудия со значительными по длине рабочими лезвиями, но трудно согласиться с утверждением, что «кварц был некачественной породой» для производства орудий [1: 77].

Выводы

В эпоху мезолита на территории Карелии и Восточной Лапландии при раскалывании кварца использовалась считающаяся отдельным принципом расщепления¹¹ биполярная техника скола — самый простой вариант из всех возможных, не требующий специальных навыков. Для кварцевого сырья более эффективная, чем площадочная техника скола. Кроме того, биполярное раскалывание существенно расширяет возможность использования «некачественного» сырья, что делает ее наиболее приемлемой для территорий, где «первосортные» материалы отсутствуют [2: 75]. Простота данной техники иногда воспринимается как «регрессивность» [3: 111], что является, на наш взгляд, неверным определением.

Еще на начальном этапе изучения каменного века Карелии и Восточной Лапландии отмечалось, что предельное сужение сырьевого набора на памятниках эпохи мезолита региона приводит к уменьшению используемого комплекса приемов оформления поверхности изделий из камня¹². При создании кварцевых орудий ограниченно применялось только ретуширование, а в основном для работы использовались без обработки естественные грани кварцевых отщепов и осколков. Начиная с неолита можно наблюдать увеличение применяемых приемов вторичной обработки, в частности, различных способов ретуширования, заимствованных из кремневой индустрии. Незначительное поступление кремневого сырья в центральные районы Восточной Фенноскандии позволило сохраниться здесь «классической» кварцевой индустрии несколько дольше (вплоть до эпохи энеолита), чем в приморских районах.

Список сокращений

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. Москва. Ленинград

SMYA — Suomen Muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja. Helsinki

Примечания

¹ Шахнович М. М. Индустрия кварца в Северной Европе: качественный аспект // Тверской археологический сборник. 1996. Вып. 2. С. 27–33.

² Luho V. Die Askola-Kultur // SMYA. 1956. № 57. Helsinki, 301 p.

³ Шахнович М. М., Васильева Н. Б. Опыт экспериментального расщепления или новые подходы к формальной типологии кварцевой индустрии // Вестник Карельского краеведческого музея. 1995. Вып. 3. С. 23–34.

⁴ Callahan E. An evaluation of the lithic technology in middle Sweden during the Mesolithic and Neolithic. Uppsala, 1987. 73 p.; Knutson K. Making and using stone tools: The analysis of the lithic assemblages from Middle Neolithic sites with flint in Vasterbotten, Northern Sweden. Uppsala, 1988. 206 p.; Wikell R. Actions in Quartz Identities in transition- Mesolithic strategies in the Swedish province of Östergötland 2005 Stockholm: Riksantikvarieämbetet. P. 88–99; Ballin T. Quartz technology in Scottish prehistory // Scottish Archaeological Internet Report. 26 Society of Antiquaries of Scotland. 2008. P. 124–136.

- ⁵ Гирия Е. Ю. Критика экспериментально-трасологического подхода к изучению технологии расщепления // *Ad polus*. СПб.: Фарн., 1993. С. 57.
- ⁶ Техника скола — совокупность приемов, средств и навыков приложения силового импульса к определенным образом подготовленной (или нет) поверхности камня с целью отделения скола. См. Гирия Е. Ю., Нехорошев П. Е. Некоторые технологические критерии археологической периодизации каменных индустрий // *Советская археология*. 1993. № 4. С. 6.
- ⁷ Щелинский В. Е. Свойства кремневого сырья и техника изготовления орудий мустьерской эпохи // *Первобытный человек и природная среда*. М.: Наука, 1974. С. 53.
- ⁸ Песонен П. Э. Мезолитические памятники Кандалакшского берега // *Мезолитические стоянки Карелии*. Петрозаводск, 1978. С. 94–160; Филатова В. Ф. Мезолит // *Археология Карелии*. Петрозаводск, 1996. С. 36–61.
- ⁹ MatisKainen H. Beiträge zur Kenntnis der mesolitischen Schrägscheiderpfeile und Mikrolithen aus Quarz // *ISKOS*. 1986. № 6. P. 74–98.
- ¹⁰ Шахнович М. М., Шпаковский Л. М. Стоянка Суккозеро II в Западной Карелии // *Вестник Карельского краеведческого музея*. 1993. Вып. 1. С. 3–9.
- ¹¹ Нехорошев П. Е. Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. СПб.: Наука, 1999. С. 12.
- ¹² Гурина Н. Н. Древняя история Северо-Запада европейской части СССР // *МИА*. 1961. № 87. С. 38.

Список источников

1. Тарасов А. Ю. Сырьевая база индустрии макроорудий в неолите – раннем железном веке на территории Карелии // *Российская археология*. 2004. № 1. С. 77–83.
2. Тарасов А. Ю. Нуклеусы и бифасы: некоторые особенности первичной обработки окремненных пород и кварца на поселениях Карелии (неолит – ранний железный век) // *Тверской археологический сборник*. 2006. Вып. 6. С. 74–86.
3. Мурашкин А. И. Технология получения кремневых пластин на мезолитической стоянке Пост II // *Российская археология*. 2007. № 4. С. 109–120.

References

1. Tarasov A. Yu. Syr'evaya baza industrii makroorudij v neolite – rannem zheleznom veke na territorii Karelii [Raw material base of the macrotool industry in the Neolithic – early Iron Age in Karelia]. *Rossiiskaya arheologiya* [*Rossiiskaia arkheologiya*], 2004, vol. 1, pp. 77–83. (In Russ.)
2. Tarasov A. Yu. Nukleusy i bifasy: nekotorye osobennosti pervichnoj obrabotki okremnennykh porod i kvarca na poseleniyah Karelii (neolit – rannij zheleznyj vek) [Nuclei and bifaces: some features of the primary processing of silicified rocks and quartz in the settlements of Karelia (Neolithic – Early Iron Age)]. *Tverskoj arheologicheskij sbornik* [Tver Archaeological Collection], 2006, vol. 6, pp. 74–86. (In Russ.)
3. Murashkin A. I. Tekhnologiya polucheniya kremnevyyh plastin na mezoliticheskoy stoyanke Post II [Technology of obtaining flint plates at the Mesolithic site Post II]. *Rossiiskaya arheologiya* [*Rossiiskaia arkheologiya*]. 2007, vol. 4, pp. 109–120. (In Russ.)

Информация об авторе

М. М. Шахнович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник.

Information about the author

M. M. Shakhnovitch — PhD (History), Leading Researcher.

Статья поступила в редакцию 10.04.2025; одобрена после рецензирования 15.04.2025; принята к публикации 20.04.2025.
The article was submitted 10.04.2025; approved after reviewing 15.04.2025; accepted for publication 20.04.2025.

Научная статья
УДК 902.2
doi:10.37614/2949-1185.2025.4.1.014

КУЛЬТОВЫЕ КАМНИ КЕНОЗЕРЬЯ: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЙ 2023–2024 ГОДОВ

Василий Валентинович Шевелёв¹, Александр Михайлович Грязов²

^{1, 2}Каргопольский историко-архитектурный и художественный музей, Каргополь, Россия

¹vassilish@mail.ru

²2011iskander@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена результатам полевых исследований, проведенных авторами в Кенозерье, в сотрудничестве с Кенозерским национальным парком в 2023 и 2024 годах. Впервые в научный оборот вводятся новые данные о культовых камнях, ранее не привлекавших внимания ученых. Во время экспедиции зафиксировано и обследовано девять новых объектов.

Ключевые слова:

Русский Север, Кенозеро, река Кена, культовые камни, полевые исследования

Благодарности:

благодарим за помощь информантов и проводников В. В. Верещагина, И. А. Роймуева, Г. И. Емельянову, Н. Н. Капустина. Особая благодарность М. М. Шахновичу за консультации.

Для цитирования:

Шевелёв В. В., Грязов А. М. Культовые камни Кенозерья: опыт исследований 2023–2024 годов // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2025. Т. 4, № 1. С. 139–148. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.1.014.

Original article

CULT STONES OF KENOZERO: RESEARCH EXPERIENCE IN 2023–2024

Vasily V. Shevelev¹, Alexander M. Gryazov²

^{1, 2}Kargopol Historical, Architectural and Art Museum, Kargopol, Russia

¹vassilish@mail.ru

²2011iskander@mail.ru

Abstract:

The article is devoted to the results of field research conducted by the authors in Kenozero, in cooperation with the Kenozero National Park (in 2023–2024). For the first time, new data on cult stones that had not previously attracted sufficient attention from researchers are introduced into scientific circulation. As a result, nine objects were recorded and examined.

Keywords:

Russian North, Kenozero, Kena River, cult stones, field research

Acknowledgments:

we thank informants and guides V. V. Vereshchagin, I. A. Roymuev, G. I. Yemelyanova, N. N. Kapustin for their assistance. Special thanks to M. M. Shakhnovich for consultations.

For citation:

Shevelev V. V., Gryazov A. M. Cult Stones of Kenozero: Research Experience in 2023–2024 // Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities. 2025. Vol. 4, No. 1. P. 139–148. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.1.014.

Введение

В северных регионах России можно встретить множество гранитных валунов ледникового происхождения. Они разбросаны по лесам и полям, по берегам рек и озер. В период последнего оледенения эти территории были покрыты мощным слоем льда. После потепления климата началось отступление ледника на запад. Под воздействием льда и водных потоков постепенно сформировался современный рельеф местности. Возникли приледниковые озера и русла будущих рек. На освободившейся поверхности земли остались отложения глины, песка и многочисленные валуны. Эти природные объекты, часто необычной формы и большого размера, привлекали внимание людей и становились частью культурного ландшафта. О некоторых камнях до наших дней дошли легенды и предания, другие же служили ориентирами в освоенном человеком пространстве.

Тема культовых камней Русского Севера не получила должного освещения в научных и краеведческих публикациях. Только в трех регионах — в Каргополье на юго-западе Архангельской области, в Вологодской области [1–4] и на территории Карелии [5, 6: 106–119] — проводились

целенаправленные поиски таких объектов. В работах, посвященных истории и культуре Кенозерья, можно найти отрывочные сведения о культовых и примечательных камнях. К сожалению, эти данные не были подкреплены исследованиями на местности.

В данной статье мы расскажем о камнях, которые имеют особое значение в культуре, мифологии и повседневной жизни местных жителей Кенозера. Они были обнаружены во время экспедиций в Кенозерский национальный парк (Плесецкий район Архангельской области) в 2023–2024 годах. В ходе исследований было выявлено девять таких валунов. Еще два камня пока не найдены, но их поиск планируется провести в 2025 году (рис. 1).

Рис. 1. Расположение камней, отмеченных в тексте: 1 — Лог-камень; 2 — Лось—камень; 3 — Казимир-камень; 4 — Конь-камень; 5 — Русалкин камень; 6 — Девичий камень и предполагаемый камень-следовик; 7 — камень-следовик в деревне Бор; 8 — камень-следовик на Мамоновом острове; 9 — Бородавочный камень в деревне Горбачиха; 10 — камень-следовик у деревни Зехнова

В ходе наших работ мы стремились обнаружить и изучить эти объекты, зафиксировать их нахождение на местности. Местонахождение камней (точное или приблизительное) указывали местные жители и сотрудники Национального парка. Для перемещения по озерному краю мы использовали моторную лодку, а затем с помощью проводников продолжали поиски пешком.

Описание работ

В октябре 2023 года мы осмотрели валун, называемый **Лог-камень**. Он расположен в 2,6 км к северо-востоку от деревни Самково на левобережье реки Кена, вытекающей из Кенозера и впадающей в реку Онега. Деревня находится в 1,5 км к юго-востоку от рабочего поселка Самково, отстроенного в советское время.

Камень находится на левом склоне глубокого оврага (по-местному, лог), где некогда протекал небольшой ручей. Это гранитный исполин, расколотый на две части. Среди больших камней бывшего Каргопольского уезда он является рекордсменом по величине. Его общие размеры: длина — 18 м; ширина по трещине — 15 м; высота — около 7 м [3: 62–63] (рис. 2).

Камень приметный и хорошо известен местным жителям. Логично предположить, что с ним связана какая-то местная легенда или предание. Однако пока никаких историй о нем не зафиксировано. Рядом с ним есть кострище, запас дров, стол, и для спуска в овраг сделаны деревянные поручни. В расщелине лежат чайник и лопата. В окрестностях этого камня раньше были «перелог» — заброшенные пашни и сенокосные угодья. Теперь там растет мелкоколесье и кустарники. Внизу, «в лог», где еще есть родниковые источники, можно увидеть остатки водяной мельницы.

В сентябре 2024 года с помощью Кенозерского национального парка состоялась вторая экспедиция, во время которой обнаружено еще восемь камней.

Рис. 2. Лог-камень близ деревни Самково. Вид с востока. 2023. Фото А. Грязова

В царской грамоте Кенскому монастырю 1691 года в качестве межевого знака упоминается **Лось-камень** на реке Кена. Монастырь получил в оброчное содержание угодья «по обе стороны реки Кены, вверх до Кено-озера и по Кену озеру до Толстова Наволока, а с того наволока по за Порменскому озеру и по залахину мху диким лесом ... на Лось камень большой, что в реке Кене, и с того камня на другую сторону реки Кены, на которой пустыня их стоит...» [7: 46]. К тексту этой грамоты исследователи обращались неоднократно, однако сам камень не привлек их внимание [8: 292, 9: 159, 10: 32].

Местонахождение **Лось-камня** было неизвестно. На моторной лодке мы осмотрели русло реки Кена в окрестностях бывшего Кенского монастыря. Камень оказался единственным приметным валуном между деревнями Коровино (в 2 км к юго-западу) и Першлахта (в 1,5 км к северо-востоку). Во время весеннего половодья этот валун частично оказывается под водой (рис. 3).

Рис. 3. Лось-камень на реке Кена. Вид с юго-запада. 2024. Фото В. Шевелёва

Лось-камень находится на правом берегу реки Кена, в 300 м к юго-западу от острова Песчаный Мыс. Во время половодья мыс становится островом. Размеры камня — 4,5×2,8 м, высота — около 1 м. В настоящее время верхняя часть валуна разломилась на три крупных фрагмента. Под воздействием таяния льда весной они сползли по склону берега в направлении

реки. На одном из фрагментов можно заметить выпуклость, которая действительно напоминает загривок лося, что и объясняет его необычное название (рис. 4)

Рис. 4. Лось-камень на реке Кена. Вид с северо-запада. 2024. Фото В. Шевелёва

В северо-восточной части Кенозеро находятся два больших гранитных валуна — **Казимир-камень** и **Конь-камень**. Они расположены в 1,5 км к северо-западу от острова Попов, на северном берегу залива Першлахта.

Эти большие валуны впервые отметили участники фольклорной экспедиции на Кенозеро «По следам Рыбникова и Гильфердинга», организованной Государственной академией художественных наук (ГАХН) и Музеем народоведения (под руководством братьев Б. М. и Ю. М. Соколовых), состоявшейся в 1927 году. В. А. Дынник (супруга Ю. М. Соколова, сотрудник ГАХН) вспоминает: «Опять зеленые острова, провожающие нас дружным коровьим мыком... Узнаем расстояние по знакомым приметам: вот длинный Конь-камень, выгнутый сивой лошадиной спиной, вот, потемнее, Казимир-камень. Кенозеры уже не помнят о беспокойном чужеземце, занесенном, вероятно, сюда волною Смутного времени, оставившем здесь свои кости и нерусское имя, — зато всякий лодочник хорошо знает, что от Казимира-камня ровно полпути до Першлахты» [11: 254, 12: 596].

Казимир-камень, поросший мхом, находится на береговой террасе, в 1,5 м над уровнем воды. Его размеры — 3,2×3,1 м, высота — 1,3 м. Немного ниже по склону террасы, на самом берегу озера располагается Конь-камень с вогнутой вершиной, напоминающей изогнутое туловище животного. Его размеры — 4,4×2,2 м, высота — 1,4 м. В настоящее время эти приметные камни и фольклорная традиция, связанная с ними, забыты (рис. 5, 6).

Рис. 5. Казимир-камень. Вид с северо-запада. 2024. Фото А. Грязова

Рис. 6. Конь-камень. Вид с северо-востока. 2024. Фото В. Шевелёва

В окрестностях деревень Шишкина и Горы, что в километре к востоку от Вершинино, есть особое место — реликтовая «святая» роща, известная как Тихвинская. В глубине ее можно увидеть **Русалкин камень** (рис. 7). Раньше в этой роще стояла часовня, посвященная Тихвинской иконе Божьей Матери. Рядом с ней было небольшое озеро. Люди оставляли здесь «заветы» — просьбы об исцелении. В. А. Дынник так описывает это место: «Проплываем мимо Тихвинской рощи. Сумрачно и неподвижно повисли серые от старости сосновые ветки над высоким округлым бугром, — должно быть, финский могильник. Из-за бугра выглядывает крест деревянной ветхой часовни» [11: 254].

Рис. 7. Святая (Тихвинская) роща. Вид с запада. 2021. Фото А. Белавина

В день Тихвинской иконы Божьей Матери (9 июля) из Вершинино традиционно отправлялся крестный ход «на воду». В своих воспоминаниях В. А. Дынник описывает этот праздник: «Сегодня местный праздник — Тихвинской Божией матери, — колокола ударили, и из-за ограды показался крестный ход. Шли большей частью женщины, маленькие дети, девушки и старики... Крестный ход направился к роще... Там на берегу озера остановились... Два священника отслужили молебен с водосвятием... в это время десятки мужчин и женщин вошли в воду по пояс, т. к. были в платьях, затем окунулись по горло» [12: 630].

На берегу озера, у кромки рощи, находится Русалкин камень. Согласно легенде, когда-то старик увидел на этом камне сидящую русалку, которая расчесывала свои волосы. По рассказам местных жителей, она заметила его и, испугавшись, скрылась в водах Кенозеро. Размеры камня — 2,9×2,7 м, высота — 1,2 м (рис. 8).

По неподтвержденным данным, еще один **Русалкин камень** находится на Заячьем берегу, в 0,7 км к северо-западу от деревни Зехнова, на Лисьем мысу. Точное расположение его неизвестно, но об этой местности упоминается в быличке «Про русалку»: «Один раз пошли за сеном к Зайчихе [название залива у Зихнова] на пожню. Идем, поднялись от ворот, глядим — на бревнах сидит кто-то, шевелится, и длинны черны волосы — вот так [показывает] расчесыват. Вечером было, часов десять. Луна освещает озеро. Она обернулась — русалка голая, тело черно, и прыг-прыг, на ногах какие-то широкие, как ласты. В воду пошлепала — и поплыла вглубь» [13: 113].

Русалка — родственница водяного. Фольклорный материал Кенозерья свидетельствует, что рассказы об этом мифологическом персонаже имели здесь широкое распространение. По данным архангельской исследовательницы Н. В. Дранниковой, сделано более 30 записей о встречах с русалкой (фольклорный архив Поморского государственного университета). По представлениям жителей Кенозерья, русалка может быть духом-покровителем святой рощи. В записанных рассказах часто встречается эпизод о том, как русалка расчесывает волосы около святой рощи, что, по утверждению местных жителей, является предвестником какого-то несчастья [14: 123].

Местная жительница Г. И. Емельянова вспоминает: «Вышла баушка рано утром, туман по воде стелится. Смотрит: на лавине женщина сидит, ноги в воду опустила, волосы длинные рукой поглаживает. Я горит, поглядела, думала соседка Марьюшка пришла — полошнется. Окликнула ее: «Марьюшка!». А она как в воду

бультыхнула, только круги по воде пошли. Русалка то, видать, была, русалка... В нее верят местные бабушки и никогда не разрешают купаться внукам после захода солнца, говорят: «Водиник уташшит».

Рис. 8. Русалкин камень. Вид с запада. 2024. Фото А. Грязова

Изображение русалки есть на балконе дома П. Г. Богданова в деревне Косицина (по-местному, Шлёпина). К традиционной крестьянской домовой росписи оно не имеет отношения. В 60-х годах прошлого века ее нарисовал заезжий художник по просьбе хозяина дома, что отражает интерес местных жителей Кенозерья к традиционной мифологии края.

На острове Каменный (второе название — остров Любви), расположенном в центральной части Кенозера, в 2,5 км к югу от деревни Вершинино, на опушке леса находится большой **Девичий камень**, а на берегу озера — второй камень, поменьше. Юноши и девушки клялись здесь друг другу в любви и верности, загадывали желания. Традиционные гуляния проходили здесь в День молодежи. Невеста клала руки на Девичий камень, жених забирался на его вершину (сообщение Г. И. Емельяновой). Предположительно, эта традиция советского периода существовала и раньше. Размеры первого валуна — 7,5×6 м, высота — 4 м. Второй камень (5×3,5 м, высота — 1,9 м) напоминает культовые камни-следовики. На его плоской вершине есть два углубления, в которых скапливается дождевая вода. Одно в виде чаши размерами 1×1 м, глубиной 0,2 м, другое — как «след от валенка» (0,3×0,17 м, глубина — 2–3 см). Вероятно, что в прошлом он был «ритуальным» объектом. Фольклорные данные это предположение пока не подтверждают (рис. 9–12).

Есть на Кенозерье и культовые камни-следовики. Наряду со святыми рощами, деревьями, поклонными крестами и часовнями, они входили в сакральное пространство округи и были православными святынями. Их почитание сохранялось до недавнего времени. В 2024 году нашей экспедиции некоторые из них удалось осмотреть.

Недалеко от деревни Зехнова, расположенной в южной части Кенозера, находится **камень-следовик**, на котором, по рассказам местных жителей, находится Божий след. Он найден нами в 0,8 км к востоку от часовни Иоанна Богослова (XVIII век) в деревне Зехнова, на склоне возвышенности, к которой с юго-востока примыкает заболоченная низина.

Это выросший в землю гранитный валун с плоской вершиной размерами 1,24×1,1 м и высотой около 0,2 м. На поверхности есть овальное углубление — «след» (13×8 см, глубиной 3–4 см). Рядом — круглая лунка диаметром 6 см и глубиной 3,5 см. Дождевая вода из углублений считалась целебной и использовалась для лечения болезней. В прошлом на камень «по завету» (с просьбой об исцелении) клали ягоды и монеты (рис. 13, 14).

Рис. 9. Валуны на острове Каменный. Вид с юго-запада. 2024. Фото В. Шевелева

Рис. 10. Девичий камень на острове Каменный. Вид с юга. 2024. Фото А. Грязова

Рис. 11. Предполагаемый камень-следовик на острове Каменный. Вид с юго-запада. 2024. Фото А. Грязова

Рис. 12. Углубления на вершине камня (остров Каменный). Вид с севера. 2024. Фото В. Шевёлева

Рис. 13. Камень-следовик у деревни Зехнова. Вид с севера. 2024. Фото А. Грязова

Рис. 14. Камень-следовик у деревни Зехнова. Вид с севера. 2024. Фото С. Тучиной

Рис. 15. Бородавочный камень в деревне Горбачиха. Вид с юго-востока. 2024. Фото А. Грязова

В населенном пункте Горбачиха, который находится на юге Кенозеро, есть примечательный объект — **Бородавочный камень**. Он обнаружен в 300 метрах к северо-западу от реликтовой «святой» рощи, на юго-восточной окраине деревни. Камень находится недалеко от воды, почти под линией электропередач, которая проходит через залив озера от деревни Тырышкино.

Это гранитный валун, который имеет размеры 1,2×0,6 м и высотой 0,58 м. На его вершине есть углубление в форме чаши размерами 32×30 см и глубиной 6 см, в которой скапливается дождевая вода. По словам местного жителя И. А. Роймуева, это углубление считалось «даром от Бога», и водой из него «смывали» бородавки (рис. 15).

По сообщениям местных жителей подобные камни-следовики также существуют в ныне нежилой деревне Бор («Бог ступил») и на Мамоновом острове

около деревни Мамонова, к которому ходили для исцеления от экземы. На последнем находится углубление с дождевой водой, местные жители считали, что она «небесна(я)» [14: 126, 15: 36]. Точное местоположение этих камней нашим информантам неизвестно. Поэтому их поиск запланирован на летний сезон 2025 года.

Выводы

В сакральном ландшафте Русского Севера особое место занимали не только часовни, поклонные кресты и рощи, но и почитаемые камни [15: 35–36]. С ними были связаны различные предания и легенды о мифологических существах. В народной традиции им приписывали способность исцелять различные болезни.

В настоящее время живая устная традиция о местных достопримечательностях Кенозерья постепенно уходит в прошлое. Это связано с исчезновением многих деревень, запустением ранее обжитых мест и уходом из жизни старшего поколения местных жителей. Наша работа направлена на фиксацию остаточной информации о сакральных камнях Кенозеро.

Список сокращений

ГАХН — Государственная академия художественных наук

ИМЛИ РАН — Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук

САФУ — Северный (Арктический) федеральный университет

Список источников

1. Шевелев В. В. Культовые и мифологические камни на Каргополье: материалы для сводного каталога источников // Культовые камни Восточной Европы. Беларусь, Латвия, Литва, Россия. СПб.: Гуманитарная академия, 2018. С. 214–242.
2. Шевелев В. В. Большие камни родного края: природные историко-культурные объекты на Каргополье // Известия Русского Севера. 2019. № 5–6. С. 24–29.
3. Шевелев В. В. Большие камни Каргополья в традиционной народной культуре / Кабринский А. Г. С природой вместе... Архангельск: КИРА, 2024. С. 49–66.
4. Кузнецов А. В. Почитаемые камни на Вологодчине. Вологда-Тотьма: Лисья гора, 2016. 160 с.
5. Мельников И. В., Маслов В. В. О камнях-следовиках на территории Карелии // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1993. С. 160–177.
6. Мельников И. В. Святые места древней Карелии (палеознографические очерки о культовых памятниках). Петрозаводск: Музей-заповедник «Кижи», 1998. 134 с.

7. Царские грамоты Кенскому монастырю // Олонецкий сборник. 1902. Вып. 4. С. 46–48.
8. Докучаев-Басков К. А. Кенский монастырь, Пахомьева пустыня // Христианское чтение. 1887. Т. 2. № 7–8. С. 254–298; № 9–10. С. 477–517.
9. Макаров Н. А. Пахомиева Спасо-Преображенская Кенская мужская пустынь // Святые и святыни северорусских земель. Каргополь: Каргопольский историко-архитектурный и художественный музей. 2002. С. 155–161.
10. Критский Ю. М. Кенозерье: история и культура. Архангельск: Правда Севера. 2005. 207 с.
11. Дынный В. А. Кенозеро // Новый мир. Литературно-художественный и общественно-политический журнал. 1928. Кн. 2. С. 250–255.
12. Бахтина В. А. Неизданные материалы экспедиции Б. М. и Ю. М. Соколовых. 1926–1928. М.: ИМЛИ РАН, 2011. 763 с.
13. Кенозерские сказки, предания, былички. М.: Институт Наследия, 2003. 147 с.
14. Дранникова Н. В. Новые материалы к изучению мифологического пространства Кенозерья // Традиционная культура. 2007. 4(28). С. 123–127.
15. Мелютина М. Н., Теребихин Н. М. Сакральный ландшафт Кенозерья. Архангельск: САФУ. 2013. 201 с.

References

1. Shevelev V. V. Kul'tovye i mifologicheskie kamni na Kargopol'ye: materialy dlya svodnogo kataloga istochnikov [Cult and mythological stones in Kargopol'ye: materials for a consolidated catalog of sources]. *Kul'tovye kamni Vostochnoi Evropy. Belarus, Latvija, Litva, Rossiya* [Cult stones of Eastern Europe. Belarus, Latvia, Lithuania, Russia]. St. Petersburg: Humanitarian Academy, 2018, pp. 214–242. (In Russ.).
2. Shevelev V. V. Bol'shie kamni rodnogo kraja: prirodnye istoriko-kul'turnye ob'ekty na Kargopol'ye [Large stones of the native land: natural historical and cultural objects in Kargopol'ye]. *Izvestiya Russkogo Severa* [News of the Russian North]. 2019, No. 5–6, pp. 24–29. (In Russ.).
3. Shevelev V. V. Bol'shie kamni Kargopol'ya v traditsionnoi narodnoi kul'ture [Large stones of Kargopol'ye in traditional folk culture]. Kabrinskij A.G. S prirodoj vmeste... [Kabrinsky A. G. Together with nature...]. Arkhangelsk: KIRA, 2024, pp. 49–66. (In Russ.).
4. Kuznetsov A. V. Pochitaemye kamni na Vologodchine [Revered stones in the Vologda region]. Vologda-Totma: Lisya Gora, 2016. 160 p.
5. Melnikov I. V., Maslov V. V. O kamnyach-sledovikach na territorii Karelii [About footprint stones in the territory of Karelia]. *Obryady I verovaniyach narodov Karelii* [Rites and beliefs of the peoples of Karelia]. Petrozavodsk, 1993, pp. 160–177. (In Russ.).
6. Melnikov I. V. Svyatilishcha drevnej Karelii (paleoetnograficheskie ocherki o kul'tovych pamyatnikach) [Sanctuaries of Ancient Karelia (paleoethnographic essays on cult monuments)]. Petrozavodsk: Kizhi Museum-Reserve, 1998. 134 p. (In Russ.).
7. Tsarskie gramoty Kenskomu monastyryu [Royal charters to the Kensky Monastery]. Olonetskij sbornik [Olonetsky collection]. 1902. Issue 4, pp. 46–48.
8. Dokuchaev-Baskov K. A. Kenskij monastyr', Pachom'eva pustynya [Kensky Monastery, Pakhomiev Hermitage]. *Khristianskoe chtenie* [Christian Reading]. 1887, part two. No. 7–8, pp. 254–298; No 9–10, pp. 477–517. (In Russ.).
9. Makarov N. A. Pakhomieva Spaso-Preobrazhenskaya Kenskaya muzhskaya pustyn' [Pakhomieva Spaso-Preobrazhenskaya Kenskaya Men's Hermitage]. *Svyatye i svyatyni severnorusskich zemel'* [Saints and Shrines of the Northern Russian Lands]. Kargopol: Kargopol Historical, Architectural and Art Museum. 2002, pp. 155–161. (In Russ.).
10. Kritsky Yu. M. Kenozer'e: istoriya i kultura [Kenozero: history and culture]. Arkhangelsk: Pravda Severa. 2005. 207 p. (In Russ.).
11. Dynnik V. A. Kenozero [Kenozero]. *Novyj mir. Literaturno-chudozhestvennyj i obshchestvenno-politicheskij zhurnal* [Novy Mir. Literary, artistic and socio-political magazine]. 1928. Book 2, pp. 250–255. (In Russ.).
12. Bakhtina V. A. Neopublikovannye materialy ekspeditsii B.M. i Yu. M. Sokolovykh [Unpublished materials of the expedition of B. M. and Yu. M. Sokolov]. 1926–1928. M.: IMLI RAS, 2011. 763 p. (In Russ.).

13. Kenozerskie skazki, predaniya, bylichki (vstupitel'naya stat'ya, sostavlenie, primechaniya N. M. Vedernikovej) [Kenozero fairy tales, legends, and tales]. Moscow: Institute of Heritage, 2003. 147 p. (In Russ.).
14. Drannikova N. V. Novye materialy k izucheniyu mifologicheskogo prostranstva Kenozera [New materials for the study of the mythological space of Kenozero]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional Culture]. 2007. 4 (28), pp. 123–127. (In Russ.).
15. Melyutina M. N., Terebihin N. M. Sakral'nyi landshaft Kenozera [Sacred landscape of Kenozero]. Arkhangelsk: NArFU named after M. V. Lomonosov, National Park "Kenozersky". 2013. 201 p. (In Russ.).

Информация об авторах

В. В. Шевелёв — археолог, научный сотрудник;

А. М. Грязов — независимый исследователь.

Information about the authors

V. V. Shevelev — Archaeologist, research fellow;

A. M. Gryazov — Independent Researcher.

Статья поступила в редакцию 07.03.2025; одобрена после рецензирования 25.03.2025; принята к публикации 20.04.2025.
The article was submitted 07.03.2025; approved after reviewing 25.03.2025; accepted for publication 20.04.2025.

